

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова
Министерство образования и культуры Австрии
Образовательные программы сотрудничества *KulturKontakt*

Метаморфозы истории

Альманах

Выпуск 3

ПГПИ
ПСКОВ
2003

ББК 63
М-54

Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 3.

Псков. Издательство Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова. 2003. 284 с.

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и редакционно-издательского совета ПГПИ им. С.М. Кирова.

Издание осуществлено при финансовой поддержке ***KulturKontakt*** (образовательные программы сотрудничества министерства образования и культуры Австрии).

Редакторы:

В.С. Антипов

В.А. Дмитриев

Третий выпуск альманаха "Метаморфозы истории" включает в себя статьи, предназначенные учителям истории, студентам исторических факультетов педагогических институтов и университетов, учащимся старших классов, всем интересующимся прошлым России и зарубежных стран.

ISBN 5-87854-254-4

© Псковский государственный педагогический институт имени С.М. Кирова (ПГПИ им. С.М. Кирова), 2003

**Памяти
Юрия Васильевича
Егорова**

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В.В. Носков Русская философия истории
(размышления над книгой) 7

РОССИЯ И ЗАПАД

А. Л. Хорошкевич Русские грамоты XV -первой половины XVI вв.
(по материалам Рижского городского архива) 25

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Н.А. Королева Тайпинские источники: история открытия,
интерпретация содержания 38

В.В. Митин К вопросу о характере монгольского
средневекового общества 60

А.В. Сильнов Сирийский город Дура-Европос и эллинистическое
градостроительство 66

ИСТОРИЯ НАУКИ

Академик АН СССР *И. К. Кикоин* Письма учащимся г. Пскова 77

В.В. Митин Этнографическое исследование Монголии
Монгольской комиссией АН СССР · 88

Колпакова Ю.В. К.Т. Никольский о составлении
первого русского руководства по церковной археологии 104

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

- А.А.Лютов* Основные этапы государственного регулирования трудовых отношений в США от Т.Рузвельта до У.Клинтон117
- И.В. Якубовская* Реформы первого кабинета У.Ю. Гладстона и «социальный либерализм» 133

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

- А. Е. Фельдт* Советско-финская война 1939-1940 гг. глазами американцев 148
- В.А.Дмитриев* Состав персидской армии IV в. н.э. в известиях римского историка Аммиана Марцеллина 161

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

- А. Н. Кирпичников* Русский разлад. По материалам одной семейной хроники 170
- М.Ю.Колпаков* Политические идеи французского легиста Гийома де Ногаре 178

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. А. Дмитриев* Римская историография периода поздней империи: основные жанры и представители 188
- В.С. Антипов* Методология классического рационализма и французская историческая мысль эпохи Просвещения 209
- Р. И. Иваняков* Отто фон Бисмарк в отечественной историографии 1920-х - 1950-х гг. 220
- Д.М.Нечипорук* Новейшая отечественная историография об англо-американских отношениях в годы второй мировой войны. 236
- О.А.Иванов* Североирландская проблема и ее изучение отечественными историками (1980-1990-е гг.). 248
- Л.В. Алиева* История крестьянской общины на завершающем этапе ее существования: историографические проблемы 266
- Сведения об авторах.....281

В.В. Носков

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

(размышления над книгой)¹

Выход книги Л.В.Новиковой и И.Н.Сиземской «Русская философия истории» стал заметным событием в нашей исторической науке. Она опирается на подготовленную теми же авторами антологию и во многом дополняет другие изданные в последние годы учебные пособия, превосходя их широтой охвата и полнотой [2]. На страницах книги разворачивается широкая панорама философско-исторических исканий русских мыслителей за все время существования исторической России. Авторы сумели наглядно показать огромное значение философии истории как особой формы познания действительности в формировании национального самосознания и, в связи с этим, закономерность возрождения интереса к философии истории в той ситуации исторического самоопределения, в которой находится современная Россия.

В противоположность распространенным сциентистским определениям философии истории как некоей «философской науки» она определяется здесь как «особая сфера познания», что представляется совершенно обоснованным. К сожалению, такой подход систематически не выдерживается и уже на следующей странице мы сталкиваемся с определением философии истории как «раздела философского знания». Подобная трактовка создает неверное представление, поскольку низводит философию истории как форму познания до уровня одной из разновидностей другой формы познания, каковой является

философия, и нивелирует таким образом ее специфику. Нечеткость представлений о предмете исследования предопределяет отсутствие четкого критерия для отбора того материала, который подводится под понятие философии истории.

Философия истории действительно с трудом поддается определению. Общепринятых определений не существует ни для философии, ни для истории. Сама многозначность исходных терминов затрудняет возможность дать корректное определение столь сложного духовного феномена, как философия истории. Абстрагируясь от того многообразия содержания, которое вкладывается в понятие философия, история и философия истории, можно предложить определение философии истории как особой формы познания, соединяющей в себе возможности как философии, так и истории в постижении единой по своей сути исторической реальности. Речь таким образом должна идти о специфической форме познания, отличной по своим целям, задачам и уровню освоения действительности от таких его форм, как наука, философия или история. При этом сам процесс познания, в соответствии с традициями русского «онтологизма», понимается как составная часть исторической действительности, познаваемая как таковая вместе с нею.

В книге показано то исключительное положение, которое философия истории всегда занимала в структуре общественной мысли России, а также специфические особенности русской философии истории, отличающие ее от других национальных школ, прежде всего ее принципиальный и постоянно подчеркиваемый онтологизм. Важной особенностью русской философии истории являлось также то, что она всегда стремилась осмыслить исторические судьбы России в сопоставлении с судьбами других ведущих мировых держав и в контексте всемирной истории, сохраняя благодаря этому на всех этапах своего развития четкие ориентиры и выдерживая должный масштаб.

К сожалению, с самого начала авторы не провели достаточно четкого различия между понятиями «философия истории» и «историософия», при последующем изложении использовали их как фактически равнозначные, что привело к определенной терминологической путанице и смешению достаточно разнородных явлений в истории отечественной философско-исторической мысли. Возвращаясь к этому вопросу в связи с характеристикой взглядов Н.И.Кареева авторы не учли того, что писалось в его поздних

работах, а также то, что думали о соотношении философии истории и историософии другие русские мыслители.

Авторы избежали соблазна «удревнить» русскую философию истории дальше того рубежа, чем это действительно необходимо. Поиски ее корней они начинают с «Повести временных лет», в связи с чем ставится более общая проблема о ранних формах существования философско-исторического знания, предшествовавших появлению философии истории как таковой. Применительно к России эта проблема разрешается авторами достаточно удачно. В книге фиксируется внимание на зарождении в XI в. идеи «нового народа», которая становится одной из центральных в русской философии истории; хорошо показано историческое значение возвышения Москвы и связанных с этим важных процессов, происходивших в духовной сфере. Важнейшим этапом в формировании русской государственности и адекватного ей национального самосознания стало появление концепции «третьего Рима», суть которой наглядно представлена в книге. В удивительной «поэме» о Третьем Риме, писал В.В.Зеньковский, из «глубин мистического реализма церковная мысль сразу восходила к размышлениям о тайне истории, о сокровенной и священной стороне во внешней исторической реальности...». «Церковный логос, - добавлял он, - горячо и напряженно уходил в темы историософии, завещав их будущей русской философии, которая до сих пор не отошла от этих тем» [3].

Остается только пожалеть, что фундаментальное исследование Н.В.Синицыной на эту тему опубликовано уже после выхода рецензируемого сочинения [4]. Более углубленному пониманию этой идеи способствовало бы ее рассмотрение в сопоставлении с западноевропейской теорией империи, которая подверглась значительной трансформации одновременно с зарождением концепции «третьего Рима». Оба этих процесса были непосредственно связаны с переходом европейского мира от средневековья к новому времени, который ознаменовался рождением крупных национальных государств как на западе (Англия, Испания, Франция), так и на востоке (Москва) Европы, и с постановкой вопроса о их сравнительном положении в складывавшемся миропорядке и в историческом процессе вообще.

Выдвижение идеи «истинно-христианского», т.е. православного царства можно рассматривать как прямой вызов западной концепции католической империи, которая в тот момент подвергалась переосмыслению, воплотившемуся в попытке «национализировать» традиционную Священную Римскую

империю путем преобразования ее в государство «германской нации». Претензии на роль «Третьего Рима» означали возрождение в новых исторических условиях дуализма Западной и Восточной империй, идущего от античности и проходящего через всю историю средневековья. Нельзя поэтому согласиться с утверждением авторов о том, что вопрос об отношении России к Западу возник «несколько позже» и в рамках «иной парадигмы». Постановка этой проблемы четко датируется концом XV в., когда Московская Русь окончательно скинула татарское иго и столкнулась с необходимостью утвердить за собой достойное место в тогдашней иерархии государств. С этим связано и принятие московскими государями царского титула, равнозначного в их понимании императорскому.

Вряд ли обоснованно выделение отдельного параграфа, посвященного так называемой «философии самодержавия» и равнозначного в структуре книги параграфу о «Третьем Риме». Здесь авторы демонстрируют зависимость от взглядов, изложенных в устаревшей книге В.Вальденберга (1916), хотя целесообразнее было бы рассматривать государственную идеологию периода первых русских царей комплексно, в контексте складывания единой концепции «Третьего Рима», как это делал В.О.Ключевский [5]. Полезным было бы и обращение к работам Б.Ф.Поршнева, обстоятельно рассмотревшего проблему «Россия и Запад» с момента ее возникновения, и к трудам М.А.Алпатова, исследовавшего ее отражение в русской исторической мысли на самых ранних стадиях ее становления [6]. Это тем более необходимо, что в упомянутых монографиях большое внимание уделяется XVII веку, который авторы рассматриваемого сочинения совершенно упускают из виду, переходя от Ивана Грозного сразу к Петру Первому.

Думается, сам Петр очень бы удивился, если бы узнал, что к Европе он обратился «в поисках общечеловеческого опыта». Утверждение же авторов, что петровские реформы «сделали развитие страны по <<общечеловеческому>> пути необратимым», звучит как приговор. Петр, насколько известно, руководствовался гораздо более прозаическими мотивами, а «общечеловеческое» содержание в его преобразованиях обнаружилось гораздо позднее, благодаря стараниям доморожденных либералов. Таким образом, в одном небольшом параграфе можно проследить одновременно влияние и архаичного имперского мифа о величии Петра I, и более современной либеральной мифологии.

Достаточно странно выглядит содержащееся в том же разделе

утверждение, что вплоть до XVIII в. русскому народу только дважды удалось встретиться с «другим народом, с другой культурой». Даже если считать, что полезные для России «встречи» могли происходить только на ее западных границах, их можно насчитать несколько больше. Начинать историю русского просвещения с петровских реформ тоже, наверное, рановато. Помимо того, представляется несколько преждевременным говорить об интеллигенции, имея в виду петровские, да даже и более поздние времена. Тем более, что интеллигенция имела мало отношения к созиданию русской философии истории, которую всегда творила духовная элита [7]. «Вначале было варварство, а затем воссияла цивилизация..., - вот несложная философия истории среднего русского интеллигентства», - замечал по этому поводу С.Н.Булгаков [8]. Один из видных мыслителей русского зарубежья добавлял: «Кстати, о философии истории. По этой части у интеллигенции тоже все обстоит чрезвычайно просто и не вызывает необходимости мобилизовать умственные силы, впрочем отсутствующие» [9].

В разделе, посвященном эпохе Просвещения, справедливо подчеркнута значимость «варяжского вопроса» в становлении русской философско-исторической мысли; хорошо показано, какое место занимали в просветительской идеологии общие проблемы истории. Совершенно оправданной представляется и постановка в связи с этим вопроса о русском масонстве, хотя современная литература позволяет внести определенные коррективы в авторскую интерпретацию этого своеобразного явления. Не совсем понятно, на чем основано авторское утверждение о временах Екатерины Великой, что «в ее правление на первое место встали уже проблемы не политического, а духовного развития общества».

Анализом идей эпохи Просвещения завершается раздел «Истоки русского самосознания». Следующий раздел носит название «Поиски смысла истории», в связи с чем возникает вопрос: а чем же занимались мыслители, взгляды которых рассматриваются в других разделах? Требуется, очевидно, название, отражающее специфику того периода, которому посвящен именно данный раздел. Еще более серьезный вопрос возникает в связи с тем, что Отечественная война 1812 г. упоминается авторами лишь мимоходом, в перечислении многих разноплановых явлений, изменивших «направление умов» в первой четверти XIX в.

Каждая из крупных войн, которые вынуждена была вести Россия в последние сто с небольшим лет своего исторического

существования, становилась этапом в практическом разрешении той самой проблемы «Россия и Европа», над которой в духовной сфере билась русская философия истории. Каждое из этих событий, происходивших в сфере реальной политики, сопровождалось подъемом русской общественной мысли и давало очередной импульс к осмыслению места России в мировой истории, более того, во многом определяло характер, содержание и направление развития самой этой мысли на очередном этапе ее развития. Такой эффект, вслед за Отечественной, произвели затем Восточная (Крымская), Освободительная 1877-78 гг. и Великая 1914 г. войны. Что касается Отечественной войны 1812 г., то ее значение в истории развития русского самосознания подчеркнул Н.А.Бердяев в известной авторам книге об А.С.Хомякове [10].

Указав на ту большую роль, которую сыграла в становлении русской философско-исторической мысли классическая германская философия, авторы не акцентировали внимание читателя на том, что же именно заимствовалось у различных германских мыслителей и у кого именно, хотя при последующем изложении им неоднократно приходится сталкиваться с этими вопросами. Необходимо было, как представляется, отметить, что наибольшее влияние оказывал Шеллинг с его философией тождества; что даже Гегель уступал ему по степени воздействия; что ограниченное влияние Канта стало ощущаться только на рубеже XIX-XX веков, а влияние Фихте в области философии истории практически не было заметно. «От Шеллинга и Германии к России и православию - таков <<царский путь>> русской мысли», - замечал Г.П.Федотов [11]. Влияние Шеллинга хорошо прослежено в проигнорированной авторами книге П.Н.Милюкова по истории русской исторической мысли [12]. Там же можно найти очень интересный материал по философии истории Н.М.Карамзина, о котором в рецензируемом сочинении говорится незаслуженно мало.

В начале раздела «Поиски смысла истории» излагаются взгляды П.Я.Чаадаева, однако название соответствующего параграфа («Чаадаев: новая парадигма русского мессианизма») скорее дезориентирует читателя, чем вводит его в существо чаадаевской мысли, поскольку оно следует сразу после названия лекции «Славянофильская модель развития России», к разработке которой Чаадаев имел достаточно отдаленное отношение. Далее авторы переходят к анализу полемики между славянофилами и западниками, подробно, хотя и несколько схематично разбирая

взгляды различных представителей этих важнейших направлений русской философско-исторической мысли. Вызывает сожаление, что при этом обойдены вниманием такие оригинальные мыслители, как Ф.И.Тютчев и М.П.Погодин, которые внесли заметный вклад в развитие отечественной философии истории.

Не совсем ясно, о каких «двух стадиях в развитии цивилизации» говорится при разборе сочинений И.В.Киреевского, если у него речь на самом деле шла о сосуществовании и взаимодействии двух разных цивилизаций, а не о различных стадиях в истории какой-то одной из них. В наследии Киреевского авторы выделяют предчувствие грядущего «призвания Историей» России. В этой идее нетрудно увидеть дальнейшее развитие гегелевской концепции последовательного выхода на арену всемирной истории различных народов, призванных на главные роли. Киреевский просто дополнил перечень «всемирно-исторических народов» Россией. Свое законченное выражение эта идея получила затем в философии истории Бердяева и других русских мыслителей периода первой мировой войны, поэтому было бы интересно проследить развитие этой идеи во времени.

Впечатление от интересного в целом текста портит использование авторами современных пропагандистских клише типа «авторитаризм», «тоталитаризм», «национал-патриоты» и т.п., бессмысленных самих по себе и совершенно не пригодных для описания реальной исторической действительности, тем более, для объяснения иных эпох. А словосочетания «националистический пафос» или «великодержавный национализм» вряд ли применимы для характеристики взглядов А.С.Хомякова, которые гораздо сложнее по содержанию и не сводимы к этим простеньким и далеким от науки определениям. В доказательство своей точки зрения авторы приводят выдержки из известных стихотворений 1854 г., забывая при этом сказать, что написаны они в разгар «второй Пунической войны» Запада против России (под первой автор этого определения, Ф.И.Тютчев, подразумевал нашествие на Россию наполеоновской Европы). Богатейшая литература, порожденная Крымской войной, которая была наполнена глубоким философско-историческим смыслом, осталась за пределами внимания авторов [13].

Преувеличением представляется утверждение о «большом влиянии» А.И.Герцена «на развитие всей последующей философской и исторической мысли». Помимо специальной лекции, почти равной по объему лекции о всех славянофилах вместе с

Чаадаевым, к философии истории Герцена авторы обращаются и в лекции об утопическом социализме. Оставляя открытым вопрос, заслуживают ли эти две темы более подробного рассмотрения, чем концепции славянофилов, отметим высокий в целом уровень их разработки. Трудно, правда, сказать, стоило ли оценивать философию истории Герцена с «позиций постмодерна» и дезавуировать характеристику, данную ему С.Н.Булгаковым. Что же касается Г.Г.Шпета, то в его книге имеются и специальные оценки философско-исторических взглядов Герцена, а не только приведенная авторами яркая, но совершенно случайная цитата [14].

Очень важно, что авторы зафиксировали внимание на размышлениях Герцена относительно общности исторических судеб России и Америки, импульс которым дал А. де Токвиль в книге «Демократия в Америке». «Американская тема» оставила достаточно заметный след как в философско-исторических построениях Герцена, так и во всей русской философии истории того времени, начиная с И.В.Киреевского и заканчивая Н.Я.Данилевским [15], да и в последующем она еще долго не сходила с повестки дня.

В лекции о русском утопическом социализме хорошо показано значение философии истории в генезисе социалистической доктрины. Принципиальное значение имеет указание на ее «позитивную антибуржуазность», под которой подразумевается конструктивная, а потому необходимая критика капиталистической системы. Необходимо иметь в виду, что неприятие капиталистической цивилизации было характерной чертой и других направлений русской философии истории, которая в различных своих формах, в том числе и в социалистической, представляла собой идеологический ответ на «вызов» мещанского Запада.

Хорошее знание предмета авторы демонстрируют и при анализе философии истории русского либерализма. Добросовестное изложение взглядов К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина сопровождается показом сходства и отличия концепции последнего от гегелевской. Здесь, однако, уместно напомнить замечание самого Гегеля о либерализме как о «проблеме, на которой история остановилась» [16]. Германский мыслитель призывал поскорее разрешить эту проблему, чтобы всемирная история могла продолжать свое поступательное развитие, однако российские либералы игнорировали этот призыв, предпочитая серьезному анализу апологию казавшейся передовой для тогдашней России

доктрины. Серьезную критику исторической неправоты либерализма предпринял позднее Н.А.Бердяев, придя к заключению: «Либеральная философия истории не понимает природы истории» [17]. Заметим в связи с этим, что русский либерализм, поверхностный и плоский, по большей части вторичный, - это не та сфера, в которой русская мысль блистала оригинальностью.

Название следующего раздела - «Опыт сциентистской рефлексии» - представляет собой несомненную модернизацию, очередную попытку использовать терминологию наших дней для анализа явлений, происходивших в совершенно иную эпоху. Вряд ли попытки построения «научной истории», предпринимавшиеся рядом русских историков, можно характеризовать как «сциентизм» в современном смысле этого слова. Содержание раздела также вызывает определенные возражения. Параграфы о Т.Н.Грановском, С.М.Соловьеве и В.О.Ключевском, казалось бы, уместны в этом разделе, вне зависимости от его названия, но это - не философия истории, а история исторической науки, то есть то, что справедливо названо авторами «историки об истории». Что же касается Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева, то их довольно трудно подвести под рубрику «сциентизм», учитывая современное значение этого понятия.

Гораздо логичнее было выделить рассмотрение их взглядов в особый раздел, дополнив его отдельными параграфами о философии истории Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого и В.В.Розанова. Автора «Легенды о Великом инквизиторе», породившей целую философско-историческую литературу, совершенно немыслимо упоминать лишь в связи с другим, хотя и действительно выдающимся философом [18]. Как отмечал В.В.Зеньковский, «у самого Достоевского его религиозные искания достигают наибольшей остроты в его историософии», а «метафизика истории освещена у Достоевского с такой гениальной силой, как ни у кого другого» [19]. Не стоило игнорировать и Л.Н.Толстого, о философии истории которого еще до революции было написано несколько специальных работ [20]. Необходимо помнить, что одним из проявлений той самой «смены философской парадигмы», о которой говорится в следующем разделе, стал поворот от толстовского фатализма к глубинам мысли Достоевского.

Вряд ли можно обойти молчанием и такого своеобразного мыслителя, как В.В.Розанов. Не случайно один из первых интерпретаторов розановского творчества относил «философско-историческое» направление к числу важнейших для него [21]. Лишь

мельком упоминается в книге Н.Ф.Федоров, хотя концепция, изложенная в его «Философии общего дела», заслуживает большего. В совокупности сочинения названных мыслителей, очень по-разному трактующих проблемы философии истории, образуют непрерывный ряд, заполняющий весь период от «классического» славянофильства до нового расцвета русской философии на рубеже XIX-XX веков, поэтому было бы логично посвятить им особый раздел, поместив его непосредственно перед разделом об историософии В.С.Соловьева.

Раздел о становлении «научной» философии истории в России требует продолжения, поскольку изложение прервано на полуслове, причем на самом интересном месте. Конец XIX - первая четверть XX в. ознаменовались появлением целой серии важных работ по теории истории, авторами которых были такие известные историки, как Р.Ю.Вишпер, А.С.Лаппо-Данилевский, Д.М.Петрушевский. Различные аспекты философии истории затрагивали в своих трудах В.И.Герье, И.М.Гревс, Е.В.Тарле и многие другие. Даже отрицая философию истории, как это делали Вишпер и Петрушевский, каждый из них внес вклад в ее развитие, фактически продолжая исследование философско-исторической проблематики под другими названиями: «теория исторического познания», «методология истории», «логика истории» и т.п. Декларативное неприятие философии истории, о котором заявлял, например, П.Н.Милюков, не означало ее отсутствия на деле. Как замечал современник упомянутых русских мыслителей, американский историк К.Бекер, стремясь отказаться от всякой философии истории историк не достигает цели - он просто руководствуется дурной философией историей [22]. «Социолог, теолог и ученый - каждый из них имеет свою собственную философию истории», - добавлял другой его соотечественник [23]. Отметим также, что многие из названных выше имен даже не упоминаются, а одинокое замечание о Вишпере дает совершенно неверное представление о его взглядах на соотношение истории и социологии.

Наибольший вклад в развитие «научной» философии истории внес Н.И.Кареев, бывший в то же время крупнейшим представителем социологического направления в русской исторической науке. Его предшественниками, как хорошо показано в книге, явились П.Л.Лавров и Н.К.Михайловский. К ним необходимо добавить также философа-позитивиста В.В.Лесевича, автора одной из самых первых на русском языке специальной работы по философии

истории [24]. В лекции о «социологическом направлении» заслуживает упоминания и известный социолог В.М.Хвостов, а также Петрушевский, занявший довольно своеобразную позицию по вопросу о взаимоотношениях между исторической наукой и социологией.

Зато П.А.Сорокин оказывается тут совершенно не к месту. Авторам так и не удалось доказать, что его ранние труды внесли сколько-нибудь заметный вклад в философию истории. Из всей совокупности сочинений Сорокина можно при желании вычленить определенную философско-историческую концепцию, как это показал И.А.Голосенко [25], но все же основной его заслугой является разработка нового направления в американской социологии, а вовсе не в русской философии истории. Возвращаясь к Карееву, приходится констатировать явную недооценку авторами ряда важных его работ по философии истории, особенно позднего периода, в которых подводились итоги его многолетних изысканий в этой области [26]. Помимо того, при изучении социологического направления в русской философии истории встает важная проблема западного влияния на его развитие, особенно философии позитивизма. Можно без труда проследить, в частности, влияние так называемой «динамической социологии», мысль о которой сформулировал О.Конт и развил Л.Ф.Уорд [27].

Завершая разговор о «сциентистском» направлении в целом, необходимо упомянуть еще о двух немаловажных аспектах. Не упоминая целый ряд необходимых имен, авторы вместе с ними упускают из виду практически всю гносеологическую проблематику, внимание к которой отличало «научную» философию истории начала века. Важно и то, что многие из историков, занимавшихся ее разработкой, - Вишпер, Кареев, Петрушевский - продолжали работать в советское время, хоть в какой-то степени обеспечив преемственность традиций после катастрофы, постигшей историческую науку в результате большевистской революции. Оставался в Советской России и Г.Г.Шпет, занимавший совершенно особое место в истории русской философии начала XX в. В числе первых в мире он всерьез занялся разработкой исторической герменевтики.

Излагая тему «Материалистическое направление русской философии истории», авторы вновь встают на твердую почву, особенно при освещении марксистского вклада в развитие этого направления. Можно было бы, однако, более подробно остановиться

на значении идейной полемики середины 1890-х годов, спровоцированной книгами Г.В.Плеханова и П.Б.Струве, в истории русской общественной, в том числе философско-исторической мысли. Учитывая ее последствия, трудно переоценить значение этой полемики в истории развития национального самосознания. Этапное значение имел также выход сборника «Проблемы идеализма» в 1902 г., поэтому желательна его более полная и точная характеристика. За «Проблемами идеализма» последовала целая серия других коллективных выступлений русских мыслителей, каждое из которых отражало определенный этап в развитии общественной мысли, причем их перечень не исчерпывается хорошо известными «Вехами» и «Из глубины». Вслед за «Вехами» последовал сборник «О Владимире Соловьеве» (1910). Характер коллективного выступления носила публикация на страницах «Русской мысли» докладов на заседании московского Религиозно-философского общества, посвященном началу мировой войны. Вслед за тем вышла серия брошюр под общим названием «Война и культура», авторство которых принадлежало крупнейшим русским философам того времени. Завершением этого своеобразного цикла коллективных работ русских мыслителей можно считать сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы», сопровождавшийся целым рядом других публикаций на ту же тему. Столь большой интерес к книге Шпенглера объясняется тем, что в России еще до ее появления выдвигалось немало собственных версий «конца Европы». Примечательно, что от сборника к сборнику углублялось их философско-историческое содержание, а последний, ставший лебединой песней русских мыслителей старой школы, был преимущественно посвящен философии истории.

Лекция о В.С.Соловьеве отличается четкостью изложения и продуманностью структуры, основные аспекты его философско-исторической концепции получили должное освещение. Возражения может вызвать только злоупотребление его определением «зоологический национализм» применительно к позднему славянофильству (упоминается трижды, хотя и одного раза много), а также характеристика Н.Я.Данилевского как «национал-патриота». Лексика современной желтой прессы вообще неприменима по отношению к мыслителям прошлого столетия. Кроме того, первоначальное впечатление Соловьева относительно «полного безучастия российского общества к положению народа в период голода 1891 г.» подается как бесспорный исторический факт, хотя

дело обстояло совершенно иначе. Не говоря уже о деятельности многочисленных комитетов помощи голодающим, можно привести другие свидетельства общественной активности тех трагических дней. Полное безучастие проявлял поначалу только Л.Н.Толстой, пока его не пристыдили собратья по перу. Вообще же «русский голод» 1891-1892 гг. имел большие общественные последствия, значение которых в полной мере не оценено до сих пор. Приведенный пример показывает, что неплохо разбираясь во взглядах того или иного мыслителя, авторы не всегда верно представляют себе их подоплеку, тот реальный исторический контекст, в котором они формировались.

Две лекции, посвященные русской философии истории «Серебряного века», не дают, к сожалению, адекватного представления об этом важнейшем периоде благодаря схематичности изложения и фрагментарности представленного материала. Вызывает сомнение сам факт разделения единой по своему внутреннему содержанию темы на две части, в результате чего «историософия всеединства», к которой почему-то сводится вся философия истории того времени, оказывается оторванной от философского возрождения. При этом само возрождение показано лучше, чем порожденная им философия истории. Формулировка «религиозно-философский ренессанс» нуждается в уточнении. Сошлемся на мнение одного из главных его творцов: «Вряд ли можно сказать, что у нас был религиозный ренессанс», поскольку это движение затронуло только очень узкий круг «культурной элиты» [28]. Сам Бердяев предпочитал говорить о русском духовном или культурном ренессансе.

Как представляется, данная тема требует гораздо большего внимания, чем ей сочли нужным уделить авторы книги, поскольку речь идет о кульминационном моменте в развитии русской философии истории. В ее истории «серебряный век» русской культуры был золотым веком. В первую очередь, необходима подробная характеристика взглядов С.Н.Булгакова, являвшегося центральной фигурой эпохи философского возрождения. «Историософская тема была у него на первом плане», - подчеркивал В.В.Зеньковский [29]. Более серьезного отношения заслуживает Е.Н.Трубецкой, начиная с его ранних работ о религиозно-общественных идеалах раннесредневекового христианства, и заканчивая его крупными произведениями предвоенной и военной поры: «Миросозерцание Вл.С.Соловьева»,

«Метафизические предположения познания», «Смысл жизни». Заметный вклад в общее дело внес В.Ф.Эрн, лишь мимоходом упоминаемый в книге. Если говорить о С.Л.Франке, то нельзя ограничиваться только его поздними работами. Философско-исторические взгляды Франка отчетливо проявились уже в полемике с Эрном до и во время мировой войны, затем последовали книги «Душа человека» и «Предмет знания», важные для понимания его гносеологии, а с «Очерка методологии общественных наук» началась систематическая разработка особой «социальной философии», введение в которую и представляет цитируемая авторами книга «Духовные основы общества».

Несколько особняком от общего течения философской жизни стоял И.А.Ильин с его фундаментальным исследованием о Гегеле; в связи с которым заслуживает упоминания также Б.П.Вышеславцев, автор работ о философии Фихте. Разработанный ими метод «историко-философского» исследования представляет собой важный вклад в теорию познания. Особое место в этой славной когорте занимал Л.П.Карсавин, наследие которого представлено в книге очень выборочно и не самым лучшим образом. Интерес к философским проблемам истории проявился в самых первых его крупных исследованиях «Очерки религиозной жизни Италии» и «Основы средневековой религиозности». Затем были опубликованы «Культура средних веков» и «Введение в историю», и лишь потом появилась брошюра «Восток, Запад и русская идея», в которой авторы обнаруживают первые признаки размышлений Карсавина о смысле истории. Ими упущена также важнейшая карсавинская статья «Русская философия истории», в которой подводились итоги ее развития к моменту крушения исторической России.

В связи с характеристикой философии истории «серебряного века» встает совершенно особый вопрос о значении первой мировой войны и революции 1917 г. в истории русской философско-исторической мысли. В книге о русской философии истории эта тема заслуживает отдельной главы [30].

Трудно согласиться с искусственным вычленением из общего процесса развития философско-исторической мысли Серебряного века философии истории Н.А.Бердяева, которой отведено место после лекции об евразийстве. Несомненно, Бердяев заслуживает особого отношения как мыслитель, который внес наибольший вклад в развитие русской философии истории, однако вряд ли стоило вырывать его из того контекста, в котором развивалось его

творчество именно в тот период, когда он уделял ей повышенное внимание. Впервые к проблемам философии истории Бердяев обратился в книге «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) и в статье «Критика исторического материализма» (1903). С 1907 г., в связи с зарождением «нового религиозного сознания», он приступил к разработке собственной философско-исторической концепции и уже в следующем году опубликовал программную работу «Происхождение зла и смысл истории» (в 1911 г. переиздана в составе «Философии свободы»), в которой сформулировал «религиозные предпосылки философии истории» [31]. Содержательную сторону своей философии истории Бердяев развивал в трудах, посвященных В.С.Соловьеву (1911) и А.С.Хомякову (1912). Важное значение для понимания его взглядов имеет книга «Смысл творчества» (1916), в которой он попытался раскрыть особенности философской формы познания. В годы войны и революции Бердяев опубликовал большое количество работ, посвященных философско-историческому анализу происходивших в мире грандиозных событий, которые означали коренной поворот в ходе всемирной истории. Важнейшие из них вошли в сборник «Судьба России» (1918). Итоги происходивших на его глазах исторических перемен нашли отражение в серии работ первой половины 1920-х годов: «Философия неравенства», «Предсмертные мысли Фауста», «Конец Ренессанса», «Смысл истории», «Новое средневековье». И только гораздо позднее появились «Опыт эсхатологической метафизики» и «Русская идея», цитируемые в книге. Большое значение для понимания генезиса его представлений о философии истории имеет «опыт философской автобиографии» Бердяева - «Самопознание». В конечном итоге взгляды Бердяева показаны в книге очень неполно, поскольку анализируются только отдельные его работы, причем в обратном хронологическом порядке, что абсолютно неверно отражает развитие его концепции, представляя их в перевернутой перспективе. Поздние работы Бердяева, как и Ильина, Федотова, Франка, гораздо лучше смотрелись бы при сопоставлении их со взглядами евразийцев и других мыслителей русского зарубежья, продолжавших свои философско-исторические изыскания после крушения исторической России [32].

В заключение приходится констатировать, что развитие взглядов тех или иных мыслителей в рецензируемой книге зачастую рассматривается неисторично. Концепции многих русских

философов анализируются вне исторического контекста, в котором они зарождались, в отрыве от своего исторического времени, без учета специфики различных эпох. Нередко игнорируются ранние работы отдельных мыслителей (Бердяев, Карсавин, Франк) или, наоборот, более поздние их сочинения (Кареев). Можно отметить заметные диспропорции в освещении различных тем, что создает неверное представление об их относительной важности. В отдельных случаях ощущается излишнее внимание к одним фигурам, недостаток - к другим. В этом проявляется недостаточное умение авторов определить место того или иного мыслителя в истории русской философии истории, его реальный вклад в ее развитие. В библиографии присутствует много общих работ по истории русской мысли, но далеко не в полной мере учтена специальная литература по философии истории. Авторы демонстрируют также явно недостаточное знание сочинений самих русских мыслителей, взгляды которых освещаются на страницах книги. Иногда даже возникает впечатление, что они не совсем понимают то, о чем пишут, а главное - о чем надо писать. Такое мнение может показаться спорным, поэтому автор данного обзора готов внимательно выслушать любые возражения. Тема заслуживает того, чтобы обсудить ее подробно и всесторонне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. Курс лекций. - М., 1997. Рецензию Л.П.Буевой см.: Вопросы философии. 1999.№ 3.
2. См.: Очерк русской философии истории. Антология. - М., 1996; Бенедиктов Н.А., Пушкин С.Н., Шапошников Л.Е., Шаталин Е.Н. Философия истории в России. XIX в. - Нижний Новгород, 1994; Философия истории в России. Хрестоматия. - М., 1996.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. - Л.,1991. Т.1. Ч.1. - С. 41,45.
4. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). - М., 1998.
5. См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. - М., 1988. - Лекции XXV-XXVI.
6. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII-XVII вв. - М., 1973; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII - первая четверть XVIII века. - М., 1976; Поршнев Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV- XVIII вв. // Ученые записки АОН. Вып.2. Вопросы всеобщей истории. - М.,1948;

- Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. - М.,1970; Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. - М., 1976.
7. О духовной элите в отличие от интеллигенции см.: Флоровский Г.В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. - М., 1990. - С. 331; Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. - М., 1994. Т.2. - С.302, 308,311-312.
8. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. - М., 1990. - С.35.
9. Ильин В.Н. Религия революции и гибель культуры. - Paris,1987. - С. 96.
10. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. - М.,1912. - С.6. См. также: Глинка Ф.Н. Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII - первая треть XIX в.). - М.,1990. - С.235-244; Зеньковский В.В. История русской философии. Т.I. Ч.1. - С.143,165.
11. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. - СПб.,1991. Т.1. - С.86.
12. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. - СПб.,1913. - С.254-255,278-279,309,342.
13. См., в частности: Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны // Погодин М.П. Сочинения. Т.IV. - М.,1874; Из писем Ф.И.Тютчева во время Крымской войны // Русский архив. 1899. Кн.2 и 3.
14. См.: Шпет Г.Г. Философское мировоззрение Герцена. - Петроград,1921. - С.38,44-45,48,75,76.
15. См., в частности: Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика. - М.,1979. - С.78-79; Погодин М.П. Историко-политические письма. - С.231,238; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. - СПб.,1995. - С.39,138,190-191,243-244,249,349,358,363,421-422; Данилевский Н.Я. Горе победителям. Политические статьи. - Калуга,1998. - С.37,78,220.
16. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. - СПб.,1993. - С.451.
17. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. - Л.,1991. - С.131.
18. См., в частности, сб. «О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие». - М.,1992 (особенно сочинения В.С.Соловьева, В.В.Розанова и Н.А.Бердяева).
19. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.I. Ч.2. - С.241-243.
20. Достаточно назвать статьи Н.И.Кареева: Историческая философия в «Войне и мире» // Вестник Европы. 1887. Кн.7; Новая статья об исторической философии Л.Н.Толстого // Научный исторический журнал. 1914.№2 (о статье В.Н.Перцева «Философия истории Л.Н.Толстого» //

- Война и Мир. Сб. памяти Л.Н.Толстого. - М.,1913). См. также: Антология мировой философии. - М.,1972.Т.4. - С.448-464.
21. Шперк Ф.Э. В.В.Розанов (опыт характеристики) // В.В.Розанов: pro et contra. - СПб.,1995. Кн.1. - С.261.
 22. Becker C. Reviewing of Historical Books // Annual Report of the American Historical Association for 1912. - Wash.,1914. - P.136.
 23. Wyer J.I. Bibliography of the Study and Teaching of History // Annual Report of the American Historical Association for 1899. - Wash.,1900. - Vol.1. - P.561.
 24. Лесевич В.В. Философия истории на научной основе // Отечественные записки.1869.№1
 25. Голосенко Н.А. Философия истории Питирима Сорокина // Новая и новейшая история.1966.№ 4; см. также: Чесноков Г.Д. Философия истории П.Сорокина // Вопросы философии. 1971. № 1.
 26. См.: Носков В.В. Первая мировая война и судьбы «научной» философии истории в России // Историк и революция. - СПб.,1999. - С.95-99.
 27. См.: Носков В.В. Л.Ф.Уорд и Россия // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX в. - СПб.,1999; Носков В.В. Американская «психологическая школа» в социологии и русская «этико-социологическая школа» // Americana. Вып. 2. - Волгоград,1998.
 28. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь»... - С.302.
 29. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.II. Ч.2. - С.202.
 30. Носков В.В. Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории. - СПб., 2000.
 31. Бердяев Н.А. Происхождение зла и смысл истории // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. IV (94). - С.320.
 32. Из новых работ на эту тему см.: Волгогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. - М.,1998.

А. Л. Хорошкевич

РУССКИЕ ГРАМОТЫ XV - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI вв.

(По материалам Рижского городского архива)

Настоящая публикация является продолжением тех, которые увидели свет в «Археографическом ежегоднике» за 1965 и 1967 гг. Издаваемые грамоты происходят в основном из Центрального государственного исторического архива Латвии [1], из внешнего фонда рижского городского совета. Несистематичность занятий в этом архиве не позволила подготовить к публикации все грамоты XV - начала XVI вв. одновременно. Грамоты, обнаруженные в этом архиве в 1967 г., происходят в основном из Пскова, одна (№ 1) еще времени его независимости, другие относятся ко времени княжения Василия III, Ивана IV и Федора Иоанновича.

Историки Прибалтики давно обратили внимание на преобладание Пскова в торговых отношениях северо-западных русских городов с Ригой в конце XV - начале XVI вв. [2]. Вновь публикуемые документы позволяют подтвердить это мнение. Значение грамот не ограничивается только этим. Оно позволяет познакомиться со структурой и организацией псковской внешней торговли, с некоторыми экономическими результатами политики Василия III во Пскове, с некоторыми методами русской великокняжеской международной дипломатии.

Так, грамота № 1, которая, судя по водяному знаку и 4 индикту, должна быть датирована 1486 или 1501 г., показывает социальный состав псковского купечества, ездившего за границу.

«Псковскими купцами» называют себя портной мастер, кожевник, котельник, т.е. псковские ремесленники. В их среде находится и один, неизвестный ранее представитель крупной псковской купеческой семьи Иголкиных - Семен Иголка [3], фамилия которой тоже восходит вероятно к ремесленному прозвищу. По-видимому, и в Пскове, как и в Москве конца XV в. [4], во внешней торговле участвовали бывшие ремесленники.

Не менее интересны сведения грамоты № 1 о «национальном» составе «псковского» купечества: наряду с коренными псковичами, к числу которых следует, вероятно, отнести Семена Иголку, были выходцы и из других северо-западных русских городов Твери и Ржева, причем возможно настолько недавние, что это еще не забылось, а было их отличительными признаками. Весьма возможно, что переезд тверичей и ржевичей в Псков, еще остававшийся независимым, был вынужденным той политикой, которую проводило во вновь присоединенных русских городах правительство Ивана III. По грамоте можно представить и некоторые бытовые подробности жизни псковичей в Риге. Они, как и полочане, не жили в Риге совместно и не имели еще собственного подворья, но останавливались у отдельных рижан. Только благодаря этому товары умершего псковича могли оказаться в рижской ратуше.

По-видимому, псковские купцы не могли пользоваться и «гостинными палатами», которые находились при русской церкви св. Николая [5].

Все купцы-псковичи имели собственные печати, для которых характерны некоторые признаки, свойственные только псковским печатям именно этой категории населения - это очень небольшие размеры печатей, употребление воска грязно-коричневого цвета и самое главное - изображения животных и птиц, вырезанных с очень большим искусством. Подобные изображения на купеческих печатях других русских и белорусских городов неизвестны.

Обращает на себя внимание тот факт, что поручная грамота псковичей написана не ими самими, а священником церкви св. Николая в Риге. Священник в эту церковь назначался полоцким епископом и происходил обычно из Полоцка. Этим и объясняется появление некоторых литовско-белорусских терминов и слов: «посполито», «вси посполите», «вызнаваем», «их милость панове» и сходство общего характера документа с современным ему белорусскими (см. в приложении поручные грамоты витебских купцов начала XVI в.).

В отличие от псковичей московские сведенцы, поселившиеся в Пскове, сами писали свою поручную. Вернее писал ее один из них - Федос Семенов, писал, по-видимому, с большим напряжением, крупными буквами, и если этот почерк из-за его многочисленных отклонений от тогдашних норм написаний, можно назвать уставом, - то уставом, с бесчисленными ошибками, пропусками и исправлениями в строке и над строкой. Все это отмечает в Федосе не очень опытного писца. Остальные купцы были, по-видимому, неграмотны, они не расписывались сами, но приложили «свои клеймо и печати». В отличие от псковичей московские гости далеко не все имели свои печати. Их заменяли товарные клейма, форма которых настолько примитивна, что заставляет предполагать, будто и эти клейма недавнее нововведение.

Тем не менее московские сведенцы [6] не обращались к помощи никольского священника.

Московские купцы, унаследовавшие от псковских купцов традиции внешней торговли Пскова, ездили в Ригу целыми товариществами, выбирая себе и «голову». По-видимому, они, едва устроившись в Пскове, вели там крупную торговлю. Так, они обязались выплатить рижским ратманам тысячу гривен, если кто-либо будет еще раз требовать товар удавившегося в Риге Нестера.

Грамоты 3 и 4 рисуют борьбу псковских властей за возвращение полных холопов, бежавших из Пскова в Ригу [7]. Их владелец, псковский гость, по-видимому, московский сведенец Юрий Константинов, сын Константина Кожевникова, обратился с челобитной к псковскому наместнику о возвращении его «людей крепостных». Этим опознал псковский гость Микула Личнин, однако из-за вмешательства полочан, и заявления самих холопов, что они «литовские люди», он не сумел получить их. Произведенный во Пскове розыск подтвердил, что «родом один псковитин, а другой москвитин». Во Пскове жили и их родственники. «А у нас здесь во Пскове у тех люди отци и матери, жены и дети».

Просьба псковского наместника передать холопов псковскому гостю Личнину не помогла возвращению беглых. В Ригу отправился сам владелец, взявший с собою крепости на этих людей [8]. Таким образом и оказалась в Риге пока единственная сохранившаяся до нашего времени псковская полная 1511 г.

Переписка Пскова с Ригой по поводу беглых холопов показывает, с каким упорством боролись великокняжеские

наместники за крепостных людей. Пункт псковско-русско-литовских договоров о возвращении беглых не был мертвой буквой. Он настойчиво проводился в жизнь.

Еще более интересно, что владельцем полных холопов был не кто иной, как псковский гость, отнюдь не желавший расставаться со своими крепостными. Наряду с сокращением роли холопского труда в боярском хозяйстве, возможно, наблюдалось и иное явление - расширение его роли в купеческом хозяйстве. Позднее, в начале XVII в. именно холопы выступали в качестве приказчиков и «мальцов» крупных торговцев. По-видимому, и в начале XVI в. купцы уже применяли холопий труд.

Грамота № 5 посвящена переговорам о передаче товаров умершего в Риге псковского или московского купца Игнатия Костенева (брат его Григорей обращался с этой просьбой даже к Василию III), представляет интерес в трех отношениях. Она рисует некоторые дополнительные черточки деятельности Мисюря Мунехина в Пскове, характеризует объем торговли русских купцов в Риге (только у одного купца в одной партии товара было 20 берковцев тимьяна, т.е. 3,2 т.) и, наконец, как и все другие грамоты, исходившие от псковских наместников, показывает далеко идущие внешнеполитические цели Василия III. Великого князя Василия III все эти грамоты называют «царем», причем делают это очень последовательно. Титулуя Василия III «царем», псковские наместники готовили тем самым на международной арене в полном согласии с великокняжеской программой венчание великого князя на царство, венчание, которое решился осуществить только Иван IV.

Группа грамот (№№ 6-9) рижского архива посвящена переписке Михаила Львовича Глинского с рижским городским советом относительно покупки лекарств. Михаил Львович Глинский, тяжело болевший последние годы жизни, систематически пользовался лекарствами, купленными в Риге. Пользуясь своей близостью к Василию III, он отправлял за ними в Ригу знаменитого толмача Истому Малого. Дважды в ноябре-декабре 1528 и 1529 гг. тот ездил в Ригу, снабженный грамотами от самого Глинского и от великого князя Василия III.

Грамота № 10 приоткрывает завесу еще над одной страницей международных связей Руси времени Василия III. Три грамоты рисуют широкий размах русско-ливонской торговли середины XVI в., отличавшейся разнообразным ассортиментом товаров.

Наконец, две последние грамоты, относящиеся к концу XVI в., содержат сведения не только об ассортименте торговли, но и об ее участниках в том числе и таком приметном в это время лице, как Борис Федорович Годунов. О нем стоит сказать несколько подробнее. И не только потому, что его участие в зарубежной торговле началось еще в 70-е годы, не потому, что объем его экспорта резко отличался от объема торговых операций мелких торговцев, но и потому, что типичен для русской знати товар, которым должен был промышлять по его поручению юрьевский толмач.

Участие русской знати, прежде всего новгородской, в русском экспорте заметно еще с ганзейских времен. О попытке советников великого князя продать имперскому послу свои меха писал еще С.Герберштейн. Теперь утверждения последнего подкрепляются документально. В 1576 г. с толмачом русского посольства в Регенсбург Б.Ф.Годунов направил соболей на 1000 рублей. Нужды нет доказывать, что это предприятие не принесло искомой выгоды, и через 20 лет Годунов пытался вернуть потерянные деньги. Самое главное - Годунов продавал именно меха, т.е. тот самый товар, который входил не только в состав дани в Древней Руси, но и в состав ясака с покоренных народов в XVI в. Пушнина аккумулировалась в руках русской знати и самого царя, в первую очередь. И бояре, и сам царь активно использовали дипломатические каналы для продвижения своих товаров на экспорт. При этом они обращались не только к собственному купечеству, превращая его в своего рода агентство по продаже пушнины, но и представителям других народов. Годунов прибег к помощи некоего Федора-Вилима Филиппова, находившегося на службе у царя Ивана Васильевича. В грамоте № 8 в качестве «посылщика» М.Л.Глинского выступает также переводчик Истома Малый. Широкое участие русской знати в экспорте пушнины, главным образом дорогими ее сортами, делало ее почти монополистом в экспортной торговле, функции которой наряду с профессионалами выполняли и представители великокняжеской и царской администрации, и скovsky действовало на становление и развитие деятельности русского купечества.

На его долю, как показывает грамота № 11, оставалась более мелкая торговля. Товар псковитина Ивана Павлова чего только не включал: он вывозил и мелкие партии белки и горностаев, и готовые меховые изделия - шубы и рукавицы, и ткани русского производства - сермяги и крашенину, и пояса разных сортов

(обшитые тимом и татауры, так называемые в XIX в. боярские пояса, которые в XVI были «земскими»), и уздечки, и серпы. Сравнение этого набора товаров с аналогичным начала XVI в. обнаруживает огромные сдвиги в хозяйстве Руси. Уже не только продукты промыслов, но и предметы различных отраслей ремесла упорно прокладывали путь на запад. Особенно показательна в этом отношении грамота № 13, повествующая о незадаче псковитина Федора Алексеева. Его товар состоял исключительно из сельскохозяйственных орудий - 450 лемехов и десяти сох. В силу высокого развития сельскохозяйственного производства в Ливонии она, по-видимому, уже не могла полностью обеспечивать себя орудиями местного производства и вынуждена была ввозить их как с запада, так и с востока.

Что же касается торговли более дешевыми сортами мехов, в частности белкой, то и в этом отношении публикуемые грамоты вносят некоторые новые нюансы, однако уже не в социальные аспекты торговли, а в понимание отдельных терминов. Речь идет о «лычной белке», которая в ганзейских документах XIV-XV вв. выступает под названием «lyschwerk». По поводу происхождения его высказывалось много разных гипотез. По-видимому, так назывались шкурки белки, снятые «лыком», т.е. полосками, скорее всего хребтины.

По типам документов преобладают обычные послания - от имени псковских наместников и дьяков, кн. М.Л.Глинского в период его последней «реабилитации» и полного отхода от политических дел, наконец, самого великого князя Василия III, т.е. материалы дипломатической и торговой переписки. Среди публикуемых материалов находятся и три, созданные в самой Риге. Это поручные псковских купцов, псковских купцов-сведенцов из Москвы по своим братьям - купце и купеческой вдове, в результате урегулирования имущественных дел умерших в Риге торговцев. Эти грамоты (1 и 2) показывают степень организации псковского купечества, ведшего торговлю за границей - в Риге. Особый тип грамоты представляет из себя обязательство Тимофея Семенова взять на себя материальную ответственность за убытки, которые могли нанести рижанам в Пскове в отместку за задержание самого Семенова в Риге. Грамота показывает, сколь сложным стало положение России после Ливонской войны, сколь неравноправны стали отношения прежних торговых партнеров. Грамота № 14 интересна и другим - она показывает, что купцы самостоятельно

выполняли не только торговые поручения великого князя, но и мелкие дипломатические.

Некоторый материал публикуемые грамоты содержат и относительно политических представлений русских людей. В середине XVI в. рижские бургомистры в грамотах выступают в качестве «посадников» (№№ 11-13). Этот термин временно сменил или мирно соседствовал с более точным «боргоместеры» (№ 4), «бурмистры» (№№ 5,6,8) и «бергоместеры» (№№ 7,9,10,13). Лишь в самом конце XVI в. появляется термин «буимистры». Легче происходило усвоение термина «ратман», наряду с которым в середине XVI в. употреблялся и новый - «палатник». Изменялось и название или классификация самой Риги. Из «Ризкого места» конца XV в. (№№ 1,11) и «города Риги» первой трети XVI в. произошла «Рижская держава» середины столетия (№ 13). Возрождение терминологии времен независимости и введение нового термина - «держава», которое получит права гражданства в начале XVII в. в период Смуты и «безгосударства», свидетельствует, вероятно, о появлении «децентрализаторских» настроений в среде знати, находившейся на окраинах Русского государства или хотя бы в среде дьячества, занимавшегося составлением посланий в Ригу от имени великокняжеских наместников.

К сожалению, публикуемые грамоты подготовлены к печати по разным правилам. Те документы, копиями которых издатель в 1996 г. располагал, воспроизведены с указанием выносных. Остальные же, а их большинство, переданы в упрощенной транскрипции. Издатель не располагает даже современным точным наименованием архива, в связи с чем возможно неточное его обозначение. Не надеясь на возможности проверки документов *de visu*, автор предлагает к печати публикацию, несовершенства которой очевидны и за которые приносит извинения читателям.

1968,1980,1996 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Характеристику его см.: Енш Г.А. Из истории архивного дела Латвии. Рига. 1981.
2. Дорошенко В.В. Торговля Риги в XVII в. Рига. 1986.
3. Об этой семье см.: Марасинова Л.М. новые псковские грамоты XIV-XV веков. М., 1986. С. 92-93.

4. Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М., 1935.
5. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. II. М., 1978. № 139. С. 28.4.V.[1470].
6. Впрочем, московскими они могут быть названы условно. Эти выходцы из Московского княжества происходили из его различных городов. Судя по частому «оканью» («Семонов» вместо «Семенов», «запечатоли» вместо «запечатали», «приехов» вместо «приехав», «сказала» вместо «сказала», «нописаны» вместо «написаны», «поискивот» вместо «поискиват» и т.д.), сам Федос был «володимерский». Во Пскове он очень успешно освоил псковскую социально-политическую терминологию, так рижских рагманов он называет «посадниками», вспоминая упраздненных великим князем московским Василием III Ивановичем представителей псковской верховной власти времени независимости княжества.
7. Полную грамоту на одного из них см.: Хорошкевич А.Л. Псковская полная грамота 1511 г. // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С. 68-72.
8. Грамоты, касающиеся возвращения беглых холопов псковского купца, датированы и публикуются в соответствии с датами, указанными в самих документах. Однако их последовательность вызывает сомнение: по смыслу № 4 должна бала бы предшествовать № 3, обе должны бы быть написаны почти одновременно. Произвести уточнение датировки на основании упоминаемых представителей псковской власти не удастся. О псковском наместнике Юрии Дмитриевиче псковские летописи умалчивают. Михаил Васильевич Горбатый Суздальский Кислица занял эту должность в 1519 г. (Псковские летописи. Вып. I. М.-Л., 1941. С. 100).

№ 1. (1486 или 1501 г. июля 15). Поручная псковских купцов по Иване Цюзонове, получившем товар псковского купца Василия Цюзонова, умершего в Риге.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 1. Ящ. 19. № 268.

Подлинник, бумага 21,8 x 31,7 см. Водяной знак - корона с навершием и крестом. Следы 5 печатей.

Шестая печать сохранилась «Стефанова». Коричневого воска с круговой надписью: ПЕЧЕТ .ЕФА МАРК.. МЬ/МЬ во внешнем круге над буквами КП/, в центре диаметром 0,9 см - изображение пятиногого зверя, обращенного влево от зрителя, с удлинненным туловищем и небольшой приплюснотой головой. Печати были прикрыты нижними 9-ю см. бумаги, поэтому на этом нижнем краю сохранились их отпечатки. Можно точно установить размеры несохранившихся печатей: Иванова 1,6 на 1,8 см, Моисеева круглая диаметром 1,1 см, «ржовитина» - круглая диаметром 1,6 см, Тимохова - круглая - 1,4 см.

На фрагменте «Семеновой» печати во внешнем круге -

извилистая линия, в центре которой - птица с поднятой ногой, обращенная вправо, с небольшой головкой на длинной шее и толстым туловищем.

Мы, на имя Оксентеи, кожевник, Стефан, портной мастер, Иван Тверитин, Моисеи котелник, Иван з Ржова, Семен Иголка, Тимох котелник, купцы псковскии, визнаваемъ сим нашим листом вси посполито: ручили есмо по Иване, по Цюзонове с(ы)не, по Василеве брате. А тот Васил(ь) Иванов брат в Ризком месте загиб безведома. И Иван, приехав к Риз(е), хотел побрати товары брата своег(о) Ивана¹ Васил(ь)я, ино тыи товары побрали панове² Ризког(о) иеста на ратушю. Ино Иван просил панов их м(и)л(о)сти, штобы их м(и)л(о)сть пановъ тыи товары ему дали. И панове ему тых товаров не дали, не верячи, што тот Иван Василю тому брат, который загиб.

И мы для тог(о) по Иване ручили, што ж Василю тому брат, и панове их м(и)л(о)сть нам поверили и тому Ивану, брату Василеву, товары отдали.

А есть ли ж хто иниии будетъ тых товаров поисквати на панове их м(и)л(о)сти после тог(о) Ивана(а), Василева брата, и мы вси посполите будем платити тому. А панове от тог(о) просты. А на то есмо паном Ризког(о) места дали сеи наш листъ под нашими печатми.

Оксентеева Стефанова Иванова Моисеева Ржовина Семенова Тимохова

А писал поп Иван, служител(ь) с(вя)т(о)го Николы в Ризе. М(еся)ца шол(я) 15 д(е)нь индик(т).

№ 2. 1517 г. июля 30. - Поручная псковская купцов по Ховронье, вдове купца Нестера, умершего в Риге.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 19. № 85 а.

Подлинник, 32 x 29 см. Водяной знак - голова быка.

На оборотной стороне - архивные пометы XVIII в. На лицевой - карандашные пометы Г.Гильдебранта: Н.Н. 1517.

Игнатия Костенева 0,9 x 1,2 см., с двумя соединенными овалами.

Се яз гости³

Се мы купцы московские сведены в Псков⁴ именем Иван Познеков в головах да Олексеи Душка, да Игнатей Костенев, да Елизарей Елоха, да Иван Голова, да Федос Семонов, что был наш купецъ Нестер в Рижском месте, и тот Нестер удавился в пелту⁵ сам и посадних⁶ рыские по своему праву запечатоли тар⁷ его. И, приехов⁸, жена его Ховронье и сын его Ларка

к тому товару, что после его остался, и били чело⁹ посадником, чтобы товар его отдали и посадни¹⁰ ее пытали; есть ли у тебя грамота от наместников псковьских¹¹ до нас. И она грамоты не сказала.

И мы купци, именов своим написаны, ручили есма рисков посадником в том, что никто не будет по тот товар по Нестеров поискиват(ь) на посадниках в Риском месте.

Есть ли хто поискивот, черес того и мы, купчи, будемь виновати посадним¹² тысяча гривен.

И посадники рисковие через нашу поруку ее жаловали, отдали са всем навсо мужен товар Нестеров.

И мы, купчи, на болюю твердодость¹³ свои клеино и печати к сему нашему листу приложили: я, Федос писал в Ризе сес лист своею рукою лета полторатысач и семьнатецет, то иж день по Петрове дни.

Иван Познеков Алексей Душкин Игнатеи Елизареи
Федос Семенов

№ 3. 1521 г. апреля 9. - Грамота псковского наместника князя Михаила Васильевича Горбатого Суздальского Кислицы Рижскому городскому совету с просьбой выдать Юрию Константиновичу двух его полных холопов, бежавших в Ригу.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 1. Ящ. 19. № 88.

Подлинник, бумага 21x34,3 см. Следы печати на обратной стороне и 12 двойных прорезей для подкладки от печати.

На обратной стороне адрес: В Ригу ратманом Онтону да Вилеему и всем посадником.

Великого государя Василья божьею милостью царя государя всеа Руси и великого князя от наместника псковского от князя Михаила Васильевича в Ригу ратманом Онтону да Вилему и всем посадником. Здесе мне бил челом государя нашего гость Юрьи Костянтинов сын. А сказывает, бежали от него люди крепостные к вам в Ригу. И тех деи людеи у вас в Ризе изымал государя нашего гость Микула Личнин, да и перед вами их ставил. И те люди и перед вами сказалися, что государя нашего гостю Юрью холопи. И нынеча сказывают, напрасно вступилися полочане в тех людеи. А у нас хдесе во Пскове у тых людеи отци и матери, жены и дети.

И мы нынеча того государя нашего гостя Юрья отпустили и к вам в Ригу с крепостми на тех людеи. И как к вам государя нашего гость юр(ь)и в Ригу приедет, и вы б тех людеи государя нашего гостю Юрью

выдали по крепостному цолованью и по перемирным грамотам и по его крепостем, что б у нас в том мир не рушился до урочных лет.

Писан во государя нашего вочине во Пскове лета 7029 апреля в 9 день.

№ 4. 1522 г. марта 11. - Грамота псковского наместника Юрья Дмитриевича рижскому городскому совету с просьбой выдать псковитину Юрию Константинову его холопов, бежавших в Ригу.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 1. Ящ. 19. № 92.

Подлинник, бумага размером 18,2 см на 38,8 см. Водяной знак.

Писано столбцом аккуратной скорописью. На обороте красновосковая печать диаметром 1,6 см., прикрытая бумажкой. На печати ясно видно изображение сидящей нагой женщины. Для подкладки от печати две прорези.

На обороте адрес: В Ригу боргоместером Онтону да Вилему, да Юрью да Ивану Мятлю и всем ратманом.

Великого государя Василия божьею милостью царя и государя всея Руси и великого князя от наместника псковского от князя Юрья Дмитриевича в Ригу боргоместером Онтону да Вилему да Юрью да Ивану Мятлю и всем ратманом.

Бежали отселе изо Пскова от государя нашего гостя от Юшка Костянтинова сына два человека, его холопи полные. А родом один псковитин, а другой мисквитин. А тех Юшковых людеи поимал государя нашего гостя Микула Дмитриев сын Личнина у вас в Ризе, да и перед вами деи Микула тех людеи ставил. И те деи люди перед вами сказалися родом литовских людеи. И вы деи тогда тех людеи государя нашего гостю Микуле не выдали. А велели дее сте¹⁴ посажати их на крепости до обыску. И мы здесе того обыскивали государя нашего добрыми людьми, что те люди допмна родом один псковитин, а другой москвитин.

И вы бы тех людеи государя нашего гостя Юшковых холопеи выдали государя нашего гостю Микуле Дмитриевичу Личнина по сеи нашей грамоте.

Писан во государя нашего отчине во Пскове лета 7030 марта в 11 день.

№ 5. 1526 г. февраля 16. - Грамота дьяка Михаила Григорьевича мисюря Мужнехина рижским бургомистрам с просьбой передать товар Игнатия Костенева его брату Гриде.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 19. № 94 а.

Подлинник, бумага без водяного знака 20,2х29,2 см. 4 прорези

для печати. На обратной стороне - подкладка и фрагмент маленькой (диаметром около 1,5 см.) черновосковской печати. Написано аккуратной скорописью. Поля сбоку по 3 см., наверху - 4 см., внизу - 9 см.

Великого ос(по)д(а)ря Васил(ь)я божьей милостью царя и государя всеа Руси и великого князя от дьяка от Михаила от Григорьевича от Мисюря в Ригу бурмистром и ратманом рижзским. Здес нам бил челом от великого осподаря нашего царя всеа Руси гость Гридя Костенев. А сказывает, что положил брат его Тзнатеи Костенев у вашего немчина у Матфея темъяну черного двадцать берковеск. И того брата его Игнатъя Костенева в животе не стало. И Игнатей, отходя сего света, отказал весь свои живот своему брату Гриде. И нынече Гридя поехал к вам в Ригу.

И вы б тому немчину Матфею Гриде Костеневу Игнатъев темъян двадцать берковеск, сыскав, сполна велели отдати, чтоб тот осподаря нашего царя всеа Руси гость Гридя Костенев осподарю нашему царю всеа Руси вперед о том не бил челом, да и нам о том не докучал же.

Писан в осподаря нашего царя всеа Руси отчине во Пскове лета 7030 четвертаго феврал(я) в 16 день.

№ 6. 1528 г. ноября 30. - Грамота Михаила Львовича Глинского рижским ратманам с просьбой разрешить московскому толмачу ИстOME Малому купить лекарства для Глинского.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 19. № 95.

Подлинник, бумага без водяного знака 18,8 x 28 см., 3 прорези для печати. На лицевой стороне подписи: собственноручная подпись Михаила Глинского:

Michel Dux man apix.

На лицевой стороне - карандашные пометы Г.Гильдебранта: сор. Н.Н. 112 1528, Novemb. 30.

На обороте - следы небольшой печати, архивные пометы XVIII в. и адрес: Чеснодостойным паном и бурмистром и ратманом славного града Риги.

Чеснодостойным паном бурмистром и ротманом славного града Риги, от князя Михаила Львовича Глинского приятельское поздравление.

Пожаловал меня слугу своего государь наш великий государь Василеи божеею милостью царь и государь всеа Руси и великии князь(ь), ослободил мне послати своего толмачя государева Истому Малого о зельях лекарских к вам в Ригу для нашего здравья.

И мы, имеючи надею ко нашему достоинству, о таковых зельях послали есмя его к вам да и список тех зелеи в сеи нашей грамоте к вам послали есмя. И вы бы к нам любовь свою учинили. И в том потружались и таких зелеи свежих новопривозных по тому списку по нашему, которои

еся к вам послали, за наши денги нам избрали да, избрав такие зелья, дали тому нашему посыльнику государя великого князя царя всеа Руси толмачю Истоме Малому. А где придет к нам ваше слово, и мы такоже против вас ради всякую истому и труды принять, готовы еся.

Писан на Москве лета 1528 ноября 30 день святого Ондreja.

№ 7. 1528 г. декабря. - Грамота великого князя Василия III с просьбой оказать содействие Истоме Малому в покупке лекарств для князя Михаила Львовича Глинского.

ЦГИА Латвии. Ф. 673. Оп. 4. Ящ. 19. № 97.

Подлинник, бумага 27 x 36,2 см. без вод. знака.

На лицевой стороне - каранда. - 1529 Дес.

поля - 4, 4, 10 см. (внизу).

На обороте - великолепно сохранившаяся красновосковая печать Василия III, диам. 3,8 см. с изображением всадника, поражающего копьём змея и круговой надписью вязью: Василии б(о)жую милостью оподарь всеа Руси и великии князь.

Адрес: В Ригу бергомистром и ратманом.

От великого государя Василья боожию милостью царя и государя всеа Руси и великого князя владимерского, московского, новгородцкого, псковского, смоленского, тферского, югорского, пермьского, вятцкого, болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, и черниговского, и резанского и волотцкого и ржевского и белского, ростовского, и ярославского и белоозерского и удорского и обдорского и кондинского и иных.

¹ Зачеркнуто.

² Ими исправлено из ею.

³ Написано вверху листа. Следующая строчка с пропуском в полторы-две строки.

⁴ Написано над строкой

⁵ Так в рукописи. Слово непонятно.

⁶ Так в рукописи. Следует читать «посадники».

⁷ Так в рукописи. Следует читать «товар».

⁸ Так в рукописи.

⁹ Так в рукописи. Следует читать «челом».

¹⁰ Так в рукописи. Следует читать «посадники».

¹¹ Так в рукописи. Следует читать «псковских».

¹² Так в рукописи. Следует читать «посадником».

¹³ «до» написано над строкой.

¹⁴ Так в рукописи.

Н.А. Королева

ТАЙПИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ

Исследователи истории крестьянской войны тайпинов к концу XX в. располагали значительным количеством тайпинских актовых и нарративных источников, позволяющих всесторонне проанализировать события 1850-1864 гг. в Китае. Цель нашего исследования - выделить основные этапы изучения тайпинских источников и выявить тенденции, определившиеся в толковании содержания тайпинских памятников в современном тайпиноведении.

Поиски и издание тайпинских материалов китайскими исследователями

Публикации тайпинских материалов стали осуществляться китайскими историками с первых десятилетий XX в. Усиленные поиски памятников крестьянской войны тайпинов в какой-то мере явились следствием развертывавшейся в Китае борьбы за уничтожение феодализма, иностранного гнета, за провозглашение свободного, демократического Китая. Маньчжуро-цинские власти запрещали издание тайпинских документов и первые тайпинские источники были изданы впервые на английском языке западноевропейскими миссионерами [1]. Развитие буржуазно-национального движения в Китае, Синьхайская революция 1911-1913 гг., а затем "движение 4 мая" 1919 г. вызвали интерес к истории тайпинов, многие идеи которых были

восприняты и развиты лидером революционной демократии Сунь Ятсеном и его соратниками. В конце 20-х - 30-е годы XX в. в Китае начинается период систематических поисков и издание актовых и нарративных памятников периода крестьянской войны тайпинов. Деятельность известных китайских историков этого времени, направленная на поиски, коллекционирование, комментирование и публикацию тайпинских источников, стала значительным вкладом в историю изучения крестьянской войны тайпинов [2].

Самой ранней публикацией тайпинских документов является сборник материалов, подготовленный к изданию Чэн Яньшэном и увидевший свет в 1926 г. [3]. Сборник состоит из трех тетрадей, включивших в себя памятники, найденные составителем в Париже в библиотеке Института восточных языков. В сборник вошли указы Хун Сюцюаня, гимны, написанные им, рассказ об учреждении Небесной столицы и пр. - всего 10 документов. В издание были включены важнейшие источники по истории тайпинского государства: о христианском учении, о программе социальных преобразований, проведение которых намечалось восставшими и нашло отражение в "Земельной системе Небесной династии".

В течение 20-х-30-х годов в Китае неоднократно издаются тайпинские материалы. Так, в 1929 г. вышел сборник, составленный Лю Фу [4], в который вошли 16 важнейших тайпинских документов: правила лагерной стоянки, о введении нового календаря, два письма Чжунвана Ли Сючэна и др. Составитель издания обнаружил и скопировал эти документы в хранилище Британского музея.

В это же время появляются первые публикации тайпинских письменных памятников, находящихся в самом Китае. Например, в 1933 г. вышел сборник, составленный музеем Гугун в Пекине [5], а в 1935 г. - вновь были изданы два сборника фотокопий тайпинских материалов, хранящихся в Британском музее и в библиотеке Института восточных языков в Париже [6].

В начале 30-х годов издаются также тайпинские литературные памятники в стихах и прозе. Так, в 1931-1937 гг. издавались и переиздавались документы по искусству и литературе периода Тайпин Тяньго [7]. В сборники вошли стихи вождей тайпинского восстания Хун Сюцюаня, Ши Дакая и др. Позже отдельные произведения, помещенные в сборнике, вызвали сомнения в их подлинности у тайпиноведов и историкам пришлось специально изучать аутентичность этих памятников. В результате некоторые из произведений были признаны фальсификацией.

В первой половине 30-х годов появляются сборники тайпинских документов, которые снабжаются комментариями. К тому же сами материалы в них подбираются по определенной тематике. Иногда публикация сопровождается кратким анализом памятника. Составителями таких сборников стали Цзянь Ювэнь, Сяо Ишань. Правда, в эти сборники зачастую попадали документы либо фальсифицированные, либо не относящиеся к истории тайпинов, что, безусловно, снижает качество данных публикаций. Ло Эрган, видный специалист по истории тайпинов в КНР, посвятил особое исследование установлению подлинности таких источников [8].

Другой китайский ученый Цзянь Ювэнь подготовил к изданию 10 тайпинских книг, которые хранились в библиотеке Кембриджского университета и были найдены там Ван Чжунмином [9]. В сборник вошли книга о тайпинских церемониях, календари на 1854, 1858 гг., темы сочинений на экзаменах в 1859 г., "Сочинение о новом управлении" Хун Жэньганя и др.

Сяо Ишань издает в 1935-1937 гг. три сборника тайпинских материалов, в которые включаются и воспоминания современников. Первый сборник, в который вошли фотокопии указов Тайпин Тяньго и комментарии к ним, был опубликован в 1935 г. Всего в сборнике был представлен 21 документ, хранившийся в Британском музее в Лондоне [10].

В 1936 г. Сяо Ишанем был подготовлен второй сборник [11], в который были включены 22 тайпинских документа, в том числе стихи Хун Сюцюаня и его сына, "Земельная система Небесной династии", "Устав тайпинской армии", "Небесные церемонии" и др. Некоторые памятники публиковались раньше, в первом сборнике. Ко всем тайпинским документам прилагались подробные комментарии и давалось точное указание источника, из которого они были перепечатаны.

В 1937 г. издательство Бэйпинского государственного научно-исследовательского института выпустило сборник "Переписка Тайпин Тяньго", составленный Сяо Ишанем [12], в котором были представлены фотокопии и комментарии к ним 15-ти писем Ли Сючэна и других деятелей Тайпинского государства.

В 1938 г. Се Синяо опубликовал новый сборник документов [13], содержащий записи современников тайпинов, их личные воспоминания. Всего было представлено 13 памятников. Сборник делится на три части. В первой подобраны материалы, относящиеся к провинции Гуанси и рассказывающие о положении на ее территории

накануне крестьянской войны тайпинов. Во второй части сборника были представлены записи и дневники современников тайпинов, касающиеся истории создания Тайпин Тяньго, учреждения столицы в Нанкине, а также описывающие положение в государстве тайпинов после превращения в 1853 г. Нанкина в столицу Тайпин Тяньго. Здесь же помещены показания на допросах плененных маньчжурами лидеров восстания. Некоторые из представленных в сборнике документов позже были включены в изданный в 1953 г. в КНР сборник тайпинских материалов [14]. Третья часть сборника - собрание стихов тайпинов и очевидцев восстания о событиях 1850-1864 гг.

В 30-е годы китайские исследователи истории тайпинов пытаются использовать свидетельства иностранцев о тайпинах. В этом направлении много сделал Цзян Ювэнь, который первым перевел на китайский язык книгу Т.Хамберга "Видение Хун Сюцюаня" [15]. Книга Т.Хамберга вышла отдельным изданием [16], отрывки из нее публиковались и в исторических журналах того времени: "Цзинши" ("Закон и мир"), "Ицзин" ("Утраченные книги") и др.

Изданные Цзян Ювэнем, Сяо Ишанем, Се Синяо сборники тайпинских источников заложили основы тайпиноведения в Китае: составители сборников не только издают и комментируют обнаруженные тайпинские документы, но и публикуют статьи о событиях, связанных с историей тайпинов. Вместе с тем сбор и публикация тайпинских документов китайскими историками в период существования гоминьдановского Китая носили эпизодический и случайный характер. Поиски и отбор источников по истории тайпинов осуществлялись отдельными энтузиастами. Особое внимание обращалось на изучение документов, касавшихся религиозной деятельности повстанцев, личности Хун Сюцюаня, отношений тайпинов с иностранцами.

После образования КНР начинается период поисков и публикации тайпинских источников в самых широких масштабах. Начало 50-х годов - время интенсивного издания и переиздания документов по истории тайпинов. За 13 лет, прошедших после провозглашения КНР было издано 15 сборников тайпинских документов, некоторые из них были многотомными публикациями. В издании и комментировании документов принимали участие видные историки КНР - Ло Эрган, Ван Чжунминь, Фань Вэньлань, Цзян Боцань и др. Ниже мы даем подробное описание лишь некоторых, наиболее важных, на наш взгляд, публикаций тайпинских источников в КНР.

Поиск и сбор памятников крестьянской войны тайпинов получил широкий размах в связи с празднованием 100-летнего юбилея со дня начала Цзиньтяньского восстания. В масштабах всего Китая был организован сбор тайпинских источников. Найденные материалы демонстрировались на выставках, публиковались в периодической печати. Так, например, в Нанкине в декабре 1950 г. был учрежден подготовительный комитет по организации празднования юбилея, который занимался организацией выставок в провинции Цзянсу, сбором тайпинских вещественных и письменных памятников. В Нанкине, бывшей столице тайпинского государства, в 1951 г. был создан мемориал истории Тайпин Тяньго, переименованный в 1961 г. в Музей истории Тайпин Тяньго.

Результатом этой массовой компании поисков и публикации тайпинских документов явились изданные в последующие годы сборники материалов. Главное внимание уделялось документам, относящимся к социально-экономической деятельности тайпинов. Так, в 1952 г. вышел в свет "Альбом вещественных и письменных памятников революции Тайпин Тяньго" [17]. В нем были представлены фотоматериалы выставки тайпинских документов, организованной в Шанхае и посвященной 100-летию со дня восстания в Цзиньтяни. В общей сложности в фотоальбоме было представлено 88 различного рода вещественных и письменных памятников периода Тайпин Тяньго: печати, принадлежавшие различным тайпинским князьям, письма, дорожные квитанции, квитанции на поля и пр.

В 1953 г. было издано продолжение этого альбома [18]. Составитель его Го Жоюй включил в издание еще 76 памятников: монеты, поясные бирки солдат-тайпинов, автографы лидеров тайпинов Ли Сюэна, Хун Жэньганя и т.д. В дополнительном издании фотоальбома тайпинских документов были представлены и квитанции на земельные участки, на владение торговыми предприятиями, квитанции о внесении налогов.

В 1955 г. Го Жоюй публикует новый альбом [19]. В него были включены фотокопии тайпинских книг, фотографии пушек, находившихся на вооружении тайпинской армии, послания и указы тайпинских князей, квитанции на поля и ряд других актов документов. В общей сложности в альбом было включено 90 тайпинских памятников.

Наиболее полная и значительная публикация тайпинских

источников была осуществлена в 1953 г., когда в КНР вышло в свет 8-томное собрание тайпинских материалов "Тайпин Тяньго" [20]. Переиздание этого сборника было осуществлено в 1957 г. Существенной разницы в подборке документов между этими изданиями нет, лишь два документа, включенные в первую публикацию, позже признавались фальсифицированными. Составителями этого крупнейшего издания тайпинских источников были 20 известнейших историков КНР, в числе которых: Ван Чжунминь, Сян Да, Ло Эрган и др. Предисловие к изданию написано членами комитета по изданию материалов Тайпинского государства в Пекине: Сюй Тэли, Фань Вэньланем, Цзян Боцзанем и др.

Все представленные в сборнике материалы делятся на 4 части - тайпинские материалы, записи сторонников Цинов, записи иностранцев - современников тайпинов, свидетельства сторонников маньчжуро-цинов. В приложение к нему включены карта военных действий тайпинской армии, фотокопии обложек тайпинских книг, тайпинских денег и печатей тайпинских князей. Всего в сборнике представлены 38 изданных тайпинами книг, 84 указа и наставления Небесного князя Хун Сюцюаня и правительства тайпинов, 8 автобиографий тайпинских князей, 23 квитанции, надписи, сделанные на стелах и пр. В сборник вошло и 55 дневниковых записей, оставленных очевидцами тайпинского движения. В сборник включены выдержки из книг о тайпинах Робертса, Хамберга и др., переводы из которых на китайский язык были сделаны Цзян Ювэнем.

В 1957 г. шанхайское издательство "Жэньминь чубаньшэ" выпустило приложение к сборнику - "Каталог материалов Тайпин Тяньго" (составители Чжан Сюминь, Ван Хуэйянь) [21]. Каталог был отредактирован Цзинь Юйфу, им же написано предисловие. В подготовке каталога к изданию принимали участие Ван Чжунминь, Ло Эрган, Се Синяо, Жун Мынюань и др. В "Каталоге" указаны все известные на тот период времени материалы по истории тайпинов, специально отмечены те из них, которые нигде не публиковались.

Следующая значительная публикация тайпинских памятников - "Материалы по истории Тайпинского государства" (составители Цзинь Юйфу и др.) [22]. Первое издание вышло в 1955 году, второе - исправленное и дополненное в 1958 г. В сборник были включены рукописные материалы и фотокопии тайпинских источников из китайских и зарубежных библиотек. Так, в сборнике

представлены материалы из Восточного отдела Британского музея, из библиотеки Кэмбриджского университета. Подборка источников была осуществлена исследовательским отделом письменных памятников при Пекинском университете в 1950 г. За небольшим исключением, все помещенные в сборнике документы прежде не публиковались.

В 1959 г. были опубликованы тайпинские источники в сборнике "Материалы по Тайпин Тяньго" [23], который являлся специальным приложением к серии материалов по новой истории Китая. В издание вошли официальные тайпинские документы и свидетельства об уплате налогов (всего 14 экземпляров), указы Тайпин Тяньго (10), из цинских архивов и хроник было представлено в сборнике 19 памятников. Хронологически материалы охватывают период с 1853 по 1856 гг., территориально относятся к более чем 10 провинциям. В сборнике помещены также материалы о северном походе тайпинской армии, о положении в провинциях Цзянсу и Чжэцзян в 1860-1863 гг. и др. Большинство помещенных здесь материалов публиковались впервые.

В течение 1958-1960 гг. в КНР был издан ряд памятников по истории Тайпинского государства из архивов сторонников маньчжуро-цинской династии, которые вышли отдельными сборниками. Содержание публикаций - записи хронологические участников подавления крестьянской войны тайпинов, очевидцев-современников, проживавших на территории Тайпин Тяньго, а так же ряд тайпинских официальных документов, которые прежде не публиковались.

В течение 1961-1963 гг. выходит в свет 6-томный сборник тайпинских источников, составленный музеем истории Тайпин Тяньго в Нанкине "Краткий выпуск материалов по истории Тайпин Тяньго" [24]. Предисловие к сборнику написано Ло Эрганом.

Выход в свет нанкинского сборника тайпинских материалов явился итогом почти десятилетней работы по отбору, проверке документов, относящихся к истории тайпинов и хранившихся в музее Тайпин Тяньго и в Нанкинском книгохранилище Ихэлу. Сбор тайпинских материалов начался в августе 1951 г., когда в Нанкине был учрежден специальный комитет по изучению тайпинских памятников. Исследованию подверглись в первую очередь те документы, которые находились на выставке, организованной в связи со 100-летним юбилеем восстания в Цзиньтяни. Выставка открылась в Нанкине в декабре 1950 г., а к февралю 1953 г.

завершилось описание представленных на выставке рукописей и в журнале "Лиши яньцзю" ("Исторические исследования") был опубликован их каталог.

В хранилище Нанкинской библиотеки также находилось значительное количество тайпинских материалов, еще не известных исследователям истории тайпинов. Кроме того сбор тайпинских источников развернулся по всей стране с 1950 г. и прежде всего в тех провинциях, где действовали тайпины - Цзянсу, Аньхой, Чжэцзян. Поиски тайпинских источников велись по специальному плану, одобренному комитетом просвещения и культуры провинции Цзянсу. Так, в июне 1953 г. проводилась выставка материалов по истории тайпинов, посвященная 93-ей годовщине освобождения тайпинской армией Сучжоу. На выставке были представлены вновь обнаруженные тайпинские источники, в том числе и несколько рукописных. В октябре 1961 г. в Янчжоу проводилась выставка тайпинских материалов, в период подготовки к открытию которой также были обнаружены новые тайпинские материалы. Это обстоятельство подтвердило предположения организаторов выставки о возможности новых находок и о необходимости новых поисков. Комитет по сбору тайпинских материалов в связи со столетним юбилеем восстания в Цзиньтяни работал в Нанкине с 1951 по 1956 гг. Позже работа продолжалась Мемориалом Тайпин Тяньго, а с 1961 г. - Музеем истории Тайпин Тяньго в Нанкине. Выход в свет вышеназванного сборника и стал результатом этой работы.

Все собранные материалы делятся на собственно тайпинские и записи о событиях 1850-1864 гг., сделанные противниками тайпинов. В общей сложности были обнаружены тексты, содержащие 12 млн. иероглифов. При этом только в книгохранилище Ихэлу находилось свыше 700 тыс. единиц хранения. Составителями сборника была проделана титаническая работа - просмотрены архивные папки, рукописные копии, книги, журналы, газеты и пр., начиная с 1840 г. Имеющие отношение к тайпинам материалы специально описывались, составлялся указатель, давалась краткая аннотация. Благодаря проделанной работе было выяснено, что 925 экземпляров местных хронологических записей, рукописных или ксилографических, имеют прямое отношение к истории тайпинов. Авторы таких хроник в большинстве случаев - представители господствующего класса Китая середины XIX в. Территориально обнаруженные тайпинские источники относились к провинциям Цзянсу (283

названия), Чжэцзян (134 названия), Хунань (97 названий), Аньхой (82 названия) и т.д.

После тщательного изучения и систематизации всех памятников в 6-томный сборник, названный "Краткий выпуск собрания материалов по Тайпин Тяньго", изданный в Шанхае, было включено 34 хроники, насчитывающих 1 млн. 400 тыс. иероглифов, в том числе собственно дневниковые записи современников тайпинов, "слухи", воспоминания, стихотворные сочинения о событиях периода крестьянской войны.

Ценность данной публикации, предпринятой историками КНР огромна: исследователи истории тайпинов в Китае и за его пределами получили возможность познакомиться со свидетельствами очевидцев периода крестьянской войны тайпинов, с откликами на политику, проводившуюся в пределах Тайпинского государства: в сборнике представлено значительное количество материалов, касающихся социально-экономической политики восставших.

Таким образом, после образования КНР китайские историки проделали огромную работу по розыску и систематизации тайпинских материалов, многие из которых прежде не были известны исследователям. Одновременно в Китае выходили в свет многочисленные работы по истории тайпинов. В результате источниковая и исследовательская база в КНР значительно расширилась. События "культурной революции" (1966-1976 гг.) прервали работу тайпиноведов в КНР. Со второй половины 70-х - начала 80-х годов XX в. работа по изучению истории тайпинов в Китае возобновляется, появляются новые многочисленные публикации, посвященные событиям 1850-1864 гг. При этом китайские исследователи истории крестьянской войны тайпинов широко используют работы западноевропейских и американских исследователей. Но важнейшей источниковой базой для китайского и зарубежного тайпиноведения продолжают оставаться публикации тайпинских материалов, предпринятые в Китае в 20-е - начале 60-х годов XX в.

Среди историков гоминьдановского Китая и историков КНР, сделавших очень много для поисков, публикации и изучения тайпинских источников, заслуживают особого упоминания Цзян Ювэнь и Ло Эрган. Оба исследователя начали изучение истории тайпинов в середине 30-х годов XX в., занимались сбором источников в местах, связанных с историей возникновения движения тайпинов, участвовали в издании сборников, опубликовали множество научных трудов.

Цзян Ювэнь в 1918 г. получил университетское образование в США, занимался изучением философии и истории религии. Пребывание за границей позволило ему принять участие в открытии тайпинских источников, находящихся в западноевропейских странах. В течение 20-х - 30-х годов он изучает, публикует, переводит на китайский язык обнаруженные им источники. В 1937 г. после начала войны Японии в Китае, Цзян Ювэнь уезжает в Гонконг, куда и возвращается после провозглашения КНР. Последние десятилетия его жизни связаны с Гонконгским (Сянганским) университетом. В конце 50-х - начале 60-х годов университет издает полное собрание трудов Цзян Ювэня о тайпинах, предисловие к которому написано самим автором. Цзян Ювэнь подводит итог 40-летней истории изучения им событий крестьянской войны тайпинов. Цзян Ювэнь критикует историков-марксистов, которые видели в событиях 1850-1864 гг. проявление классовой борьбы в китайском обществе. Исследователь основывается на методологии исторического объективизма и утверждает, что источники по истории тайпинов свидетельствуют о событиях середины XIX в. в Китае как о "великом революционном движении, в основе которого лежали христианские идеи", но тайпинские "великие религиозные идеи были связаны с борьбой за национальную независимость", за свержение маньчжуро-цинских "варваров" [25]. В этом, по мнению Цзян Ювэня, заключается историческое значение создание Тайпинского государства.

Жизнь и исследовательская работа Ло Эргана [26] были связаны с континентальным Китаем. Изучение тайпинских источников и истории тайпинов Ло Эрганом получило наибольшую глубину и эффективность в годы существования КНР. Историей тайпинов Ло Эрган занимался более пятидесяти лет. В 1934 г. было опубликовано его первое исследование о тайпинах: статья, доказывающая, что тайное религиозное "Общество Неба и Земли" ("Тяньдихой"), деятельность которого совпала по времени с крестьянской войной тайпинов, не имело отношения к истории тайпинов. В специальных исследованиях, опубликованных после провозглашения КНР, Ло Эрган документально подтверждает свой вывод об отсутствии связей между "Обществом поклонения Небесному владыке" и "Тяньдихой". За десятилетия существования КНР Ло Эрганом опубликовано множество исследований, посвященных различным аспектам истории тайпинов. Исследователь много внимания уделил социально-экономическим

проблемам. Анализируя источники, связанные с аграрной политикой тайпинов, с государственным устройством Тайпин Тяньго, Ло Эрган воспринял концепцию историков-марксистов о характере движения тайпинов, и, называя события в Китае середины XIX века "великой крестьянской революцией", Ло Эрган подчеркивал тем самым классовый характер событий 1850-1864 гг. Последняя, известная нам публикация Ло Эргана - написанное им предисловие к книге Ван Цинчэна [27], датированное 10 августа 1982 г.

Издание в КНР работы Ван Цинчэна, множество публикаций в периодических изданиях Китая в конце 70-х и в 90-е годы XX в., проведение в этот период времени широкомасштабных научных симпозиумов, посвященных юбилейным датам в истории тайпинов с приглашением исследователей из стран Европы, США, Австралии, Сянгана, Тайваня знаменуют новый этап в тайпиноведении: объединение усилий представителей различных направлений тайпинской историографии в дальнейших поисках новых подходов в интерпретации фактов истории крестьянской войны тайпинов.

Основные публикации тайпинских источников за пределами Китая

Первое знакомство европейцев с тайпинскими источниками произошло через миссионеров-синологов. В течение 50-х-начале 60-х годов XIX в. в шанхайской газете "North China Herald", выходившей на английском языке, были опубликованы первые переводы религиозных тайпинских памфлетов и некоторых наиболее важных официальных уложений. Перевели их на английский язык В.Х. Мидхэрст и В.Т.Лэй. Так, например, в номере газеты от 16 сентября 1854 г. был помещен перевод "Земельной системы Небесной династии". 11 августа 1860 г. напечатан текст "Сочинения" Хун Жэньганя, перевод осуществлен В.Х.Мидхэрстом [28]. 22 октября 1864 г. были опубликованы показания Чжунвана Ли Сючэна в переводе В.Т.Лэй [29].

Сведения о деятельности тайпинов и отдельные тайпинские источники стали известны на Западе также в результате опубликования воспоминаний, написанных европейцами-современниками тайпинов [30]. Все переведенные на западноевропейские языки тайпинские источники, которые были опубликованы в XIX в., освещали главным образом религиозную

деятельность восставших, рассказывали об отношениях между руководителями восстания и западными миссионерами, излагали ход военных действий, подробно информировали о взаимоотношениях тайпинов с официальными представителями иностранных держав в Китае. Публикация собственно тайпинских источников носила эпизодический и ограниченный характер. На отрывках же, представленных в мемуарной литературе, сказались субъективизм и тенденциозность авторов-очевидцев. Документы подбирались и комментировались, за редким исключением, в соответствии с симпатиями авторов воспоминаний.

Издание сборников собственно тайпинских источников западноевропейскими исследователями было осуществлено сравнительно недавно. Так, в 1963 г. Гонконгским и Оксфордским университетами был издан сборник документов "Китайские источники по тайпинскому восстанию (1850-1864)" [31]. В него вошли документы, собранные и переведенные на английский язык Дж. Ч. Чэном, адъюнкт-профессором истории в Сан-Францисском колледже. В сборник были включены как документы маньчжуро-цинского правительства, так и "тайпинских разбойников". В него вошли тайпинские источники из Британского музея, из библиотеки Кэмбриджа, императорские рескрипты из Дунхуалу и др. В сборнике представлены выдержки из "Земельной системы Небесной династии" и "Сочинения" Хун Жэньганя, прилагаются комментарии к ним. Составитель включил так же в сборник перевод тайпинских прокламаций, выдержки из тайпинских памфлетов и книг, перевод текста "Тайпинской библии" и пр. В Приложении к сборнику даны примечания к документам, китайская и европейская библиография. Здесь же указаны места хранения документов, упомянуты цинские, тайпинские и европейские деятели периода 1850-1864 гг.

В сборнике Дж.Ч. Чэна помещены лишь отрывки из наиболее важных тайпинских памятников. Например, "Земельная система", "Сочинение" Хун Жэньганя и др. представлены лишь выдержками из них. К тому же отрывки подвергнуты значительной адаптации и расположены тематически. Это упрощает чтение источника, но вместе с тем лишает исследователя возможности познакомиться с оригинальным текстом. Кроме того, в комментариях Чэна по отношению к тайпинам употребляется терминология цинских времен, что свидетельствует о тенденциозном отношении составителя сборника к событиям крестьянской войны тайпинов.

В 1966-1972 гг. Университетом штата Вашингтон в США было предпринято издание 3-томного сборника тайпинских документов. Составителями его являлись Фр. Майкл и Чжан Чжунли, издание было осуществлено Дальневосточным и Русским институтом при этом университете [32]. В томе первом сборника изложена краткая история движения тайпинов, написанная Фр.Майклом на основании тайпинских источников. Данная публикация является наиболее полной и значительной коллекцией тайпинских документов, переведенных на английский язык. Достаточно сказать, что в сборник вошло свыше 390 названий тайпинских источников, в то время как исследователям известно всего около 500 собственно тайпинских материалов. В сборник были включены произведения лидеров движения, указы, прокламации, письма и пр. Публикация документов сопровождается подробными комментариями.

Вместе с тем, оценка сути крестьянской войны тайпинов составителями упомянутых сборников не отличается от той, которая была присуща западноевропейским историографам в XIX в. Комментарии составителей сборников к документам, историческое введение Фр.Майкла заставляют сделать вывод о тенденциозном толковании фактов из истории тайпинов, западноевропейские исследователи отрицают признаки социальной направленности крестьянской войны тайпинов.

На русском языке в XIX в. издавались выдержки из тайпинских источников, представлявшие собой переводы с английского, которые были опубликованы редакцией "Современника" в статьях, обличавших самодержавие и крепостничество в России [33].

В советской историографии всегда проявлялся значительный интерес к истории крестьянской войны тайпинов. После 1917 г. были опубликованы имеющие отношение к истории тайпинов документы из архива Российской православной духовной миссии в Пекине, а также документы о политике России в Китае в 1850-1864 гг. [34]. Так, в 1958 г. была издана книга К.А.Скачкова, представляющая собой дневниковые записи, сделанные автором во время пребывания его в Китае [35].

К.А. Скачков (1821-1883) прибыл в Китай в 1849 г. вместе с миссией Палладия Кафарова. С 1849 по 1857 гг. он заведовал метеорологической обсерваторией при Пекинской духовной миссии. В изданную часть дневника К.А.Скачкова вошли записи,

относящиеся к 1851-1856 гг. Дневник дает сведения об обстановке в Пекине с 5 октября 1851 г. по 31 декабря 1853 г. и со 2 января 1854 г. по 2 мая 1856 г. Автор дневника необыкновенно живо описывает положение в Пекине, отношение различных слоев населения города к тайпинам, нравы при маньчжуро-цинском дворе, личность китайского императора и придворных сановников. Представляют интерес приведенные в книге отклики в столице на политику, проводившуюся тайпинами в занятых ими районах Китая. Так, К.А.Скачков пишет о поощрительном отношении восставших к купцам, о беспощадных расправах с маньчжуро-цинскими чиновниками, о том, что при торговых сделках тайпины за все "платят чистоганом" [36]. Автор сообщает также о приготовлениях маньчжуров к обороне столицы, когда тайпинские отряды подошли совсем близко к ней в 1853-1855 гг.

Основной источник К.А.Скачкова - это переводы с китайского, главным образом из "Цзинбао", столичной газеты, в которой публиковались донесения управляющих провинциями, указы и резолюции императора. Им использованы даже слухи, всевозможные толки. В дневниках присутствуют меткие замечания по поводу ложных доносов командующих маньчжуро-цинскими войсками, а также о коррупции и взяточничестве, распространенных в верхах цинского общества, о бюрократизме и неспособности старой династии управлять страной и т.п. Автор явно симпатизирует "инсургентам". Но К.А.Скачков находился на значительном расстоянии от территории Тайпинского государства и пользовался сведениями поступавшими из третьих рук. К тому же изолированность русской духовной миссии, плохая связь между провинциями в то время стали причиной того, что сведений о тайпинах в книге Скачкова очень мало и они носят ограниченный характер.

Первые переводы отдельных тайпинских источников на русский язык были сделаны в конце 20-х - начале 30-х годов XX в. Они были осуществлены с китайских оригиналов или с английских текстов, из монографических исследований на китайском языке. Переведенные на русский язык тайпинские источники публиковались в периодических изданиях [37], позже отрывки из этих документов, подвергнутые некоторым исправлениям, вошли в учебные хрестоматии по новой истории [38]. В 1961 г. полные тексты важнейших тайпинских памятников ("Земельная система", "Сочинение в помощь управлению"), вошли в сборник произведений прогрессивных китайских мыслителей XIX в. [39].

Сборник тайпинских документов на русском языке, вышел впервые в 1960 г. [40]. Издание было подготовлено В.П. Илюшечкиным, им же написано предисловие, в котором дается краткая характеристика тайпинских источников и сжатый обзор исследований о тайпинах, опубликованных в Китае и за его пределами, начиная с 1853 г. до 50-х годов XX в.

В сборник вошли документы самих тайпинов (всего 41 название) и 10-я глава из книги современника тайпинов Чжан Дэцзяня "Свод сведений о положении в стане мятежников". Из тайпинских документов в сборник включены "Земельная система", "Сочинение" Хун Жэньганя, налоговые документы, воззвания восставших к населению и пр. Переводы тайпинских источников осуществлены О.Г. Соловьевым, Линь Цзии, В.П. Илюшечкиным, Ду Исинем, Н.Х. Ян. Сборник снабжен комментариями к документам, аннотированным именованным указателем (свыше 300 имен), указателем географических названий. В Приложении дается система титулов и должностных рангов у тайпинов, таблицы мер, весов, денежных единиц. Тайпинские источники, представленные в сборнике, отражают разные стороны деятельности тайпинов - религиозно-просветительскую, военную и пр. Больше половины всех документов сборника относятся к социально-экономической политике, проводившейся восставшими. Всего в этом разделе помещено 23 документа, в том числе и показания плененных маньчжуро-цинами вождей крестьянской войны.

Сборник тайпинских источников, составленный В.П. Илюшечкиным, его монография по истории крестьянской войны тайпинов [41] стали значительным событием в истории отечественного тайпиноведения. В распоряжении отечественных исследователей истории тайпинов оказался богатый фактический материал. Исследования В.П. Илюшечкина о тайпинах, основывались на оригинальных тайпинских источниках. Они подтвердили концепции, сложившиеся в отечественном тайпиноведении о характере событий 1850-1864 гг. (крестьянская война тайпинов), о сути распри 1856 г. в Тайпинском государстве (борьба за власть между лидерами тайпинов), о сути религиозного учения Хун Сюцюаня, ставшего идеологической основой крестьянской войны тайпинов.

Таким образом, современные исследователи истории крестьянской войны тайпинов располагают значительным количеством письменных и вещественных памятников, переведенных на английский и русский языки.

Миссионерский аспект истории тайпинов в современной историографии

Накопившиеся источники подверглись тщательному изучению тайпиноведами в разных странах мира. В настоящее время тайпиноведение как отрасль исторической науки, насчитывает десятки имен известных исследователей, представляющих историографию отечественную, китайскую, западноевропейскую, американскую.

В отечественной историографии, историографии КНР изучение тайпинских источников осуществлялось главным образом с точки зрения их социально-экономического содержания. В западноевропейской и американской историографии, историографии гоминьдановского Китая значительное внимание уделялось религиозному аспекту истории тайпинов [42].

Напомним, что середина XIX в. - это период начавшихся более тесных контактов между Западной и Восточной цивилизациями, между Китаем и Европой. Это проявилось не только в истории "опиумных войн", но и в распространении, например, в Китае христианского учения, о чем история тайпинов также свидетельствует.

Исследователям известно, что в основу религиозного учения Хун Сюцюаня легли идеи христианства протестантского толка, источником которых стала книга китайского проповедника Лян Афа (1789 - 1855) "Добрые слова о спасении мира" [43]. Влияние на Лян Афа оказали протестантские миссионеры Р.Моррисон и В.Майлн, проповедовавшие в Кантоне соответственно с 1807 и 1814 гг. Р. Моррисон в 1819 г. завершил перевод Библии на китайский язык, а В.Майлн организовал в 1823 г. печатную типографию при англо-китайском колледже в Малакке, где Лян Афа, обращенный в христианство, стал резчиком ксилографических досок и первым китайским проповедником. Из книги Лян Афа тайпинские лидеры получили первые знания о христианстве.

В современном тайпиноведении общепринятой является версия о том, что непосредственное влияние на лидеров тайпинов Хун Сюцюаня, Хун Жэньганя оказали миссионеры - протестанты. Так, в 1837 г. в Китай прибыл И.Дж. Робертс, американский баптист-миссионер, который с 1844 г. занимался проповеднической деятельностью в Кантоне. У него в течение двух

месяцев 1847 года учились Хун Сюцюань и Хун Жэньгань [44]. В 1852 г. Хун Жэньгань встретил Т.Хамберга, шведа по национальности, члена Евангелического миссионерского общества, который прибыл в Гонконг в 1847 г. Т.Хамберг от Хун Жэньганя узнал о тайпинах. В 1860 г. И.Дж. Робертс приехал в Нанкин и прожил в тайпинской столице 15 месяцев по приглашению Хун Сюцюаня, полученному проповедником еще в 1853 г. Робертс покинул Нанкин будучи "совершенно разочарованным" тайпинским религиозным учением и политикой тайпинов [45].

В 1973 г. австралийский исследователь П.Кларк опубликовал статью [46], в которой приводит убедительные доказательства того, что распространению христианства у тайпинов способствовала не брошюра Лян Афа, а проповедническая деятельность прусского миссионера П.К. Гутцлафа (1808-1851), контакты которого с Хун Сюцюанем привели к восприятию последним христианского учения.

П.К. Гутцлаф занимался миссионерской деятельностью в Китае с 1831 г. в течение 13 лет. Им был создан "Китайский союз", который активно действовал среди китайцев и именно от него участники тайпинского движения узнали о христианстве. П.Кларк приводит ряд доказательств влияния Гутцлафа на тайпинов. Одно из них заключается в том, что Библия, которую тайпины отпечатали и использовали была основана на версии текста, переведенного на китайский язык П.К. Гутцлафом. Отвечая на вопрос, почему связь между тайпинским "Обществом поклонения Небесному владыке" и "Китайским союзом" Гутцлафа была пресечена и забыта, П.Кларк объясняет обстановкой подозрительности, которая сложилась вокруг "Союза" в 1851-1852 гг. из-за авантюрных действий его основателя. Когда же тайпины стали популярны среди миссионеров многие из последних хотели быть причастными к тайпинскому христианству. К тому же ранняя смерть П.К. Гутцлафа помешала тому, чтобы он сам прокомментировал связь "Китайского союза" с тайпинами. По мнению П.Кларка, тесно с "Китайским союзом" был связан Фын Юньшань и именно он нашел в провинции Гуанси большое число последователей учения Хун Сюцюаня среди тех, кто был обращен в христианство миссионерами из "Китайского союза".

Хун Сюцюань, Хун Жэньгань, Ян Сюцин и другие лидеры крестьянской войны тайпинов были авторами религиозных гимнов, памфлетов и книг, а также обращений к восставшим в содержании

которых присутствуют элементы проповеднической деятельности [47]. Так, тайпинские источники содержат обращение "братья и сестры", призывы следовать христианским заповедям и принять учение о Господе Боге и Иисусе Христе, пропагандируют особую миссию Хун Сюцюаня. Современники тайпинов оставили свидетельства о том, что "глава разбойников проповедует истину", "разбойники называют друг друга братьями" [48]. И все-таки, христианские идеи в тайпинских источниках переплетаются с положениями традиционных китайских учений - даосизма, буддизма, конфуцианства. Об этом ярко свидетельствует содержание гимнов Хун Сюцюаня, "Сочинение о новом управлении" Хун Жэньганя. Политическая направленность учения тайпинов - антиманьчжурская: маньчжуры - дьяволы, варвары и должны быть изгнаны из Китая. В антиманьчжурской пропаганде тайпины также прибегали к использованию понятий из христианского учения. Они пытались использовать христианские идеи для улучшения нравственного состояния китайского общества. О совершенствовании нравов, исправлении пришедших в упадок норм поведения людей, о сосредоточении власти в руках мудрого правителя говорится, например, в "Сочинении" Хун Жэньганя. Автор в доказательствах важности этих положений явно обращается к конфуцианским нормам, к учениям древнекитайских мудрецов.

В отечественной и зарубежной историографии миссионерский аспект деятельности тайпинов получил различную оценку. В отечественной марксистской историографии признавалась религиозная окраска идеологии восставших. В.П. Илюшечкин в своих исследованиях [49] дал исчерпывающую характеристику идеологии тайпинов, отметив, что ей свойственны "острый антиманьчжурский характер, тесная связь с древнекитайскими социальными утопиями и некоторыми старокитайскими традициями, аскетизм морали и религиозная христианская окраска" [50]. Но в целом, в отечественной историографии главное внимание все-таки обращалось на исследование социально-экономического содержания тайпинских источников.

В историографии КНР подчеркивалось, что Хун Сюцюань не понимал реакционной сути христианского учения, "...заставил заслуживающие насмешки религиозные суждения служить политическим целям" [51]. Ван Цинчэн отмечает, что первоначально Хун Сюцюань выступал как религиозный проповедник, но с 1847 г.

он был "вождь крестьянской антицинской революции", а после взятия тайпинами Нанкина в 1853 г. Хун Сюцюань превратился в "религиозного владыку" [52].

В западноевропейской историографии придавалось большое значение религиозному содержанию идеологии тайпинов. Вместе с тем подчеркивалась религиозная ограниченность восставших, которая "...порождала антагонизм вместо привлечения китайских шэньши" [53] на сторону тайпинов. Или, например, вот как характеризует Фр.Майкл зачинателей крестьянской войны тайпинов и их идеологию: "Необычайная комбинация индивидуальных факторов, характеризующих Тайпинское восстание,... фантастическая религиозная вера, извлеченная из христианства, которая сталкивалась с традиционной китайской культурой, система, которая комбинировала примитивное равенство членов революционных сект, державшееся на общей казне и абсолютной власти жестоких вождей,... руководство возглавлялось человеком, который был явно болен психически и утверждал свою власть религиозными мистификациями..." [54].

Таким образом, в тайпиноведении XX в. обозначились различные подходы в оценках миссионерского аспекта деятельности восставших. Но в целом, история тайпинов рассматривалась главным образом как проявление классовых противоречий в китайском обществе середины XIX века (в марксистской историографии), или же как стихийный бунт с ярко выраженной антиманьчжурской направленностью (в исследованиях западноевропейских и американских авторов). Знакомство с интерпретацией содержания тайпинских источников, представленной в публикации 1987 г. [55], заставляет по иному взглянуть на значимость событий 1850-1864 гг. в Китае. Автор данного исследования посвящает свою работу "двум наиболее выдающимся лидерам тайпинского движения, двум сыновьям Небесного отца" Хун Сюцюаню и Ян Сюцину, которые "страдали так же много как Иисус... но никогда не теряли верности и великодушия" [56]. В соответствующих главах книги рассказывается о лидерах тайпинов, о военных событиях периода крестьянской войны, об административном устройстве Тайпин Тяньго. Специальная глава посвящена анализу и комментированию тайпинских источников [57]. Содержание книги свидетельствует о том, что автор излагает историю тайпинов в соответствии с теми трактовками, которые сложились уже в современном тайпиноведении. Необычной является оценка деятельности Хун

Сюцюаня, который, по мнению автора, является реформатором церкви. Автор публикации считает себя последователем религиозного учения Хун Сюцюаня и просветление наступило после того, как 8 августа 1979 г. в результате тяжелой болезни ему явилось видение о встрече с Хун Сюцюанем, Ян Сюцином на Небе. Уверовав в божественность этих людей, автор призывает поклоняться им так же, как Небесному отцу и Иисусу Христу. Таким образом, в конце XX в. появились последователи религиозного учения Хун Сюцюаня. Следовательно, реальная история тайпинов спустя 150 лет после начала крестьянской войны приобрела мифологические черты и учение Хун Сюцюаня, возможно, закладывает основы для нового религиозного течения, в котором будут сочетаться Запад и Восток, христианство и китайские верования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ефимов Г.В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая. Ч. 1. Л., 1965. С.74.
2. В отечественной историографии данная проблема нашла отражение в работах В.П. Илющечкина, Ф.Б. Белелюбского, Н.А. Королевой. Историографический анализ этих исследований см., в частности: Овсянников В.И. Советская историография "феодального" этапа массовых движений в Индии и Китае в сер. XIX века // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. Вопросы историографии. М., 1990. С.172-174.
3. Чэн Яньшэн. Тайпин Тяньго шиляо ди и цзи (Первый сборник материалов по истории Тайпин Тяньго). Бэйпин, 1926.
4. Тайпин Тяньго юцюй вэньцзянь шилю чжун (16 интересных официальных документов Тайпин Тяньго). б.м. 1929.
5. Тайпин Тяньго вэньшу и цэ (Официальные документы Тайпин Тяньго, 1 тетрадь). Бэйпин, 1933.
6. Тайпин Тяньго вэньсянь, сы ши и фу (Письменные памятники Тайпин Тяньго, 41 свиток). Бэйпин, 1935; Тайпин Тяньго цзи чжи, и цэ (Записи и указы Тайпин Тяньго, 1 тетрадь). Бэйпин, 1925.
7. Тайпин Тяньго шивэнь чао (Список стихов и прозы Тайпин Тяньго). Шанхай, 1931; Тайпин Тяньго вэнь и сань чжун (Три памятника литературы и искусства Тайпин Тяньго). Шанхай, 1934; Тайпин Тяньго вэньчао (Список прозаических произведений Тайпин Тяньго). Шанхай, 1937.
8. Ло Эрган. Тайпин Тяньго ши цзицзай и дин ляоцзи (Сборник исправлений записей по истории Тайпин Тяньго). Пекин, 1955.
9. Тайпин Тяньго гуаньшу ши чжун, сы цэ (10 официальных книг Тайпин Тяньго, 4 цэ). б.м.б.г. В городской библиотеке Нанкина хранится три рукописных списка 1 цэ. В 1932 г. книга была переиздана в 8 цэ (Н.К.).

10. Тайпин Тяньго чжаоюй и цэ (Указы Тайпин Тяньго, 1 цэ). б.м. 1935. Списки хранятся в Нанкинской городской и Пекинской городской библиотеках (Н.К.).
11. Тайпин Тяньго цуншу, ди и цзи (Библиотека Тайпин Тяньго, 1 сборник). 10 цэ, б.м. 1936.
12. Тайпин Тяньго шухань (Переписка Тайпин Тяньго). Бэйпин, 1937.
13. Тайпин Тяньго цуншу ши сань чжун (13 памятников из библиотеки Тайпин Тяньго). б.м. 1938.
14. Тайпин Тяньго. тт. 1-8. Шанхай, 1953.
15. Th. Hamberg. The visions of the Hung Siu-tsuen and the Origins of the Kwangsi insurrection. Hongkong, 1854 & 1855.
16. Тайпин Тяньго ции цзи (Записи о восстании Тайпин Тяньго). Бэйпин, 1935.
17. Тайпин Тяньго гэмин вэньу тулу (Альбом вещественных и письменных памятников революции Тайпин Тяньго). Шанхай. 1952.
18. Тайпин Тяньго гэмин вэньу тулу сюйбянь (Продолжение альбома вещественных и письменных памятников Тайпин Тяньго). Шанхай, 1953.
19. Тайпин Тяньго гэмин вэньу тулу (Дополненный альбом письменных и вещественных памятников революции Тайпин Тяньго). Шанхай, 1955.
20. Тайпин Тяньго. тт.1-8. Шанхай. 1953, 1957.
21. Тайпин Тяньго цзыляо мулу (Каталог материалов Тайпин Тяньго). Шанхай, 1957.
22. Тайпин Тяньго шияло (Материалы Тайпин Тяньго). Пекин, 1958.
23. Тайпин Тяньго цзыляо, цзиндай ши цзыляо цзэнкань (Материалы Тайпин Тяньго. Специальное приложение к материалам по новой истории). Пекин, 1959.
24. Тайпин Тяньго шияло цун бянь цзянцзи (Краткий выпуск собрания материалов по истории Тайпин Тяньго). тт. 1-6. Пекин- Шанхай. 1961-1963.
25. Цзян Ювэнь. Тайпин Тяньго цзяньчжи тункао (Система законов Тайпинского государства). т.1. Сянган. 1958. С.59-62.
26. О Ло Эргане см. Белелюбский Ф.Б. Экскурс "решительного левого" Ци Бэньюя в историю тайпинов // Вопросы истории. 1975. № 10.
27. Ван Цинчэн. Тайпин Тяньго ды лиши хэ сысян (История и идеология Тайпин Тяньго). Пекин, 1985.
28. Teng Ssi-yu. Historiography of the Taiping Rebellion. Harv. Cambr. 1962.
29. H.F. Mac Nair. Modern Chinese History Selected Readings. Changhai. 1933. P. 335.
30. Например, Th.Hamberg. ук. соч. и др.
31. Chinese sources for the Taiping Rebellion 1850-1864, by J.C.Cheng. Honkong Univ.Pr. Oxford Univ.Pr. 1963. 182 p.
32. The Taiping Rebellion. History and documents. vol.1-3, by Fr.Michael in collaboration with Chung-li Chang. Univ. of Wash. Pr. 1966-1972.
33. См. об этом подр. Ф.Б. Белелюбский. Восстание тайпинов и революционная агитация "Современника" // Новый мир. 1956. № 3. С. 312-313; его же: Тайпинское восстание в русской литературе 50-60-х гг. XIX века // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. 1965. С. 187-197.
34. Ефимов Г.В. Историко-библиографический обзор источников и

- литературы по новой истории Китая. ч. 1. ... С. 96.
35. Скачков К.А. Пекин в дни тайпинского восстания. М., 1958. Издание дневника было подготовлено В.С.Мясниковым и П.Е.Скачковым (Н.К.).
36. Скачков К.А., ук. соч. С.54,176,177.
37. Материалы по китайскому вопросу. 1927. № 9; Проблемы Китая. 1935. № 12.
38. См., например: Практикум по новой истории. Сост. А.И. Молок. М.,1955. С. 139-144 и др.
39. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840-1898). Сост. Н.Г. Сенин и Ян Хиншун. М. 1961. С. 69-72, 73-97.
40. Тайпинское восстание. Сост. Илюшечкин В.П. и Соловьев О.Г. М., 1960. 321 с.
- 41.Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
42. Наиболее значительные среди таковых: V.Y.C. Shih. The Taiping Ideology. Its sources, interpretations and influences // Far Eastern and Russian Institute Publications on Asia. № 15. Univ. of Wash. Pr. 1966.
43. Teng Ssi-yu. Historiography by the Taiping Rebellion. P. 38.
44. Teng Ssi-yu. New light on the History of the Taiping Rebellion. Cambr. Harv. Univ. Pr. 1950. P. 56-57.
45. Teng Ssi-yu, ibid. P. 77.
46. Clarke P. The Coming of God to Kwangsi: a consideration of the influence of Carl Gutzlaff and the Chinese Union during the formative Period of the Taiping Movement // Papers of Far Eastern History. Canberra. 1973. № 7. P. 145-181.
47. На русском языке см.: Илюшечкин В.П. Тайпинское восстание. С. 68, 131-157 и др.
48. Хэ Учи лао. Лоу ван оу юй цзи (Записи рыбы, неожиданно ускользнувшей из сетей). Пекин. 1959. С. 54, 57.
49. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 44-53; его же: Тайпины и конфуцианство // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 231-248.
50. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. С.66.
51. Цзиньтянь цзи жи (Дни восстания в Цзиньтяни). Пекин., 1975. С. 15.
52. Ван Цинчэн. Тайпин Тяньго ды лиши хэ сысян (История и идеология Тайпин Тяньго). Пекин. 1985. С.405.
53. Fairbank J.K. The great Chinese revolution (1800-1985). Panbooks Ltd. 1988. P. 77.
54. The Taiping Rebellion. History and documents... V. 1. P. 4.
55. Chew I.W.H. Taiping Epic. 1987. 76 P. Место издания не указано, книга хранится в фондах Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге (Н.К.).
56. Ibid. P.1.
57. Ibid. P. 44-58.

В.В. Митин

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ МОНГОЛЬСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА.*

В современной российской историографии все чаще предпринимаются попытки применить новые подходы к проблемам, носящим фундаментальный характер. Происходит столкновение взглядов на исторические процессы, которые построены на основе признания исторических закономерностей, более или менее универсальных для различных народов и точек зрения, которые опираются на цивилизационный подход при исследовании истории отдельных регионов, народов, культур. Известный российский ученый-монголовед Т.Д. Скрынникова в своей работе[1] попыталась по-новому решить ряд важных проблем, относящихся к средневековой истории монголов и к кочевниковедению вообще.

Проблемы развития средневекового монгольского общества рассматривались в нашей историографии с давнего времени. Долгое время среди историков большой популярностью пользовалась теория монгольского кочевого феодализма, отраженная в труде академика Б.Я. Владимирцова, изданном в 1934 году[2]. Согласно этой теории, развитие монгольского общества происходило в соответствии с общими закономерностями, присущими всем народам, но социально-экономические и политические отношения в нем имели свои особенности, связанные с кочевым образом жизни монголов. Работа эта не потеряла своего научного значения и по сей день, но сама теория с самого начала не всеми историками признавалась бесспорной. Т.Д. Скрынникова в своей книге часто ссылается на труд Б.Я. Владимирцова, но в целом она дает совершенно иную характеристику монгольского общества периода средневековья.

Автор ставит перед собой задачу раскрыть содержание и выяснить значение феномена, которому она дала название "харизма". Этот феномен, непосредственно связанный с личностью правителя монголов, в конкретном случае Чингис-хана, по мнению

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-18235 а)

автора, является ключевым для понимания основных процессов, происходивших в монгольском обществе в течение не только периода XII-XIII веков, но и ряда последующих столетий.

В числе основных постулатов концепции, которая выводится в данной книге, можно выделить следующие: 1. Монгольское общество XII-XIII вв. представляло собой образование потестарного типа, т.е. не обладало государственностью, а являлось переходной к государству формой; 2. Важнейшей составляющей жизни монголов, их понимания окружающего мира является безусловная вера в сакральность, присущую этому миру, т.е., пропитанность его неким божественным духом; 3. Главной движущей силой процессов в монгольском обществе в указанный период является харизма правителя монголов, как сакральный центр "картины мира". Следует более подробно коснуться этих утверждений автора и той аргументации, которая служит их доказательством.

Т.Д. Скрынникова говорит о том, что в монгольском обществе происходит разложение родовых отношений, но, тем не менее, достигнуть уровня возникновения государства оно не может. В этой своей точке зрения автор идет за Н.Н. Крадиным [3], который придерживается утверждения, что кочевые общества не могут достичь уровня государственности из-за отсутствия в них внутренней необходимости для этого. Правда, он все-таки допускает возможность достижения такого уровня кочевниками под воздействием внешнего влияния. До него такие идеи высказывались рядом западных ученых. Т.Д. Скрынникова идет дальше Н.Н. Крадина и отрицает любую возможность государства у кочевников, пока существует господство кочевого образа жизни. Соответственно, она отрицает наличие у монголов государства в эпоху Чингис-хана и после него, доказывая, что основные черты государственности не имели места в созданной Чингис-ханом системе [С. 48]. На примере рассмотрения значения ключевых понятий и терминов ("ирген", "улус" и др.), которые ранее считались свидетельством государственных отношений, показано, что они носили родовой характер и не отражают возникновения государства. Автор говорит об отсутствии записанных законов и податной системы, о том, что не было сложившейся административной системы, не было четкой территории и т.д. Словом, Монголия того периода - это потестарное образование, предгосударство.

Особое внимание Т.Д. Скрынникова уделяет рассмотрению сакральности в мировоззрении монголов, делая попытку адекватно реконструировать их "картину мира". Она придает этому большое значение, поскольку "Картина мира как основа мировоззрения служит средством интеграции человека в природе, регуляции взаимоотношений между людьми, взаимодействия разных сфер культуры" [С.59]. Автор подчеркивает единство мира реального, обыденного, повседневного и мира мифологического, божественного в сознании средневековых кочевников. Сакральность мира обусловлена и тем, что верховными божествами у монголов являлись Небо-Тенгри и Земля-Этуген, отсюда и такая пронизанность божественным духом и природы и всей жизни монголов во всех ее проявлениях. Соответственно, все социальные, хозяйственные и политические процессы обусловлены таким мировоззрением. Для того, чтобы эта система была достаточно стройной и устойчивой, необходим регулирующий стержень. Таким стержнем, в концепции Т.Д. Скрынниковой, был правитель - хаган, который являлся в глазах средневековых монголов посредником между Небом и людьми.

На основе рассмотрения функций правителя в обществе автор показывает, что он и основные символы, с ним связанные (знамя, священные места, различные предметы, ритуальные действия и др.), являются системообразующими в жизни монголов. Т.Д. Скрынникова дает ответ на возникающий вопрос: что же определяет такую роль хагана в обществе, на чем держится его власть и авторитет? Она подробно разбирает то особое свойство, именуемое харизмой, которое и выводит правителя на столь высокое место в "картине мира" монголов.

Харизма - это некая субстанция, определяющая высшую сакральность, избранность правителя, которая, по мнению монголов, дарована Небом. В лице хагана харизма является "основой социальной и природной гармонии". Каждый человек обладает сакральностью, но хаган имеет ее высшую форму - харизму. Так получилось, что основным носителем харизмы в монгольской истории и в мировоззрении монголов остался Чингис-хан, и автор показывает, что харизма продолжает существовать и после смерти ее носителя, находясь в различных предметах, священных местах, проявляясь в ритуалах. Таким образом, равновесие и гармония в обществе и в мире вообще продолжает сохраняться.

Основной вывод, который вытекает из данной концепции: основные процессы, происходившие в средневековом монгольском

обществе, имели в своей основе влияние харизмы, присущей Чингис-хану, что было обусловлено мировоззрением, свойственным этому традиционному кочевому обществу.

Надо отметить, что автор для доказательства своей концепции опирается на основные известные источники: "Юань чао би ши" в переводах С.А. Козина, Хениша и др., "Алтан тобчи" (Золотое сказание), "Мэн-да-бэй-лу" (Полное описание монголо-татар), "Эрденийн тобчи" (Драгоценное сказание), "Сборник летописей" Рашид-ад-дина и ряд других, использует большое количество работ других исследователей. В книге поднимается ряд важных проблем, которые часто упускались из виду историками. Это, прежде всего значение сакральности в мировоззрении монголов и ее влияние на происходящие в обществе процессы. На мой взгляд, справедливо указывается на то, что при изучении источников, на основе которых строятся важнейшие выводы, всегда нужно учитывать невозможность полностью адекватного перевода терминов и понятий. Попытка дать слову единственное значение на другом языке может привести к серьезным ошибкам. Автор многие из своих доказательств и утверждений выводит из своего понимания слов монгольского языка, которое отлично от ранее признанного другими исследователями.

Не все из того, на чем автор строит свою концепцию, представляется бесспорным. Доказательства того, что монголы не знали государственности в эпоху Чингис-хана, не всегда убедительны. В "Сокровенном сказании" ("Юань чао би ши") (XIII в.) подробно и очень четко описано административное устройство, установленное Чингис-ханом. Т.Д. Скрынникова называет "кешик" - гвардию Чингис-хана, военно-грабительским институтом в предклассовом обществе. Но слова самого Чингис-хана в "Сокровенном сказании" свидетельствуют о другом: "Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут занимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десяти тысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны из девяноста и пяти тысяч, чтобы состоять лично при мне. Разве не превыше добрых гениев-хранителей были мне эти десять тысяч кешиктенов!" [4]. Скорее всего, кешик - это не дружина грабителей- друзей военного вождя, а опора власти правителя, опора престола.

О наличии законодательства также есть указания и в "Сокровенном сказании" [5] и в других источниках. Т.Д.

Скрынникова указывает, что законы касались только частных вопросов и имели случайный характер. Но "Правда Ярослава" тоже была создана по конкретному случаю и охватывала частные вопросы, но никто не говорит об отсутствии государственности на Руси в начале XI века. Автор говорит, что отсутствие государственной структуры внутри монгольского общества привела к тому, что после смерти основателя монгольская кочевая империя распалась и вскоре перестала существовать. Но ведь и империя Александра Македонского распалась с его смертью, а наличие государства у македонян и греков не вызывает споров. Вообще в этой концепции о переходном к государству состоянии в монгольском обществе есть, на мой взгляд, серьезное противоречие: ведь если нет внутренних предпосылок к возникновению государства, то о каком переходном состоянии идет речь.

Автор весьма убедительно говорит о том большом значении сакральности в видении мира монголами, но объяснение важнейших процессов в обществе только мировоззрением монголов также представляется спорным. У многих народов, особенно восточных, в том числе и у монголов, правитель обладает сакральными свойствами, но его реальная власть и авторитет не поддерживается только этим фактором. Все это, так или иначе, прослеживается в источниках, содержащих информацию о монгольском обществе. Власть Чингис-хана зиждилась не только на его харизме, но и на гвардии, находившейся на привилегированном положении, на поддержке знати, выделившейся волей хана за заслуги перед ним, на жесткой регламентации жизни, закрепленной обычаями и введенными ханом законами.

При рассмотрении вопроса о религии монголов Т.Д. Скрынникова отвергает оспариваемое, в общем-то, многими исследователями понятие "шаманизм", как характеризующее "черную веру" этих кочевников. Она считает, что шаманы играли второстепенную роль в монгольском обществе при выполнении религиозных функций. Главные ритуальные действия выполнял хан. Верховного шамана Тэб-Тенгри, который посягал на значительную власть при Чингис-хане, автор считает не шаманом или волхвом, а светским правителем. Но такое утверждение представляется натянутым. В возникшем конфликте между Чингис-ханом и Тэб-Тенгри больше проглядывается борьба между светской и религиозной властью, характерная для многих обществ. В этой борьбе победу одержала светская власть в лице

Чингис-хана, после чего она взяла на себя высшие религиозные функции, и роль шаманов действительно стала второстепенной. С этого момента религия монголов приобретает несколько иной характер и требует другого названия нежели "шаманизм". Понятие "тенгриизм", которого придерживается Т.Д. Скрынникова вероятно более подходяще.

Работа Т.Д. Скрынниковой, несмотря на эти спорные моменты, играет положительную роль в развитии монголоведения. Она привлекает внимание к малоизученным сторонам монгольского средневековья, свидетельствует о наличии многих важных проблем в этой отрасли науки и способствует возникновению научных дискуссий, направленных на их разрешение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
2. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
3. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1994.
4. Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л., 1941. С. 173.
5. Там же. С. 159.

А.В. Сильнов

СИРИЙСКИЙ ГОРОД ДУРА-ЕВРОПОС И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Армия Александра Великого прошла по территории Сирии во время победоносной кампании 333 г. до н.э. В последующие десять лет его империя простиралась уже от Египта и Ближнего Востока до Окса и Индии. Наследники Александра — диадохи — разделили обширное наследство: Птолемей обосновался в Египте, Селевк стал хозяином Месопотамии, основав новую столицу — Селевкию-на-Тигре, Лисимах утвердился во Фракии, а Антиох оставался правителем Греции и Македонии.

Огромная территория от Греции до Индии включала в себя эллинистические государства — независимые, не очень дружественные друг к другу, но объединенные, тем ни менее, единой культурой и языком. Многочисленные города, основанные на новых землях при жизни Александра, были частью его политики эллинизации.

С. Матисон, куратор Художественной галереи Йельского университета в США, где хранятся фонды Дура-Европос, отмечает, что «для наследников Александра эти новые города должны были быть твердынями, неприступными крепостями в их попытках укрепить власть на захваченных территориях, а также быть инструментом для распространения эллинской культуры» [1].

Время основания города Дура-Европос — около 302 г. до н.э. [2] Исидор Харакский, историк и географ I в. н.э., называет его «город Никанора, основанный македонянами и называемый греками Европос» [3], однако, он не называет точной даты. Очевидно, что Никанор был одним из полководцев Селевка, ставший затем губернатором на новых территориях. Никанор построил город от имени своего государя, считавшегося подлинным основателем. Как можно видеть на известковом рельефе из храма богини Тихэ (Удачи) — здесь Селевк-победитель венчает богиню Тихэ венком, что засвидетельствовано соответствующей надписью.

Само имя города — Dura (или Douca по-гречески) — семитского происхождения и означает «крепость». Исидор сообщает, что сами жители называли город «Европос», возможно, в

честь родного города Селевка — Европос в Македонии. Также и Антиохия, столица Селевкидов в Сирии, была названа в честь отца Селевка, царя Антиоха.

Прежде чем перейти к проблемам архитектуры и градостроительства, исследованию которых посвящена эта работа, представляется целесообразным кратко затронуть основные события в истории города, просуществовавшего почти 500 лет и погибшего в результате военных действий в середине III в. н.э.

Дура-Европос был основан как военная колония, а не самоуправляемый полис, хотя впоследствии и получил этот статус. Жителями становились ветераны армии Александра, получавшие земельный надел — клер и денежное вознаграждение (за обязательство дополнительной службы в случае необходимости). Эти солдаты и составляли ядро селевкидской армии во время войн против Птолемеев и парфян.

Империя Селевкидов в III в. до н.э. простиралась от Антиохии до Центральной Азии. К середине III в. до н.э. это государство, ослабленное гражданской войной и угрозой вторжений кочевых племен из Центральной Азии, теряет контроль над многими своими городами. Новая сила — парфяне — выходит на политическую арену. В 141 г. до н.э. парфяне захватывают Вавилон и в 113 г. — Дура-Европос.

Парфянский период считается самым благополучным в истории города. Два столетия мира последовали после поражения Селевкидов. Выгодное расположение Дура-Европос на торговых путях между Персидским заливом, Селевкией-на-Тигре, Пальмирой, Антиохией и Средиземным морем, позволили городу достичь процветания. В немалой степени этому способствовало грамотное градостроительное решение, заложенное греческими архитекторами на стадии проектирования города.

Дура оставалась парфянской вплоть до восточных походов Траяна, начатых в 113 г. н.э. После аннексии Армении и превращения северной Месопотамии в римские провинции, легионы Траяна двинулись к Селевкии и парфянской столице, Ктесифону. В 116 г. Дура была захвачена. Об этом событии до сих пор напоминает величественная триумфальная арка с именем Траяна, возведенная на пустынной дороге к западу от города. Однако, как известно, вскоре римляне ушли из Сирии, и только после другого восточного похода — Луция Вера в 165 г. н.э. — они остались здесь надолго. С присущей римской цивилизации обстоятельностью

Дура-Европос превращается в прекрасно укрепленный город, включающий в себя все элементы культурной, благоустроенной жизни. Как справедливо отмечает М. Симкинс в своем исследовании о римской армии: «Будучи включенным в *РАХ ROMANA*, человек мог совершить путешествие из Пальмиры в Сирии до Эбуракума в Северной Британии, не нуждаясь ни в паспорте, ни даже в необходимости менять привычное для себя градостроительное окружение. Куда бы ни приходили римляне, они учреждали миниатюрную версию своего родного города — с его рынками, банями, храмами и всеми другими сложными атрибутами своего образа жизни» [4].

При императоре Каракалле (211 — 217 гг. н.э.) Дура становится римской колонией и остается ей вплоть до своего трагического финала — разрушения города армией Сасанидов во главе с Шапуром I в 256 г. н.э. Город был взят штурмом после ожесточенной осады, в ходе которой проводились подземное минирование и взрывы под крепостными башнями, возведение осадной насыпи (рампы). После этого Дура-Европос лежал в руинах вплоть до 20-х годов XX в., когда он был случайно открыт английскими солдатами.

Литература, посвященная археологическим раскопкам в Дура-Европос, весьма многочисленна. Особенно много в этом отношении сделали археологические экспедиции Йельского университета во главе с М.И. Ростовцевым и К. Хопкинсом. Эти исследования дали разнообразный материал по искусству, религиозным и социологическим аспектам жизни древнего города. Относительно же архитектуры и градостроительства существует множество пробелов.

Поскольку основной темой этой работы является эллинистическое градостроительство и вышеописанный город, попытаемся кратко разобрать эти явления.

История градостроительства, как научная дисциплина, предполагает исследование города на основе историко-топографического принципа, что позволяет проанализировать не только отдельные здания, но и всю его природно-ландшафтную и историко-культурную среду. На примере Дура-Европос мы видим эллинистический градостроительный прототип, остававшийся практически неизменным в течение всего времени существования.

Греческие города, в отличие от египетских и месопотамских, уже в классическую эпоху имели ярко выраженное единое

градостроительное начало. Как правило, это четкая планировочная система с городским центром в виде акрополя, агоры или системы агор. Все эти объекты были функционально связаны с храмами, театрами, пританеями и другими общественными постройками. Исследователи отмечают, что греческие города отличались благоустройством, и в архитектурном убранстве опирались на высокую художественную культуру [5]. Можно утверждать, что план города греческий зодчий прекрасно увязывал с рельефом местности и конфигурацией побережья, причем пейзаж служил естественной оправой, на которой выгоднее смотрелась архитектура. Анализируя наследие греческих мастеров, мы невольно приходим к выводу о существовании развитой теории архитектуры и градостроительства, это совершенно очевидно любому профессиональному архитектору. Конечно, можно спорить, насколько это утверждение обосновано, хотя в отечественной литературе уже существует прекрасная монография именно под таким названием [6]. С точки зрения автора, корректно говорить лишь о существовании аналога античной теории архитектуры в нашем современном восприятии [7].

Имя милетского архитектора и математика Гипподама, жившего в V в. до н.э., связано с системой регулярной планировки, или с первой теорией античного градостроительства. Аристотель, наш основной источник по этому вопросу, сообщает, что он изобрел разделение городов по классам, был эксцентричен в своем поведении и внешнем виде, и написал трактат по идеальной конституции государства [8]. Его теория регулярной (прямолинейной) планировки городов, в сочетании с расцветом искусства возведения ансамблей, стали одним из главных итогов развития архитектуры классического периода.

Как отмечает в своем исследовании Т.Ф. Саваренская: «Элементы регулярного градостроительства известны были и другим народам бассейна Средиземного моря, например, этрускам и финикийцам. И все же греческое градостроительство в известной мере шло впереди, поскольку именно в Греции вместо примитивного деления городской территории на однообразные, вытянутые в плане кварталы, возникли интересные градостроительные концепции, основанные на регулярном начале, но пронизанные новыми функциональными и эстетическими принципами» [9].

Городу Милету приписывают основание 80 новых колоний, в основном построенных вдоль побережья Черного моря (таких, как

Истрия, Аполлония, Томы, Ольвия, Пантикапей и др.). Очевидно, что в городе с таким громадным градостроительным опытом были высококвалифицированные специалисты-проектировщики. Рассмотрим более подробно генеральный план Милета, так как очевидно, что планировка Дура-Европос сделана именно по милетскому образцу.

План Милета четко определяет его функциональные зоны: 1) торговый центр, примыкающий к Львиной (Военной) гавани, 2) общественный центр, находящийся вблизи Театральной бухты, 3) два крупных жилых района с прямоугольной планировкой кварталов. Другое важное обстоятельство — ориентация главных улиц: с юго-запада на северо-восток. Также имеет значение размеры кварталов — отношения ширины к длине сделаны в полном соответствии с пифагорейскими учениями о числе и пропорциях, как основе мирового строя [10]. Если в регулярных городах, построенных до Гипподама, жилые кварталы имели вытянутую конфигурацию (в Олинфе — соотношение ширины к длине 1:2,5), то в Милете пропорции кварталов приняты более гармоничными — 7:6, 7:4.

То же внимание можно обнаружить к ширине улиц города. Но для нас важнее другое — центр города, пространство, где сосредоточена общественная жизнь. Центр Милета развивается вдоль двух пространственных координат — горизонтальной и вертикальной. Вдоль вертикальной оси расположены: Западный рынок, гимнасий, стадион, Южная агора; вдоль горизонтальной — Северная агора, гимнасий, Южная агора.

Поразительно то, что, похоже, город был с самого начала рассчитан на осуществление нескольких «очередей строительства», как бы мы сейчас выразились. Английский историк античной архитектуры Дж. Вард-Перкинс, говоря об этом обстоятельстве, пишет, что «это был амбициозный план, и много поколений сменилось, прежде чем он осуществился полностью. Но город процветал и рос, так что его различные части были способны свободно развиваться в пределах тех границ, что были для этого заранее спроектированы» [11]. Эти слова можно полностью отнести и к истории строительства Дура-Европос.

Заканчивая этот краткий обзор, можно добавить, что генеральный план Милета является еще и семантическим отражением всей совокупности философских и научных знаний того времени. Как известно, этот город был крупнейшим научным

центром античности, где трудились такие выдающиеся личности, как Фалес, Анаксимандр, Гекатей, и, наконец, Пифагор, создатель теории числовых гармоний. Несомненно, сам факт присутствия этих ученых в Милете повлиял на формирование градостроительной концепции Гипподама.

Дж. Вард-Перкинс, описывая эллинистические города Малой Азии и Сирии, отмечает: «Метеорообразная карьера Александра Великого оставила свой след в каждом аспекте политической, социальной и экономической жизни того времени. Знакомый мир изолированного города-государства был мертв. Человек открывает для себя новые горизонты, новые коммерческие возможности и рынки, социальные и религиозные проблемы и виды деятельности. Градостроительство в этом смысле не было исключением» [12].

Действительно, на примере городов Сирии мы видим развитие двух весьма различных планировочных принципов. Первый уходит корнями в старую мало-азийскую практику греческих городов и предполагает создание монументального ансамбля (Пергам, Приена) с использованием «гипподамовой» сетки или без нее. Другое направление развивается в новых городах, построенных в завоёванных землях в Египте, Сирии и за их пределами, и аккумулирует многовековый опыт колонизации. Здесь главной задачей греческих градостроителей было создание новых военно-политических центров, способных осуществлять контроль в совершенно чуждой среде.

Новый город был единственно возможным эллинистическим компонентом в метафорическом диалоге между Востоком и Западом, создание которого было мечтой Александра. Можно добавить, что такой компонент должен был быть хорошо вооруженным, иначе диалога бы не получилось.

Как нам сообщает Плутарх в биографии Александра, только сам царь основал не менее 70 Александрий [13] и, очевидно, все они следовали апробированным градостроительным приемам. Здесь возникает тема работы греческого военного архитектора-градостроителя, однако — это предмет другого исследования [14].

Что касается Дура-Европос, то здесь градостроительный прототип, заложенный военными архитекторами из окружения Александра Македонского, оказался настолько удачным и точным, что обеспечил все условия для успешного развития и процветания города.

Рассмотрим градостроительную ситуацию Дура-Европос (см. рис. 1). Город был построен на правом берегу Евфрата, на слегка приподнятой террасе. С северной и южной сторон его окружают глубокие овраги, на западе простирается пустыня, а со стороны Евфрата имеется естественное возвышение — идеальное для строительства укрепленного акрополя. Американский археолог К. Хопкинс, проводивший здесь в 30-х г.г. XX в. раскопки в экспедиции Йельского университета, задается вопросом: почему место для расположения города было выбрано именно здесь [15]? Если это колония для ветеранов, получавших земельный надел и денежное вознаграждение, то почему она не была построена в 50 милях выше по течению, на слиянии Евфрата и Кабура? Там земли более плодородные, и торговые пути не менее удобны. Ответ очевиден: прежде всего Дура — это военная крепость, выполняющая функции контроля над захваченной территорией.

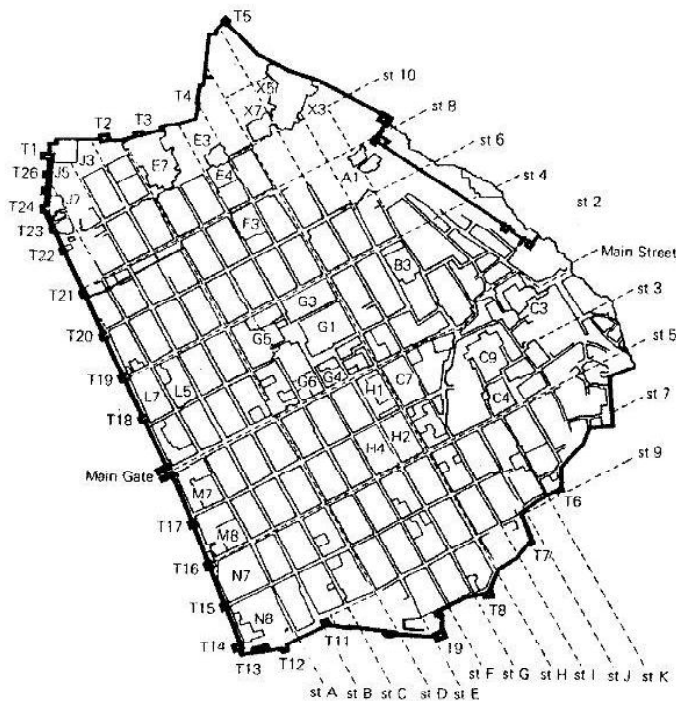

Рис. 1. Генеральный план Дура-Европос.

Северо-восточное возвышение на берегу Евфрата превращается в неприступную Цитадель — место расположения губернаторского дворца. Плутарх в своем пассаже, посвященном Евмену, секретарю Александра, рассказывает, что Александр в качестве награды своим офицерам выделял солдат для содержания и охраны укрепленных поместий. В Дуре-Европос, очевидно, тоже использовались воины для строительства Цитадели, так как сохранившаяся её часть сделана из характерной известковой кладки эллинистического типа [16].

Генеральный план Дуря представляет собой типичный пример работы эллинистического градостроителя. Город планировался как единое целое — с агорой, цитаделью, храмами, жилыми кварталами и системой оборонительных сооружений. План вписывает все элементы города в «гипподамову» сетку с учетом всех ландшафтных особенностей. Так же, как в Милете и Приене, здесь мы имеем две композиционные оси — вертикальную и горизонтальную. По ним проходят главные дороги, в центре пересечения которых находится агора. Композиционным центром города является именно агора, занимающая значительную часть его территории (см. рис. 2). Подобно агорам в других греческих городах, она имела прямоугольную форму и открытый доступ со всех сторон.

Агора объединяла функции рыночной площади, места собраний жителей полиса, была естественным пространством для проведения всевозможных церемоний и спектаклей; словом, была центром общественной жизни. Интересно отметить функциональную трансформацию агоры Дуря-Европос с течением времени. В греческих государствах агора была не только местом торговли и празднеств, но еще и являлась отражением демократического устройства города. В Дуре-Европос уже при парфянах в этом не стало необходимости

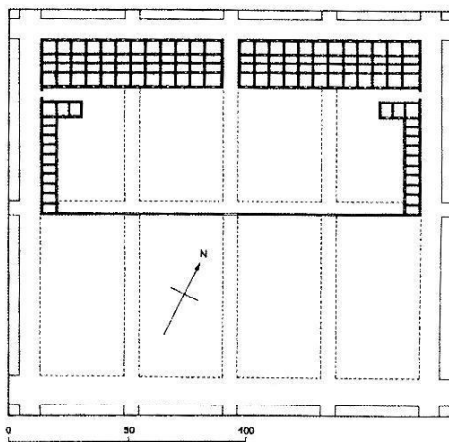
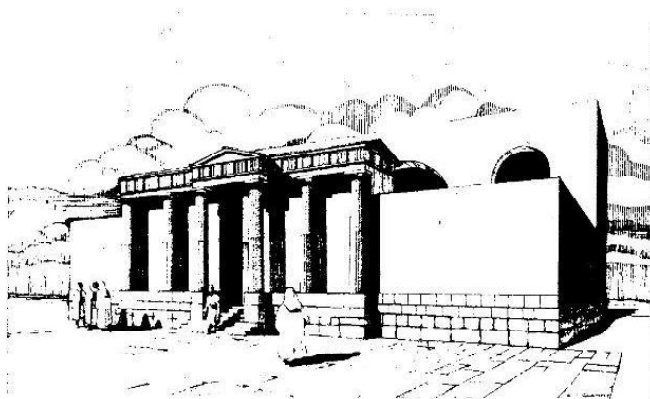

Рис. 2. Дуря-Европос.
План агоры.

— и пространство агоры постепенно застраивается в базарный квартал. Этот уникальный случай можно было бы рассматривать как градостроительный курьез, однако, такова объективная реальность, хорошо показанная в реконструкциях на рис. 24 и 25 в книге Вард-Перкинса.

К югу от агоры сохранились фундаменты храмов, датирующиеся эллинистическим временем (см. рис. 3). Эти храмы, вероятно, стояли на открытом пространстве, создавая привычное для греческого поселенца окружение, композиционно замыкая агору с жилыми кварталами. Тесная функциональная и пространственная связь религиозных и общественных центров эллинистического Дура-Европос делала его подобным многим другим греческим городам [17].

**Рис. 3. Дура-Европос.
Реконструкция храма Зевса-Мегиста.**

Посмотрим далее, каким образом эллинистический градостроитель применяет «гипподамову» сетку для решения своей задачи. Первоначальный план, вполне явственно читаемый по результатам археологических раскопок, был математически точен и рационален. Это сетка из девяти продольных и двенадцати поперечных улиц, включающих в себя от 60 до 70 городских блоков (кварталов), каждый размером 70,5 X 35,2 м., имеющих пропорции 1:2. Главная улица, проходившая от юго-западных ворот, имеет ширину 12,65 м. Две поперечных, ограничивающие агору, имеют ширину 8,45 м., остальные — 6,35 м.

Все общественные здания были размещены внутри границ

жилых блоков. Крепость (цитадель) занимала независимую позицию, но была частью генерального плана, так как система оборонительных стен учитывала ее положение. Общая площадь города занимала около 60 га.

Объективно говоря, от эллинистической эпохи сохранилось совсем немного. Цитадель, несколько зданий и храмов в центре города, сама агора — вот, пожалуй, и все. Причем, агора была трансформирована в хаотический восточный базар, храмы носили смешанные греко-восточные наименования — то есть, восток постепенно брал своё. Д. Шлюмберже в своей монографии об искусстве эллинистического востока отмечает, что «архитектура Дура-Европос — это архитектура парфянской эпохи с добавлением построек римского времени, несмотря на правильный, разбитый на квадраты греческий план города» [18].

Однако, именно этот, полусасыпанный сирийскими песками генеральный план города, является главным памятником архитектуры эллинистической эпохи. Пример Дура-Европос убеждает нас, что здесь эллинистический градостроительный прототип был применен настолько точно, что вся последующая жизнь города, как живого организма, развивалась именно в заданных архитекторами рамках. По нашему мнению, независимо от многочисленных культурных, религиозных, политических и военных событий, градостроительное ядро города оставалось неизменным в течение всего времени его существования, вплоть до гибели в результате военных действий в 256 г. н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Matheson S. The ancient city and the Yale collection. Yale University Art Gallery, 1982. P. 1.
2. Rostovtzeff M.I. The Foundation of Dura-Europos on the Euphrates // Annales de l'Institut Kondakov. 1938. Vol. X. P. 99.
3. Isid. Char. Mans. Parth. 1.
4. Simkins M. The Roman Army from Caesar to Trajan. London, 1981. P. 26.
5. Бунин А.В., Ильин А.А., Поляков Н.Х., Шквариков В.А. Градостроительство. М., 1945. С. 28.
6. Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967.
7. Сильнов А.В. Греческая архитектуроника и космология (на примере эстетики Анаксимандра) // Труды молодых ученых. Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет. Ч. III. С. 116.

8. Arist. Polit. II. 1267 b; VII. 1330 b.
9. Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. М., 1984. С. 65.
10. Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. С. 39.
11. Ward-Perkins J.B. Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in Classical Antiquity. N.-Y., 1974. P. 14.
12. Ibid. P. 18.
13. Plut. Alex. I. 5.
14. Частично затрагивается в нашей статье: Сильнов А.В. Эстетические особенности греческой военной архитектуры эллинистической эпохи // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы международной конференции 2 – 5 июня 1998 г. Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры РАН. СПб., 1998. С. 110 – 113.
15. К. Hopkins. The Discovery of Dura-Europos. New Haven – L., 1979. P. 251.
16. К сожалению, большая часть Цитадели погибла в I в. до н.э. в результате оползня, вместе с половиной бывшего дворца губернатора.
17. Правда, сейчас мы можем об этом судить только по реконструкциям художников и архитекторов.
18. Д. Шлюмберже. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985. С. 93.

Академик АН СССР И. К. Кикоин

ПИСЬМА УЧАЩИМСЯ Г. ПСКОВА

(Публикация и вступительная статья

Л. В. Буланой и С. Д. Лазарева)

Вступительная статья

реднюю школу № 1 г. Пскова академик И.К.Кикоин окончил в 1923 г., в пятнадцатилетнем возрасте. В зрелые годы он с благодарностью вспоминал свои школьные годы. Исаак Константинович никогда не забывал ни своей школы, ни своих учителей. Школа помогла ему найти свое призвание, привила любовь к физике - науке, которой он посвятил всю жизнь.

В 1966 г. он был на 180-летнем юбилее школы, выступал с лекциями для учеников и учителей г. Пскова.

В феврале 1983 г. ученики шестого класса этой школы написали Исааку Константиновичу письмо с просьбой рассказать о годах учебы в школе, о себе, прислать ряд материалов о своей научной работе для фондов музея истории школы, которым тогда руководил учитель истории Валерий Николаевич Гарбузов. Несмотря на свою исключительную занятость, Исаак Константинович охотно откликнулся на просьбу школьников. В разное время он продиктовал для них четыре письма, которые были записаны Л.В.Буланой. В этих письмах академик Кикоин рассказал о своих детских и юношеских годах, вплоть до поступления на физико-механический факультет Ленинградского политехнического института им. М.И.Калинина.

Исаак Константинович живо интересовался, как воспринимают ученики его рассказ, интересно им или нет. Он получал ответы с просьбой продолжить свое повествование. В дальнейшем Исаак Константинович мечтал рассказать школьникам о студенческих годах и о своей дальнейшей работе. Он собирался приехать в октябре 1986 г. на 200-летний юбилей школы № 1. Однако этим планам не суждено было сбыться.

30 октября 1984 г. Исаак Константинович был помещен в клинику на медицинское обследование. Находясь там, он продолжал свою кипучую деятельность, был бодр, полон творческих замыслов. В больнице академик Кикоин продиктовал для школьников воспоминания о своих родителях, которых он чтит всю жизнь. Последнее, четвертое письмо было продиктовано Исааком Константиновичем в воскресенье, 16 декабря 1984 г., как раз накануне операции, которая была ему сделана на следующий день - 17 декабря.

28 декабря 1984 г. академик И.К.Кикоин скончался.

Письмо 1

Дорогие друзья !

Прежде всего я хочу принести свои извинения за опоздание с ответом на Ваше письмо. Многочисленные дела помешали этому. Я с удовольствием буду поддерживать переписку с Вами.

Не знаю пока, что именно Вас интересует? В дальнейшем это, вероятно, выяснится.

Интересно ли Вам, например, знать о том, что я родился 28 марта 1908 года в семье учителя в небольшом городке Жагар в Литве, что читать и писать я научился в 4-летнем возрасте?

В 1915 году во время первой мировой войны город оказался в прифронтовой полосе, и наша семья была эвакуирована в город Люцин (теперь это в Белорусской ССР).

В 1916 году мы переехали в г. Опочку Псковской губернии (теперь - области), где я и поступил в школу.

Учиться мне было нетрудно, настолько, что дважды «перескочив» через класс, я в 1921 году оказался в предпоследнем классе. Но в том же году моего отца перевели преподавателем математики в Вашу школу, которая тогда называлась Первой школой второй ступени.

И.К.Киконин в рабочем кабинете.1984 г.

Естественно, что и я поступил учиться в ту же школу. Таким образом последние два учебных года я провел в нашей с Вами школе, которую и окончил в 1923 году в пятнадцатилетнем возрасте. Об этих моих школьных годах у меня остались самые светлые и приятные воспоминания.

Довольно рано, еще в младших классах, я усердно занимался математикой и физикой, вероятно сказалось влияние отца.

В школе, в которой Вы сейчас учитесь, создались исключительно благоприятные условия для углубленного изучения мною этих предметов.

Математику у нас преподавал первоклассный педагог

Дмитрий Михайлович Ляпунов, которому я очень благодарен за полученные от него знания.

Очень мне повезло и с физикой.

Мне доверили заведовать физическим кабинетом школы и вместе с моим товарищем по школе - заведование школьной библиотекой (и то, и другое было моей общественной работой).

В то время физический кабинет занимал довольно большое помещение, войти в которое надо было из вестибюля школы слева от ее главного входа. Теперь этого помещения к сожалению нет. Входная дверь в библиотеку находилась в вестибюле, точно напротив двери, ведущей в физический кабинет, т.е. справа от главного входа школы (этого помещения теперь тоже нет).

Физический кабинет был превосходно оснащен приборами и я имел возможность производить множество экспериментов. Правда, много приборов нуждалось в ремонте и я обогатился опытом изготовления нужных для этого деталей.

Школьная библиотека была на редкость богата, в ней содержалось несколько десятков тысяч томов. Много там было книг по физике и математике.

Итак, у меня создались исключительные условия для основательного изучения физики и математики. Если добавить к этому, что дом, где я жил, был расположен рядом со школой (дом № 9 по той же улице), то легко понять, что почти каждый день я с удовольствием проводил время за занятиями в библиотеке и физическом кабинете с утра и до позднего вечера. В результате я приобрел довольно основательные познания по обеим дисциплинам, значительно более обширные, чем требовалось школьной программой. Это позволило мне заниматься подготовкой выпускников нашей и других школ к вступительным экзаменам по математике и физике в высшие учебные заведения. Эти занятия неожиданно оказались весьма успешными, и я приобрел популярность как хороший учитель.

Как я уже говорил, школу я окончил в пятнадцатилетнем возрасте. К этому времени я уже точно решил в каком высшем учебном заведении буду продолжать свое образование. Дело в том, что незадолго до этого в одной из центральных газет появилась статья выдающегося физика - академика Абрама Федоровича Иоффе об основанном им физико-механическом факультете при Ленинградском политехническом институте им. Калинина. Прочитав эту статью, я твердо решил поступить только на этот

факультет. Но, к сожалению, в вузы принимали молодежь начиная с семнадцатилетнего возраста. Поэтому я решил поступить [сначала] в Псковское землемерное училище - одно из пяти таких училищ, существовавших в стране. Это было лучшее из среднетехнических учебных заведений Пскова. К сожалению, прекрасного здания, в котором находилось училище, сейчас нет. Я легко сдал экзамены и был принят на третий курс училища (потом оно стало называться землеустроительным техникумом). Одна из причин, почему я выбрал это училище, заключалось в том, что при сравнительно значительной безработице, которая тогда существовала в стране, землемеров не хватало.

Я не стану останавливаться на годах, проведенных в этом училище, а ограничусь только указанием на то, что моя неплохая физико-математическая подготовка помогла мне окончить училище с высшими оценками.

Заканчивая на этом свое первое письмо, я хочу узнать насколько Вас интересует моя дальнейшая биография и в зависимости от этого я продолжу переписку с Вами.

Академик Кикоин

Письмо 2

Многоуважаемый Валерий Николаевич !

Дорогие друзья !

Я получил Ваше письмо с просьбой продолжить рассказ, начало которого я направил школьникам шестого класса нашей школы (сейчас они уже, вероятно, в седьмом). К сожалению, я не получил их ответа, о котором Вы упоминаете в своем письме.

Теперь я продолжу свой рассказ о себе после окончания в 1925 г. Псковского землемерного училища. Мне тогда уже исполнилось 17 лет и я имел право поступать в выбранный мной Политехнический институт на физико-механический факультет. Я уже знал, что этот факультет дает своим питомцам наряду с хорошей физико-математической подготовкой и инженерное образование на уровне лучших технических вузов страны. И то, и другое меня привлекало со школьных лет. Забегая вперед скажу, что моя мечта осуществилась, и я действительно в том же году стал студентом физико-механического факультета Политехнического института.

Может быть, Вам будет небезынтересно узнать как проходили у меня вступительные экзамены на этот факультет. В те времена правила сдачи экзаменов для поступления в вузы часто менялись. В частности, в 1925 г. для поступающих в московские и ленинградские вузы правилами было предусмотрено, что лица, окончившие в этом году средние школы или средние технические учебные заведения и желающие в этом же году поступить в вузы, экзамены сдавали в своих областных или губернских городах. Лица же, окончившие средние учебные заведения до 1925 г., по-прежнему экзаменовались в приемных комиссиях самих вузов (как и теперь).

Таким образом, я должен был сдавать экзамены у себя в г.Пскове. Для Псковской губернии на выбранный мною физико-механический факультет было выделено два места.

Желающих поступить на этот факультет из Псковской губернии было несколько десятков человек, экзамены принимались в г.Пскове в здании Губернского отдела профобразования на ул. Гоголя. Приемная комиссия состояла из учителей г.Пскова. Экзамены по физике, математике, химии, русскому языку и политграмоте (теперь обществоведение) я сдал весьма удовлетворительно, т.е. по теперешнему на пять. Мне объявили, что я зачислен студентом физико-механического факультета Ленинградского политехнического института. Председатель комиссии поздравляет: «Все в порядке. Можете ехать в Ленинград. Вы зачислены». Все документы, включая удостоверение об окончании школы и аттестат об окончании Землемерного училища, комиссия отправила в Ленинградский политехнический институт.

Одна маленькая деталь - в момент, когда я сдавал экзамены (июль месяц) аттестаты оканчивающим Землемерное училище еще печатались в типографии, поэтому мне перед экзаменами для представления в приемную комиссию выдали дубликат аттестата, напечатанный на пишущей машинке, точно с тем же текстом и с подлинными подписями и гербовой печатью.

Я закончил свои репетиторские дела, объяснив ученикам, что я стал студентом и уезжаю для продолжения образования.

К началу учебного года я приезжаю в Ленинград. Прихожу на свой факультет и читаю списки принятых студентов. Моей фамилии нет! На этом драматическом событии я и закончу это письмо. При первой же возможности продолжу свое повествование.

Академик И.К.Кикоин

2/XI - 84 г.

Письмо 3

Многоуважаемый Валерий Николаевич!

Дорогие друзья!

Направляю Вам продолжение своего рассказа. Итак, 27 августа 1925 года я приехал в г. Ленинград и к концу дня очутился на территории политехнического института. Нашел здание, в котором был вывешен список зачисленных в институт студентов. Среди них моей фамилии не было! Назавтра утром (это было 28 августа) я направился в канцелярию для выяснения причин этого явного недоразумения. Когда я назвал свою фамилию заведующему канцелярией, он распорядился кому-то из своих помощниц принести ему мое личное дело. Он стал его перелистывать и заявил: «Вы не приняты, потому что не явились на экзамены». На мое объяснение, что я экзамены сдавал в г.Пскове, губернской приемной комиссии, последовал ответ: «Вы ведь окончили школу в 1923 г., а не в этом 1925 г. и согласно существующим правилам должны были экзаменоваться здесь - в институте». В ответ на это я сказал ему, что в этом году окончил Псковское землемерное училище. На это последовал удививший меня ответ: «Об этом нам не известно ничего». Я стал утверждать, что в моем личном деле должен находиться аттестат об окончании в г.Пскове землемерного училища. Перелистав снова личное дело и найдя этот аттестат, он категорически заявил: «Поскольку Ваш аттестат напечатан не в типографии, то он не может служить для нас официальным документом». Я ему объяснил причину [того] почему задержалась выдача типографских аттестатов и показал типографский аттестат, выданный мне на руки, подчеркнув, что тексты, печати и подписи в обоих документах в точности совпадают.

Все это не произвело на него никакого впечатления и он заявил, что теперь уже поздно и мое место занято.

Нетрудно было догадаться, что начальник канцелярии ранее просто недостаточно внимательно рассмотрел присланные документы и не заметил аттестата, а теперь не хотел признать свое упущение (вероятно, ему трудно было представить себе, что в 17 лет можно закончить два средних учебных заведения - школу и землемерное училище). Никакие мои дальнейшие объяснения не подействовали, и он просто оборвал со мною разговор.

Я срочно телеграфировал об этом недоразумении в Псковскую приемную комиссию. Через несколько часов получил копию телеграммы на имя приемной комиссии политехнического института, в которой подтверждалось мое право быть зачисленным, в соответствии с законом, студентом института. Телеграмма не возымела никакого действия. Выручила меня симпатичная девушка - технический секретарь приемной комиссии. Внимательно просмотрев мое дело, она поняла, что заведующий канцелярией допустил ошибку, в которой признаться и исправить ее не хочет. К счастью в это время в институте еще проходили дополнительные приемные экзамены, которые заканчивались 29 августа, т.е. в тот самый день, когда мои хлопоты безуспешно закончились. Девушка посоветовала мне написать заявление не о зачислении меня студентом, а о разрешении заново сдать приемные экзамены. Я такое заявление написал. Она сама отнесла его председателю приемной комиссии и через некоторое время принесла мое заявление с положительной резолюцией. Посмотрев на меня, она с сомнением спросила, действительно ли я смогу сдать в течение оставшихся нескольких часов все экзамены - их было пять?!

Секретарь сама отнесла экзаменационные ведомости в аудиторию, где проводились экзамены, и я напрямик направился в первую из указанных аудиторий. Там шел экзамен по математике. За столом сидел солидный мужчина в морской форме. Позже я узнал, что это был известный профессор Р.О.Кузьмин, читавший лекции по высшей математике на кораблестроительном факультете (поэтому он и носил морскую форму). Перед ним на столе лежал задачник Бычкова по математике. Профессор раскрыл наугад задачник и предложил решить два квадратных уравнения с двумя неизвестными. Я посмотрел задачу и тут же, не решая, сказал ему решение. Он сверился с ответом и спросил как я так быстро решил задачу. Я ему ответил, что задача простая и решается в уме. Должен перед Вами сознаться, что это была неправда. Дело объяснялось тем, что у меня хорошая память, а все задачи этого учебника я перерешал со своими учениками и запомнил ответы.

Тогда проф. Кузьмин предложил мне другую задачу - три квадратных уравнения с тремя неизвестными. Я снова дал ему ответы, не решая эту систему, сказав, что такая задача легко решается в уме. Это, конечно, тоже было неправдой. Тогда он, закрыв задачник, предложил мне вычислить логарифм числа, что я и сделал успешно, нормальным путем. Задав мне несколько устных

вопросов по геометрии, на которые я дал правильные ответы, он спросил, где я учился и затем поставил мне оценку «ВУ» (весьма удовлетворительно, что равнозначно теперешней пятерке). Экзамен по математике продолжался примерно минут пятнадцать. Оттуда я бегом отправился в аудиторию, где проходил экзамен по физике. Этот экзамен занял 15-20 минут, и я получил также оценку ВУ.

Экзамены по химии и политграмоте прошли также успешно.

.....

о том, что на его факультете появился студент, который в течение одного дня сдал все вступительные экзамены в институт и при этом весьма удовлетворительно.

Так начались самые счастливые дни моей юности.

И.К.Кикоин

P.S.

Продолжение следует

Письмо 4

Уважаемый Валерий Николаевич!

Дорогие друзья!

Прежде чем начать повествование о своей студенческой жизни, хочу рассказать Вам о своих родителях.

Родился я 28 марта 1908 г. в городе Жагар, что в Литовской ССР.

Моего отца звали Константин Исаакович. Это был высокообразованный человек. Он знал древнегреческий и латинский языки, химию, математику, физику. По профессии он был учитель.

Моя мама Буня Израилевна окончила женское училище и, как большинство женщин в то время, занималась воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства и пр. заботами о семье.

В то время отец был директором начальной школы. Школа располагалась в двухэтажном здании. На втором этаже жила семья учителя, а на первом этаже шли учебные занятия. При школе был сад, в котором мы, дети, любили играть и прятаться. В нашей семье до моего рождения были только две девочки - мои сестры Ревекка (1904-1979) и Лена (р. 1906).

Рождение первого сына, т.е. меня, как вспоминал позже мой

отец, было встречено семьей с ликованием - все жаждали первенца. Как шутя рассказывал позже отец, при этом известии он не поверил женщинам и лично сам проверил справедливость их сообщения.

Многие события в нашей семье я помню с 2-х лет. Так я четко вспоминаю как мои старшие сестры опекали и любили меня.

В семье придерживались твердого правила - приучать детей к посильной работе по дому, заботе о всех членах семьи; прививались любовь к труду и ответственность за порученное дело.

На всю жизнь я сохранил к родителям благодарность за это. В своей жизни часто встречаясь с трудностями вспоминал заветы моего отца.

В нашей семье детей учили писать и читать рано. В три года я уже умел читать и писать. От отца я ежедневно получал задание, за выполнение которого должен был давать ему отчет. Отец задавал мне и тексты, которые я должен был отвечать ему наизусть. Теперь я понимаю, что эти устные задания способствовали формированию у меня хорошей памяти, которую я сохранил на всю жизнь.

В дальнейшем я буду пользоваться не только своими детскими впечатлениями, но и рассказами отца об этом периоде жизни нашей семьи. Отмечу только, что когда мне было 6 лет, в 1914 г., 23 февраля родился в семье еще один сын - мой брат Абрам Константинович, с которым я дружу и сотрудничаю всю свою жизнь. В 1914 г., как Вы знаете, началась первая мировая война. Наш город мог оказаться в районе военных действий. Отец принял решение эвакуировать семью на восток. Сделать это было нелегко. В г. Жагар ж.д. не было, а до ближайшей ж.д. станции Митава (теперь Елгава) было около 40 км. Отец для перевозки семьи нанял фургон, который тогда назывался дилижансом и везла его пара лошадей. Как позже рассказывал отец, семья прибыла в Митаву без особых приключений и в тот же день уехала на поезде на восток до станции Люцин. Это была моя первая поездка по железной дороге и первое яркое событие в моей шестилетней жизни. Я его помню до сих пор.

Временно пристроив семью, отец занялся поисками работы, но в г. Люцине учебных заведений не было.

Отец перевез семью в г. Опочку, куда его пригласили преподавать математику в гимназию. Здесь же, в Опочке, я поступил учиться в реальное училище. Учиться мне было легко и я самостоятельно подготовился к экзаменам, чтобы после 3-го класса перейти в 5-й класс. Отцу очень понравилось мое первое в жизни самостоятельное решение. В зрелые годы он часто вспоминал об этом. Занимаясь в 5-ом классе, я чувствовал, что мне скучно на

занятиях. Просмотрев программы занятий в 6 и 7 классах, я подготовился и перешел сразу в седьмой класс реального училища.

В 1921 г. отца, как отличного и опытного педагога, перевели учителем математики в г. Псков, в школу № 1, которая была одной из лучших мужских гимназий в России.

Вместе со всей семьей и я, конечно, переехал в г. Псков и поступил учиться в нашу школу. Остальные события известны Вам из моих предыдущих посланных рассказов.

Последняя запись сделана 16. 12. 84 г., которую в воскресенье мне продиктовал И.К.Кикоин с 13 до 15 часов.

В.В. Митин

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОНГОЛИИ МОНГОЛЬСКОЙ КОМИССИЕЙ АН СССР*

Со второй половины XIX века русские ученые начинают активное научное изучение Монголии и населяющих ее народов. Сначала сведения путешественников Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского, Г.Н. Потанина, а чуть позже уже квалифицированных этнографов, археологов А.М. Позднеева, Н.М. Ядринцева, В.В. Радлова, А.Д. Руднева, В.Л. Котвича в значительной мере увеличили знания европейцев о монгольском народе, его племенах в прошлом и настоящем. Но надо отметить, что эти начальные исследования в большей степени носили ознакомительный характер и не были систематическими. Как известно, после революций в России и Монголии между двумя странами складываются особые отношения, позволяющие серьезно расширить исследовательскую работу в Монголии, в том числе и в области этнографии. С этого момента начинается новый этап в изучении народов Монголии отечественными учеными-этнографами, характеризовавшийся более четкой постановкой целей и задач, плановностью, систематичностью и специализацией исследований. Этот период тесно связан с деятельностью Монгольской комиссией АН СССР (МОНК), функционировавшей с 1925 по 1953 гг.

Этап этот достаточно важен в истории этнографического изучения Монголии, поскольку в это время происходит основательное накопление материала экспедициями МОНК, определение направлений исследований, создание концепций развития культуры, быта, языка, истории монголов. К сожалению, в соответствующей литературе этнографические исследования Комиссии освещены и оценены весьма недостаточно. Есть, впрочем, немало работ, которые затрагивают либо изучение отдельных вопросов, либо определенные аспекты, связанные с исследованиями, либо дающие более чем общее описание экспедиционных изысканий. Можно познакомиться также с предварительными

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 02-03-18235а).

результатами некоторых экспедиций, которые были опубликованы в периодических изданиях Монгольской комиссии: II выпуске «Северной Монголии» (Л., 1927); 4, 5, 6, 10, 14, 15 выпусках «Материалов Комиссии по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР» (Л., 1929 — 1931); 13 (Л., 1934) и 35 (М. — Л., 1940) выпусках «Трудов Монгольской комиссии». Однако достаточно полного освещения экспедиционных исследований этнографического характера МОНК не появлялось в печати. В данной статье также невозможно рассмотреть во всей полноте всю историю и все аспекты изучения монгольских племен советскими учеными — сотрудниками МОНК, но сделать их обзор и провести краткий анализ этой работы представляется вполне реальным.

Новое революционное правительство Монголии хорошо осознавало важность изучения народов своей страны. Необходимо было четко представлять себе этническую картину, чтобы успешно проводить внутреннюю политику с учетом племенных особенностей. Кроме того, в условиях проводимых преобразований, в момент утверждения независимости нужно было содействовать росту национального самосознания, которое должно было объединить разбросанные на огромной территории племена в единый народ на основе единого прошлого, общей культуры и духовного мира. Этому соответствовали националистические взгляды новых руководителей страны, отраженные в программе Монгольской народной партии, где в качестве одной из важнейших ставилась цель объединения в рамках Монгольского государства всех монгольских племен. Естественно при этом было обратить особое внимание на историю страны, ее духовное наследие, а также на особенности — языковые, бытовые, хозяйственные — отдельных народов Монголии.

Именно такие задачи ставило революционное правительство перед созданным 9 ноября 1921 г. Ученым Комитетом — главным научным и образовательным центром страны. Однако для их решения возможности монголов были весьма ограничены из-за недостатка не только специалистов, но и вообще образованных людей. Разрешить эту проблему могла помощь ученых Советской России, отношение с которой были близкими и традиционно, и благодаря немалой роли, сыгранной при восстановлении монгольской государственности.

Для советских ученых исследования в Монголии также

представляли значительный интерес. Появилась возможность углубить изучение этнографии и истории страны, где было еще так много неизвестного для европейской науки. Само время ставило перед этнографами широкие задачи в Монголии и обещало достижение больших результатов. Монголия во многом еще была белым пятном и для этнографов, и для лингвистов, и для археологов. Имевшихся сведений было явно недостаточно для полного этнографического описания населения страны, определения хода и особенностей этногенеза, освещения хозяйственных и социальных отношений, быта и верований монголов. К тому же в их жизни в это время начиналась трансформация давно сложившегося многовекового кочевого уклада. Таким образом, русские ученые определяли как цель: исследования этого уклада и изучения изменений, происходивших в различных областях жизни народа после достижения независимости и в ходе начавшейся перестройки социально-экономических отношений. С этим были связаны и практические задачи: отслеживание утверждения нового режима в стране, отношения к нему в народе, изучение возможностей проведения мероприятий нового правительства.

В 1922 г. устанавливаются научные связи МУКа и РАН, которые первоначально выразились в обмене литературой и историческими литературными памятниками. МУК послал в адрес Азиатского музея 8-12 части «Истории Гэсэра», прежде не изученные российскими учеными. В следующем, 1923 г. РАН получила еще 13 книг, в числе которых были «памятная книга Чингис-хана, учение мудрого Гэсэра, учение о сезонах года, диалог учителя и ученика, повесть о двух серых лошадях Чингис-хана, короткая история Уйгурского ханства, сказка о щенке, кошке и мышке, история о столкновениях между буржуазией и трудящимися, краткая характеристика вселенной, книга о культуре Бурято-Монголии на русском языке и др.» [1].

В 1922 г. МУК заключил соглашение с Иркутским университетом об исследовании территории Монголии, прилегающей к Иркутской области. В первую очередь это относилось к району озера Хубсугул. Были установлены связи также с бурятскими научными учреждениями [2]. В этом же году начались первые советские экспедиции в новую Монголию. В 1922 — 1924 гг. там работала ботанико-географическая экспедиция В.Е. Писарева, который собрал значительный материал о земледелии в стране, происхождении культурных растений. Н.И. Вавилов весьма высоко оценивал результаты этих исследований [3].

В соответствии с соглашением Иркутского университета с МУК, по которому предполагалось исследовать (помимо прочего) древние захоронения в районе озера Хубсугул, в 1923 г. в Монголию были направлены сотрудники университета, работавшие там с 19 августа по 1 октября. Ими был собран и подготовлен к изданию материал об орудиях и предметах быта людей каменного века, этнографические сведения по быту населения близ озера Хубсугул, были привезены копии древнеуйгурских надписей на жертвенных и каменных плитах (сами памятники оставлены на месте). Сбором всех этих материалов занимался руководитель экспедиции Б. Петри [4].

Эти экспедиции лишь попутно собирали данные по этнографии, языку, истории и археологии Монголии и, естественно, заполнить пробелы в этих сферах знаний о стране они не могли. Кроме них в пределы Монголии поехали советские специалисты для восполнения нехватки ее национальных научных кадров.

Так, летом 1923 г. в Ургу приехали три студента Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ): В.А. Казакевич, Н.Н. Бабынин, А.В. Петров. Как писал об этом В.Л. Котвич, они едут, чтобы войти «в живую связь с народом, который они будут изучать» [5]. Для советской науки это была возможность воспитывать действительно квалифицированные кадры монголистов, но и МУК был заинтересован в их работе. Молодые советские ученые должны были принять участие в сборе, переводе и издании монгольских письменных памятников, прежде всего сводов буддийских канонических произведений Ганджура и Данджура. Изучение этих книг поднимало интерес к Монголии со стороны других стран, но приоритет в их изучении отдавался советским ученым. Они стали членами Ученого комитета, и в их обязанности входил перевод литературы, необходимой для новой Монголии, с различных языков на монгольский. В.А. Казакевич, кроме монгольского, владел французским и немецким языками, а Н.Н. Бабынин еще и английским [6]. Предполагалось, что их работа в Монголии займет около года, но, фактически, это время удвоилось. В наибольшей степени проявили себя Н.Н. Бабынин и особенно В.А. Казакевич. Последний, находясь в Монголии с 28 июля 1923 по 1 сентября 1925 гг., участвовал в пяти экспедициях Ученого комитета и, кроме того, исполнял текущую работу МУК [7]. Он занимался поисками исторических книг и документов, совершил ряд маршрутов вдоль южной пограничной полосы Монголии, на восток, в район Халхин-гола и другие части страны [8]. Помимо чисто научных

исследований им выполнялись поручения, имевшие государственное значение. В 1925 г. он участвует в работе комиссии Ученого комитета по устройству бурят-эмигрантов из Забайкалья на жительство в восточных районах МНР. При этом ученый продолжает сбор этнографических сведений о местном населении: монголах и вновь прибывших бурятах. В.А. Казакевич указывает на сложность во взаимоотношениях этих народов, которая слабо учитывалась комиссией при проведении ее работы. Любопытным является описание жертвоприношений священным горам, в которых активное участие принимало и революционное правительство Монголии [9]. Результаты его полевых работ были составлены в виде отчетов и переданы Ученому комитету [10]. Особое значение имели эти материалы для составления монгольского словаря по топонимике и топографии МНР. Два года пребывания в Монголии создали базу для превращения В.А. Казакевича в одного из видных советских монголоведов.

В 1923 г. Русское Географическое общество организовало Монголо-Тибетскую экспедицию П.К. Козлова, которая в основном являлась географической. Археологические, этнографические работы не были запланированы ею в числе основных. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в ее составе на начальном этапе не было профессиональных археологов или этнографов, хотя определенный опыт археологических работ у ее участников, прежде всего у самого П.К. Козлова, был. Экспедиция П.К. Козлова — это путешествие, которое явилось разведкой для более глубоких специальных исследований. Сама экспедиция не была готова к таким работам.

Весной 1924 г. в горах Хэнтея, у хребта Ноин-Ула, а точнее, в ущельях, именуемых Судзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ в 130 км к северу от Урги были обнаружены группы древних курганов, общее число которых составляло 212. Экспедиция самостоятельно начала раскопки этих курганов. Уже первоначальные находки показали, что сделано открытие огромной научной ценности, но не располагавшая специалистами-археологами и техническими средствами для проведения серьезных исследований экспедиция подверглась критике. В результате в августе в состав экспедиции командированы два специалиста-археолога — С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка, которые должны были взять на себя руководство археологическими работами в Ноин-Ула [11]. Обнаруженные при раскопках находки давали обильный фактический материал о жизни и культуре народа, оставившего эти могилы: украшения,

предметы одежды и быта (например, приспособление для добывания огня, остатки конской сбруи, предметы для курения, ковры, ковши, корытца, нитяные сетки и др. [12]. Было выяснено, что погребения относятся к I веку н.э. и являются хуннскими. Открытие экспедиции П.К. Козлова было научной сенсацией и дало пищу для новых концепций и гипотез. Некоторые художественные изделия, найденные в погребениях несли на себе одновременно следы различных ранее не сочетавшихся стилей: китайского, скифского и греческого, что позволило Г.И. Боровке указать на наличие прочных культурных связей между античным миром и древним Китаем через Сибирь [13].

Впечатляющие результаты экспедиции П.К. Козлова показали, сколь велики перспективы дальнейшего исследования Монголии, тем более что практически одновременно не менее значимые открытия, только в области геологии, палеонтологии и истории палеолита, были сделаны американской экспедицией Нью-Йоркского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса. Однако было совершенно ясно, что для серьезного изучения Монголии были необходимы специально подготовленные экспедиции, которые могли бы продолжить и расширить работы, начатые до революции. Для исследования территории и населения СССР Академией наук и местными государственными и научными учреждениями стали организовываться комплексные экспедиции. Для слабо изученной Монголии такой способ мог быть достаточно эффективным. Сама жизнь подталкивала к проведению широких исследовательских работ в различных сферах науки, результаты которых были бы осмыслены в комплексе.

Специальная правительственная комиссия, созданная специально для рассмотрения результатов Монголо-Тибетской экспедиции в январе 1925 г., сделала заключение о необходимости создания центра, который осуществлял бы организацию комплексных экспедиционных исследований на территории МНР. Таковым учреждением и стала созданная 3 апреля 1925 г. Комиссия по научному исследованию Монголии при Совете Народных комиссаров СССР (с 1927 г. она в системе АН СССР и обычно именовалась Монгольской комиссией — МОНК)[14]. В состав ее экспедиций должны были входить и этнолого-лингвистические и археологические отряды. Этнографическую сферу работ Комиссии возглавлял виднейший наш монголист, по сути, основатель подлинно научного отечественного монголоведения Б.Я. Владимирцов.

Развертыванию работ по изучению народов Монголии способствовал тот факт, что к середине 1920-х гг. в нашей стране складывается монголоведная школа, когда наряду со старыми учебными заведениями, готовившими монголистов, появляются новые, например ЛИЖВЯ, уже выпустивший ряд специалистов, которые были привлечены к участию в исследованиях МОНК.

Уже летом 1925 г. в составе комплексной экспедиции Монгольской комиссии впервые отправляется специальный этнолого-лингвистический отряд, в составе которого были: сам Б.Я. Владимирцов и молодой бурят Б.Б. Бамбаев. Работы велись в районе Улан-Батора и в самой столице, а также на северо-востоке страны, в районе гор Малого Хэнтэя и бассейна р. Керулен. Собранный материал был весьма разнообразен и затрагивал целый комплекс вопросов. Значительную часть времени отряд проводил лингвистические наблюдения в Улан-Баторе, где обычно можно было встретить представителей различных племен. Здесь же проводилась работа по рассмотрению богатого фонда монгольских рукописей Ученого комитета МНР. Б.Я. Владимирцов посвятил часть этого времени изучению одного из сводов буддийских канонических книг — Данджура. Отряд также попытался ответить на вопрос, мучающий монголоведов всего мира, но так и не разрешенный — где же находится могила Чингис-хана. Поиски проводились и южнее Улан-Батора, и в районах, где протекало детство и юность Великого воителя — на северо-востоке Монголии, но, к сожалению, безуспешно.

Серьезными были полученные материалы в области лингвистики: была прослежена тенденция к сближению языков различных племен на основе диалекта халха-монголов. Интересные процессы в монгольском языке разворачивались перед глазами исследователей, когда под влиянием новых явлений в обществе появлялись новые слова, а старые часто приобретали новый смысл. Например, старое слово «sedkül», означавшее «известие, принесенное гонцом», стало пониматься как «газета». Вообще события последних лет в Монголии наложили достаточно глубокий отпечаток на жизнь и сознание монголов, что было отмечено исследователями. Среди записанных отрядом примерно сотни песен значительная часть отражала современные актуальные темы — изгнание китайцев, пребывание в стране барона Унгерна.

Отряд, и находясь в столице, и на северо-востоке страны собирал данные о сохранявшихся элементах родового строя, продолжавшем существовать в некоторых районах шаманизме.

Немалое значение имели раскопки древнетюркских погребений, проведенные отрядом к юго-востоку от Улан-Батора. Их данные, а также работы археолога Г.И. Боровки позволили Б.Я. Владимирцову создать первую классификацию древнетюркских «княжеских» могил, которая в основных чертах используется и сейчас [15]. Этот далеко неполный перечень результатов деятельности отряда показывает, насколько широк был круг научных и практических вопросов, требовавших решения.

Параллельно в долине реки Тола действовал археологический отряд Г.И. Боровки. Он предполагал в течение нескольких лет провести работу по выяснению археологических памятников в восточной Монголии. Его генеральной задачей было расширение знаний о культуре, обнаруженной П.К. Козловым в горах Ноин-Ула, в которой прослеживаются ее связи с древним Китаем и античным миром. Проблему можно было решить систематическими раскопками. Ему удалось найти некоторое подтверждение этих связей: на некоторых тканях, выполненных и окрашенных в китайском стиле, был обнаружен орнамент, характерный для Сасанидского Ирана. В конечном итоге он делает вывод о том, что в Монголии тюркскому периоду предшествовала длительная эпоха т.н. скифо-сибирской культуры.

Интересную гипотезу он выдвинул и в чисто этнографической области. При раскопках были обнаружены предметы земледельческой культуры, относящейся ко времени неолита, например, каменная зернотерка. Из этого Г.И. Боровка делает достаточно смелый вывод, что, возможно, в Монголии, которую всегда считали родиной кочевого скотоводства, которое было там изначальной экономической формой, еще до него велось земледельческое хозяйство [16]. Последующие исследователи подвергают сомнению эти столь далеко идущие предположения, поскольку новых подтверждений гипотезе найдено не было.

Отдельную работу по заданию МОНК выполняла К.В. Вяткина, собиравшая этнографические материалы, относящиеся к монголам-халха в районах к западу от Улан-Батора [17].

Значительные достижения первого года работ экспедиций вдохновляли на проведение дальнейших еще более широких исследований. В следующем, 1926 г. работы этнолого-лингвистического отряда самостоятельно проводили молодые ученые. Б.Я. Владимирцов формально возглавлял их, но основная его деятельность протекала в Пекине, где имелся значительный фонд

монгольских книг, рукописей, ксилографов. Ему и другому известному ученому — В.М. Алексееву, удалось приобрести 212 томов монгольских рукописей, содержащих сочинения, ранее в Европе неизвестные [18].

А к юго-западу от Улан-Батора, в долинах рек Тола и Орхон пролегли маршруты другой группы, возглавляемой Н.Н. Поппе (впоследствии один из виднейших советских монголоведов, член-корреспондент АН СССР, но преданный забвению, поскольку в годы Великой Отечественной войны перешел на сторону немцев, работал в системе институтов СС, а после войны до смерти в 1991 г. жил и работал в США [19]), в которую входил также Б.Б. Бамбаев. В этом районе находился центр возникавших и исчезавших древних кочевых цивилизаций. Группа составила описание древних сооружений, бывших на пути следования, были найдены ранее неизвестные наскальные средневековые монгольские и китайские надписи, удалось записать со слов сказителей несколько десятков героических эпоей и песен. Исследователи отметили, что это творчество постепенно начинает отмирать — факт трансформации традиционной жизни монголов. Отряд произвел также сбор предметов быта населения района и вел наблюдение над местными говорами [20].

Наиболее широкие этнографические работы разворачиваются в 1927 г. Исследования проводились несколькими группами, которые, впрочем, лишь с натяжкой можно было так назвать, поскольку часто они состояли из одного специалиста.

Н.Н. Поппе основную работу проводил в Улан-Баторе, где изучал дагурский язык, который, как оказалось, содержал много архаичных форм монгольского языка, напоминавших наречие монголов Афганистана, что позволяло проследить ход эволюции языка [21].

Давний коллега Поппе Б.Б. Бамбаев проводил сбор этнографического материала в долине р. Селенга. Там ему удалось обнаружить ряд ранее неизвестных погребений, найти и обследовать несколько развалин древних городов, относившихся к уйгурскому (VIII — IX вв.) и более позднему монгольскому периодам. Кроме того, он записал десятки былин, песен, описал местные свадебные обряды [22].

В.А. Казакевич проложил несколько весьма плодотворных маршрутов по одной из пограничных юго-восточных областей МНР — Дариганге. Его задача: сбор этнолингвистических

материалов, знакомство с архивами монастырей. С ней он прекрасно справился: записал 20 произведений устного творчества, обнаружил в библиотеках дацанов прежде неизвестные рукописи, 35 томов которых привез в Ленинград. Он занимался и археологическими работами: обследовал два городища, обнаружил и описал 17 погребений типа «керексур» с намогильными статуями, которыми была богата Дариганга, что позволило ему сделать некоторые выводы о сходстве этих статуй с подобными в Средней Азии и на юге русских степей. В.А. Казакевич отрицал, что эти статуи являются «балбалами» - изображениями убитых врагов покойного, как это считали ранее: те ставились не на могилы, а рядом. Он полагал, что это изображения самих покойных и что нужно разграничивать понятия намогильных статуй и «балбалов». Некоторые особенности говорят о китайском происхождении памятников - изображения драконов на одежде, количество четок (более 20), которое свойственно китайским буддистам и др. Четкого вывода на этот счет В.А. Казакевич не делал, но склонялся к мнению об их тюркском происхождении. Попутно он составил описание системы управления Автономной областью [23].

На северо-западе страны, у озера Хубсугул, в области, именуемой Дархатской котловиной, изыскания проводил молодой ученый, бурят, впоследствии крупный монголовед Г.Д. Санжеев. В этнографической литературе того времени практически отсутствовали сведения о народе дархатов, который образовался в результате смешения западных монголов-ойратов и тюрков-урякхайцев (нынешних тувинцев). Основное внимание ученый уделил языку и фольклору дархатов, в котором он находит интересные особенности, например, слабое влияние на него буддизма, или тот факт, что главными героями сказок являются не герои, а дети, у которых есть какие-нибудь благородные животные. В лингвистической сфере Г.Д. Санжеев предсказывал неминуемую ассимиляцию дархатского языка с халхаским [24].

Отдельно от этнолого-лингвистического отряда, но по поручению Монгольской комиссии исследования в Монголии проводили М.И. Тубянский, изучавший быт монголов на материалах монастырей [25]. Командированным от Комиссии был и С.А. Кондратьев, занимавшийся изучением народного музыкального творчества монголов и ставший единственным серьезным специалистом в этой области [26].

Однако пик этнографических исследований в МНР скоро

сменился их резким снижением. Уже в 1928 г. ни один этнограф от МОНК в Монголию не поехал, хотя продолжение работ планировалось. В 1929 г. в Монголию Комиссией был командирован только Н.Н. Поппе, ограничивший свою деятельность Улан-Батором, где он, помимо сбора материалов по устному творчеству, обратил внимание на совершенно неизученные монгольские наречия Внутренней Монголии и Барги, носители которых часто посещали столицу МНР. Ему удалось охватить изучение несколько таких наречий: харачинское, уратское, ордосское, баргу-бурятское и дополнить знания о дагурском. Попутно он исследовал солонский язык, представлявший собой наречие тунгусского языка [27].

1929 г. принес новые надежды. Готовился к заключению договор между АН СССР и Ученым комитетом МНР о проведении пятилетних (в течение 1930 — 1934 гг.) широких комплексных исследованиях советских ученых в Монголии. Он был заключен 5 октября 1929 г., и в его статьях немало места отводилось этнолого-лингвистическим и археологическим исследованиям. Предполагалось даже усилить специализацию работ, выделив отдельно палеоэтнологический отряд [28]. Но в это время на первое место по важности ставятся исследования, могущие дать скорейшие практические результаты социально-экономического характера. В результате, экспедиционные работы Комиссии стали охватывать только те вопросы, которые имели сугубо практическую значимость для экономики Монголии, для решения ее первостепенных задач. Это время стало рубежным в этнографическом изучении Монголии. На длительное время — до 1947 г., специальные экспедиционные исследования в этой сфере практически прекратились.

Свертывание экспедиций по изучению этнографии монголов тогда не выглядело столь явным, как это видится сейчас. Специальных распоряжений по этому поводу не выходило. Более того, такие работы на время действия Договора 1929 г. были четко спланированы. С 1935 до 1937 гг. в планы экспедиционного исследования Монголии МОНК вновь включаются изыскания этнографического и историко-археологического отрядов [29]. Но реализованы они так и не были. Не только прекращение государственного интереса к этнографии Монголии, но и репрессии, поглотившие многих монголоведов, сделали такие исследования проблематичными

Однако существовавшие пробелы в этнографических знаниях о монгольских племенах требовали заполнения, поскольку без их

достаточной полноты трудно было решить многие хозяйственные и вообще социально-экономические проблемы в стране, где продолжал господствовать традиционный, формировавшийся столетиями уклад, и где власти пытались при этом проводить мероприятия, коренным образом его трансформирующие или даже ломающие. Комитет Наук МНР, понимая это, постоянно указывал АН СССР на важность изучения особенностей быта, хозяйственной специфики, различного рода аспектов материальной и духовной жизни населения Монголии. Поэтому на вопросы этнографии внимание часто обращали специалисты других, совсем не этнографических отрядов Монгольской комиссии, работавшие в 1930 – 1932 гг. по договору 1929 г. Так, руководитель Животноводческого отряда МОНК в работе «Овцы Монголии», написанной по материалам экспедиции 1931 г., дает и краткие сведения об этнографическом составе населения МНР, и подчеркивает особенности методов разведения овец разными этническими группами [30]. Данные об особенностях жизни населения в быту, способах хозяйствования в различных регионах страны содержались в материалах Экономического отряда [31]. Конечно, это не могло компенсировать полноценных исследований специалистов-этнографов.

После Великой Отечественной войны Монгольская комиссия намеревалась вновь возобновить в широком объеме свои комплексные исследования в МНР. На это надеялись и монгольские научные круги, которые опять подчеркивали необходимость проведения этнографических работ.

Такие работы в планы МОНК действительно были включены. В соответствии с предложением Комиссии институтам АН СССР об организации комплексной экспедиции в Монголию, и подтверждением этого на июньском 1945 г. совещании Комиссии Институт Этнографии АН СССР направляет 29 января 1946 г. просьбу о включении в план этнографической экспедиции по изучению монгольских племен. Подчеркивается, что в этом вопросе существуют значительные пробелы в знаниях, и требуются не менее чем пятилетние исследования — с 1946 по 1950 гг. [32]. Пятилетняя программа филологических работ (также в течение 1946 — 1950 гг.) была разработана в Институте Востоковедения (ИВАН СССР) под руководством академика С.А. Козина. Была организована Монгольская филологическая секция комплексной экспедиции в МНР во главе с докторантом ИВАН Д.А. Алексеевым [33]. Но все

это осталось в виде нереализованных планов. Это не значит, что этнографические исследования в это время в МНР не проводились советскими учеными. В 1947 – 1949 гг. в Монголии работала совместная историко-археологическая экспедиция под руководством С.В. Киселева, и в ее составе действовал этнографический отряд, но она была организована не МОНК, а Институтом истории материальной культуры АН СССР. Исследования данной экспедиции планировалось проводить в тесном взаимодействии с Монгольской комиссией. Однако какой-либо координации МОНК над ней не осуществляла. Здесь в ситуацию включились уже другие факторы, которые отразились вообще на судьбе Монгольской комиссии, ликвидированной в мае 1953 г.

Такой итог был определен целым комплексом причин. К середине XX в. в советской науке происходят изменения, приведшие к новому этапу в ее развитии. Научная деятельность, подготовка научных кадров, накопленный опыт исследований выдвигают на ведущие роли в структуре Академии наук исследовательские институты, которым к этому времени для исследований в МНР уже не нужна такая организующая и централизующая организация, как МОНК, которая ставит задачи, требует сотрудников, но реально помочь в выполнении их не может из-за отсутствия действенных рычагов в ее руках. В результате, советские исследования, в том числе и этнографические в Монголии вскоре начинают возобновляться, но уже на другом уровне.

Значение этнографических, лингвистических, археологических экспедиционных исследований Монгольской комиссии АН СССР было весьма существенным, несмотря на то, что они были далеко не основными в спектре ее внимания, и на неравномерность в их проведении. Экспедициями Комиссии был собран большой материал по быту, образу жизни монголов. Важно, что исследование этих вопросов производилось, когда народ еще не был глубоко затронут влиянием европейской цивилизации, и многие явления кочевой культуры оставались почти в первозданном виде. Осуществлен сбор многочисленных фольклорных произведений. При этом также этнографические отряды застали сказителей, творчество которых позже начинает исчезать. Многие из письменных и устных памятников были изучены и опубликованы. Значительно расширились знания о религиозно-мировоззренческой сфере жизни монгольского народа. Накопленный в ходе исследований этнографический, исторический,

социологический материал впервые позволил дать действительно научное теоретическое осмысление общих закономерностей развития не только монгольского, но и кочевых обществ вообще.

Особенное внимание уделялось решению задач практического свойства: изучению процесса проникновения новых явлений, новой культуры и идеологии в жизнь монголов; подготовке создания новой монгольской письменности, а также созданию единого, доступного всем литературного монгольского языка.

Именно изучению лингвистики посвящены были наибольшие усилия советских этнографов, и именно в этой сфере достигнуты наиболее серьезные достижения. Были исследованы практически все наречия, диалекты и говоры монгольского языка, многих из которых ранее не касался взгляд ученого. В свет вышли учебники, учебные пособия по монгольскому языку, основанные на полученных в ходе исследований данных.

Нельзя, конечно, не отметить и негативные моменты, наносившие ущерб ценности проводимых исследований: борьба на лингвистическом фронте в связи с созданием новых «революционных теорий» типа теории Н.Я. Марра; зашедшая в тупик длительная подготовка перевода монгольского языка на латинский алфавит; неравномерность изучения различных вопросов (этнографии отводилось гораздо меньше места, чем лингвистике); наконец, по сути, признание ненужности таких исследований, что выразилось в их прекращении с конца 1920-х гг.

Тем не менее, хотелось бы более четко обозначить место, которое занимали этнографические, лингвистические экспедиционные исследования отрядов Монгольской комиссии АН СССР в истории изучения монгольских народов. Ее деятельность была необходимым звеном между начальными, ознакомительными изысканиями российских ученых во второй половине XIX — начале XX вв. и углубленными работами советских монголоведов во второй половине XX в. Именно она создала серьезную базу знаний, в том числе и теоретических, на которой строились последующие научные исследования; она способствовала воспитанию хорошо подготовленных ученых кадров, причем, не только в нашей стране, но и в МНР. Без экспедиций Монгольской комиссии переход к новому интенсивному этапу изучения этнографии Монголии и связанных с ней областей науки был бы невозможен.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Культурные и научные связи между СССР и МНР. М., 1981. С. 23 – 24.
2. Там же. С 21 – 22.
3. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб.) Ф. 318. Оп. 1 – 1. Д. 36. Л. 15 (об) – 16.
4. Советско-монгольские отношения 1921 – 1974. Документы и материалы. Т. 1. М. – Улан-Батор, 1975. С. 86 – 87.
5. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 287.
6. Советско-монгольские отношения 1921 – 1974. Документы и материалы. Т. 1. С. 84.
7. Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (АВ СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 2.
8. Труды Монгольской комиссии. Вып. 39. М. – Л., 1950. С. 13.
9. АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 69 Оп. 1 Д. 1 ЛЛ. 2, 6, 7 – 8.
10. Казакевич В.А. Отчет по обследованию Хэсак-байшина и Олонбайшина осенью 1923 г. (0,5 п. л.); Отчет о поездке на Хэрлун-гол и Халхийн-гол летом 1925 г. (3 п. л.); Центральная Гоби и Золотой Караун (4 п. л.). Все отчеты переданы в Ученый Комитет МНР, информация об этих работах: АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 276. Л. 42.
11. Государственный Архив Российской федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 37. Ед. хр. 9. ЛЛ. 251, 258, 260. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Л., 1925.
12. Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. М., 1963. С. 376 – 380.
13. Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 339. Оп. 1 (1925). Д. 5. Л. 78.
14. ГАРФ. Оп. 1. Ед. хр. 10. ЛЛ. 318 – 319.
15. Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Вып. 2. Л., 1927.
16. Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. 2. Л., 1927.
17. Вяткина К.В. Из поездки в Монголию // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Государственный Русский музей. Л., 1926. С. 82 – 83.
18. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Ед. хр. 34. Л. 146.
19. Алпатов В.М. Николай-Николаас Поппе. М., 1996.
20. Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 4. Л., 1929.
21. Отчет о деятельности АН СССР за 1927 год. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1928. С. 258.

22. Там же.
23. Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 5. Л., 1930.
24. Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 10. Л., 1930; Вып. 15. Л., 1931.
25. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Ед. хр. 34. Л. 62.
26. Там же.
27. Отчет о деятельности АН СССР за 1929 год. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1930. С. 18 – 19.
28. Международные научные связи Академии наук СССР 1917 – 1941. М., 1992. С. 202.
29. ПФА РАН. Ф. 339. Оп. 1 (1937). Д. 7. Л. 44 – 47.
30. Лус Я.Я. Овцы Монголии // Труды Монгольской комиссии. Вып. 22. М. – Л., 1936. С. 78 – 81.
31. АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 150.
32. АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 39, 61.
33. АРАН. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 – 3.

Ю.В. Колпакова

К.Т. НИКОЛЬСКИЙ О СОСТАВЛЕНИИ ПЕРВОГО РУССКОГО РУКОВОДСТВА ПО ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Двустороннее изучение проблем, связанных с церковной археологией, в наше время представляется большинству русских ученых неприемлемым без обращения не только к археологическим фактам, но и к историкам церкви, а также служителям культа, носителям религиозной традиции, хранителям собственно церковных знаний.

В данный момент все более укореняется определение церковной археологии как науки, предметом которой являются вещественные христианские древности, а объектом — явления и процессы, нашедшие отражение в этих древностях [1].

Можно сказать, что церковной археологией называли совершенно разные науки в разное время и в разных странах. О времени ее появления разные авторы: Л.А. Беляев, А.В. Чернецов, С.А. Ершов, А. Копировский, В.М. Массон, А. Мусин, Н. Дюваль и Л.Г. Хрушкова имеют также противоположные мнения [2].

Например, С.А. Ершов в сообщении «К проблеме предмета и методологии церковной археологии» на 1-й Всероссийской конференции по Церковной археологии в Пскове 20 ноября 1995 г. упомянул, не конкретизируя, что в России «церковная археология как наука возникла при курьезных обстоятельствах, связанных с утратой культурно-литургической памяти, что отражено в истории написания Новой Скрижали архиепископа Вениамина» [3]. В этом докладе Ершов на Никольского не ссылался, однако упомянутый Ершовым факт имеет прямое отношение к теме статьи.

По мнению Л.А. Беляева и А. Копировского, «церковная археология — специальный учебный предмет, связанный с произведениями церковного искусства и преподаваемый в российских православных духовных академиях с 1844 г. ... появилась в конце XVI в. ... в связи с исследованиями христианских погребений в римских катакомбах [4] и была частью церковной истории и литургики... служила для католической церкви средством опровержения мнений протестантов о позднем, не изначальном

появлении церковного богослужения, храмовой утвари, фресок, икон и т.д.» [5].

В другой публикации Л.А. Беляев, А.В. Чернецов отмечают, что «Российская церковная археология в 1911 г. по инициативе выдающегося ученого, преподавателя Санкт-Петербургской духовной академии проф. Н.В. Покровского отделилась от литургики и начала самостоятельное существование. Ее объем расширился за счет присоединения русского церковного искусства до XVII в. включительно и даже западноевропейского церковного искусства, также до XVII в. включительно.... Однако после революции 1917 г. церковная археология прекратила свое существование почти на 40 лет, а история искусства была отделена не только от церковной археологии, но и от церкви» [6].

Событием, красноречиво характеризующим 90-е гг. XX в., как время подъема данной науки, стала 1-я Всероссийская конференция «Церковная археология», состоявшаяся 20 -24 ноября 1995 г. в г. Пскове [7].

Что К.Т. Никольский подразумевает под руководством по церковной археологии? Ответ следует искать в его описании содержания книг, историю создания которых он подробно проследил в одном из своих сочинений. Остановимся на краткое время на личности К.Т. Никольского.

Константин Тимофеевич Никольский (1824 — 1910 гг.), магистр Санкт-Петербургской Духовной академии, доктор церковной истории, был духовным лицом в чине протоиерея, состоял членом училищного совета при Святейшем Синоде и известен в настоящее время в кругу историков церкви и ученых литургистов как автор ряда книг по истории православного богослужения [8]. Время его активных архивных изысканий на поучительные темы приходится на II половину XIX в.

Помимо краткого сочинения «Составление первого русского руководства по церковной археологии», изданной в Санкт-Петербурге в 1882 г., он в 1858 г. написал «Обозрение богослужебных книг православной российской церкви по отношению их к церковному уставу», в 1879 г. - «Анафемствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о чине православия», в 1885 г. - сочинение «О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах», в 1889 г. — «О часовнях», в 1895 г. — «Краткое обозрение богослужебных книг православной церкви» (учебное

руководство), в 1896 г. - «Материалы для истории исправления богослужебных книг», в 1901 г. — «Руководство к изучению богослужения православной церкви» и «Охранение святыни в древней христианской церкви», в 1862 г. он написал, а в 1907 г. переработал «Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви» [9].

Мнение, что считать первым переведенным на русский язык сочинением по церковной археологии, К.Т. Никольский определяет сразу: «Патриарх Никон, приказав перевести с греческого языка на русский и напечатать книгу «Скрижаль», тем самым проложил путь к русской церковной археологии» [10]. Вопросу, какое руководство считать первым исконно русским, К.Т. Никольский посвятил свое исследование.

Кто бы мог предположить за столь благочинным названием, как «Составление первого русского руководства по церковной археологии» поистине детективную историю. Здесь она приводится по книге К.Т. Никольского.

Собственно «Скрижаль» была написана монахом Нафанаилом, Никону ее в 1653 г. прислал патриарх константинопольский Паисий. Грек монах Арсентий перевел ее по приказу Никона [11]. Книга вышла с дополнениями и в переработке под названием «Скрижаль» в Москве, в 1656 г. С тех пор, и на протяжении следующего столетия, это издание оставалось основным печатным источником сведений о смысле православных обрядов для прихожан.

9 ноября императрица 1746 г. Елизавета Петровна спросила Обер-прокурора Святейшего Синода Шаховского «объяснение церковных обрядов, совершаемых при освящении церквей». (В «Скрижали» этих сведений не было). Императрица приказала издать книгу для православных людей с «объяснением церковных обрядов: чего ради, обряды, службы, установления узаконены и какая вина, сила и подобие в них заключаются» [12].

Святейший Синод поручил это сочинение архимандриту Казанского Спасо-Преображенского монастыря Вениамину (Григоровичу). Ему дали конкретные инструкции: выписать из Кормчей книги, из «Скрижали», сочинений Симеона, архиепископа Фессалоникского. По приказанию Синода он был снабжен в достатке бумагой, чернилами, освобожден от членства в следственной комиссии по делу эконома Троицкого Александра Невского монастыря.

В декабре 1746 г. Вениамин предоставил в Синод часть своего труда. «Я выписал, - рапортовал он, - одни чин Божественной литургии, как чаще всего в церкви употребляемый, который при сем для рассмотрения Вашему Святейшеству почтительнейше представляю. А о других обрядах и службах Церковных, где бы оные сыскать, милостивого от Вашего Святейшего прошу наставления, ибо я святых отецъ, особливо же, которые писали о требуемой материи, за неимением библиотек, нечитал, кроме присланной ко мне от Вашего Святейшества письменной книги Симеона Фессалоникского» [13]. После этого заявления «ученого архимандрита, вызванного в Санкт-Петербург для произнесения проповедей», стало ясно, что книга, объясняющая православный чин для общественности была бы весьма актуальна.

Правда, 20 мая 1747 г. Вениамин написал Синоду, что нашел еще для книги сведения, помимо выписанного им наиболее распространенного чина. Оказалось, как он писал, «сколько я читая мог разсудить, в книге св. Симеона Фессалоникского порядочно изъяснено» [14]. Он предлагал книгу «освидетельствовать» и нужные места «выпечатать».

«А в других книгах, - чистосердечно продолжал он рапортовать, - где было о том писано, я нижайший не ведаю, да и искать мне того за частным священнослужением и случившимися проповедями весьма недосужно».

Но Синод все работы поручил произвести именно Вениамину. Который 14 августа 1748 г. был назначен в Нижегородскую епархию епископом и из Санкт-Петербурга уехал, перед отъездом отослав книгу Симеона архиепископа Фессалоникского назад Синоду [15].

Прошло 5 лет, прежде чем к вопросу о сочинении книги вернулись.

17 января 1753 г. императрица Елизавета Петровна через Обер-прокурора Шаховского передала Святейшему Синоду повеление сочинить «кому пристойно из книги св. Симеона архиепископа Фессалоникского и из других приличных известие обо всех церковных обрядах, службах и установлениях, внешних и внутренних, чего ради оные учинены, и какая в них сила и подобие заключаются» [16].

Синод стал выяснять, какие книги приличные есть для такой компиляции. Префекту Варлааму Лащевскому и Гедеону Слонимскому было приказано составить реестр книг по каталогам,

Типографской и Московско-Славяно-Греко-Латинской академии. Варлаам и Гедеон получили из канцелярии Св. Синода пять каталогов, 4 писанные и 1 печатный. Также получили книгу св. Симеона архиепископа Фессалоникского – «о разных священных тайнах и церковных установлениях» [17].

Был составлен следующий реестр из 14 наименований:

А) из Синодальной

1) «О церковном благочинии и целовании святых икон» [18];

2) «Божественной литургии с толкованием различных учителей на греческом диалекте» [19];

3) «Тетрадь во святых отца нашего исповедника Германа Патриарха Константинопольского толкование на святую литургию» [20];

4) «Сказание о церкви и о церковных делах Симеона Селунского» [21];

5) «Книга вопросы и ответы о церковных вещах».

Б) В тетрадах

6) «о крестном хождении»;

7) «С книг святейшего патриарха Адриана» [22];

8) «Церковные вопросы и соборные ответы о разных церковных чинах» [23].

В) Из каталога Московской Академии

9) Исидора Гиспаленского книжица о чинах и обрядах церковных [24];

10) Иакова Гоара о обрядах греческой церкви из книг преосвященного Лаврентия Горгы [25];

11) Андрея Лексикон древностей церковных из книг того же преосвященного;

12) Древности и обряды в погребании древних христиан из книг того же преосвященного.

Г) Из каталога Типографского

13) катехизис священный, сиречь Божественной и Священной Литургии истолкование на греческом языке;

14) Дуранта книга об обрядах церковных [26] (позже упоминается как книга Иоанна Дуранда).

Даже при поверхностном рассмотрении списка становится очевидным присутствие в нем работ католических авторов, византийских писателей-мистиков, ценность которых для составления православного сочинения представляется весьма сомнительной, и ярко характеризует уровень образованности духовенства того времени.

Получив реестр, Синод поручил сочинение книги Гедеону, осведомившись предварительно, «может ли он то исполнить» [27]. Гедеон дал согласие. Синодом были даны наставления автору, выданы книги по составленному реестру, а также «велено и впредь какие книги найдутся... отдавать ему; для чтения же и для письма... отпускать лучших чтецов и писцов... безотрицательно также отпускать бумагу писчую и книжную и чернила» [28].

Сроков поставлено не было, но по окончании сочинения автор должен был предоставить книгу в Святейший Синод. Об этих мероприятиях доложили императрице, и 20 января 1754 г. она через Синод пожаловала иеромонаху Гедеону «нечто вроде вознаграждения за будущие труды»: он был поставлен ректором семинарии в Троице-Сергиевой Лавре с окладом 300 рублей в год.

Никольский отмечает, что «выбор иеромонаха Гедеона в качестве сочинителя книги был не совсем удачен» [29].

17 февраля 1755 г. на запрос Синода о том в каком состоянии находится написание книги, ответа не последовало. 29 марта 1758 г. в одном из Указов синода третьим пунктом числилось «о всех церковных обрядах Троицко-Сергиевой лавры наместнику иеромонаху Кирилу и Троицкой Семинарии ректору иеромонаху Гедеону сочинить ясное толкование немедленно и для апробации предоставить святейшему Синоду». Единственным ответом на это был рапорт о получении указа. Единожды появившись в этой истории, Кирилл впоследствии в ней не фигурировал, и никакой роли в написании сочинения не сыграл. В том же году Гедеон стал ректором Московской Академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря.

2 марта 1760 г. Святейший Синод в указе архимандриту Гедеону напомнил ему, что семь лет назад ему было поручено одно сочинение, и не получено никаких известий о нем. Архимандрит отвечал, что «им сочинены части оной книжицы сии: часть первая в обществе освященных обрядах, начале, вине и пользе оных. Часть вторая о церквех и храмах священных и всех к ним надлежащих вещах. Часть третья о освящении оных, и всех обрядах при оных бываемых. Часть четвертая о святых таинствах, и всех обрядах, коими оные совершаются. Часть пятая о молитвах утренних, обедних и вечерних... Прочие же части о праздниках, постах, крестных хождениях и многих и обрядах сочиняются ныне» [30].

Также Гедеон жаловался на трудности в преподавании

Богословия во вверенном ему учебном заведении, которые затрудняют скорейшее окончание сочинения.

Никольский предполагает, что «весьма вероятно, Гедеон отдавая этот отчет... изложил программу, данную ему самим Святейшим Синодом при указании о чем писать в сочинении» [31].

После получения рапорта последовало повеление выслать написанные части в Синод на рассмотрение. Это требование повторилось спустя 3 месяца, т.к. не было исполнено, затем еще спустя 5 месяцев. 17 января 1761 г. Гедеон сообщил, что написанные части находятся в обработке, т.к. в настоящем их виде пока не годятся к рассмотрению Синодом, а преподавание богословия отнимает у него массу времени.

Через полгода Синод уволил Гедеона от ректорства и перевел его настоятелем в Черниговский Елецкий монастырь и, подождав еще полгода, повторил указание выслать готовые и части, и вновь сочиненные. Ответа не последовало, и на три года о злополучном сочинении и о его авторе забыли. Архимандрита переводили из монастыря в монастырь, и согласно поступавшим от него в Синод бумагам, в которых время от времени упоминалось сочинение об обрядах церкви, он пользовался своим положением «пишущего», чтобы получить максимальное количество льгот и удобств на каждом месте.

В 1764 г. Синод навел справки о том, брал ли Гедеон какие-то книги из библиотек и вернул ли их. Оказалось, что Гедеон действительно читал или держал у себя часть книг из некогда составленного реестра, а также сочинения Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина др., но все они возвращены в библиотеки.

Очередное требование немедленно прислать тексты и рапортовать, что еще не кончено, что сочиняется, и что так и не будет сочинено, последовало 30 июля 1768 г. Через год послан был дубликатный указ.

В ответ Гедеон прислал рапорт, в котором вину за затянувшееся дело возлагал на Синод. Получалось, что отлучение Гедеона от Академии, где имелась приличная библиотека, и назначение в спокойные отдаленные места на службу и были причиной того, что книга не могла быть дописана. Кроме того, писал Гедеон сочинение «в наискорейшем времени совершенно окончить невозможно» [32]. Автор попросил очередную отсрочку на год, то же повторилось еще несколько раз в течение последующих лет. К причинам, затрудняющим написание труда, в рапортах Гедеона добавились болезни и немощность.

Наконец, в 1772 г., спустя 18 лет после того, как иеромонаху Гедеону было поручено написание сочинения, архимандрит Гедеон от написания сочинения был уволен, и обязан Синодом выслать все черновики, записки, казенные книги и готовые части сочинения Синоду для дальнейшей работы. Митрополит Киевский Гавриил, получивший указ, письменно 5 сентября 1772 г. потребовал от Гедеона его выполнения. Ответа не последовало, а по истечении 20 дней со дня получения Указа Гедеон скончался.

Все обнаруженные в его жилище бумаги представляли собой беспорядочные отрывочные записи. Пресловутых пяти глав сочинения обнаружено не было ни при первоначальном досмотре, ни при последующих, произведенных по приказу Синода и Митрополита Киевского. Допрос живших при келье Гедеона иеромонаха Германа, иеродиаконов Варлаама и Герасима, бельца Стефана Андреевича Выражаевича показал, что о сочинении Гедеона никто из них не слышал никогда, да и не видели, чтобы архимандрит писал что-либо, кроме текущей монастырской документации и рапортов Синоду в ответ на указы последнего. Допрошены были и другие представители духовенства, общавшиеся прежде с покойным Гедеоном.

«Итак, — пишет Никольский, в 1773 году вовсе не оказалось существующим то сочинение, о котором заботы Святейшаго Синода, начатые по приказанию Императрицы Елизаветы Петровны в 1746 году продолжались 27 лет» [33].

В 1774 г. труд был поручен новому исполнителю — архиепископу Санкт-Петербургскому Гавриилу, автору многих духовных сочинений. Ему предложили привлечь к работе и других ученых духовного звания.

Через шесть лет, в марте 1780 г., архиепископ Гавриил предоставил Св. Синоду написанные епископом Переяславльским Феофилактом объяснения о крещении, миропомазании, браке и елеосвящении. Представляя Синоду книгу, Гавриил пояснил, что он исправил, что сочинил сам, и что еще нуждается в перепроверке по книгам. Это неоконченное сочинение Синод приказал, запечатав синодальной печатью, поместить в архив.

И через два года в ноябре 1782 г. архиепископ Гавриил предоставил Синоду проверенный вариант сочиненной им книги: некоторые тезисы Феофилакта он подкрепил доказательствами отцов церкви, а некоторые опроверг. Книга, в целом, была окончена, хотя автор и утверждал, что в ней осталось еще немало мест, которые

следует дополнить свидетельствами Отцов Церкви, Соборов и других авторов.

В 1783 г. Гавриил получил сан митрополита и еще 10 лет пересматривал, исправлял и дополнял свое сочинение. В апреле 1791 г. Синод увидел окончательный вариант и 23 февраля приказал печатать эту книгу в Санкт-Петербургской Синодальной Типографии.

Книга получила название «О служениях и чиноположениях православной греко-российской церкви» и вышла в свет тиражом 2400 экз. [34] в ноябре 1792 г., и была поднесена Екатерине II спустя 46 лет после первого указания Елизаветы Петровны по поводу этого сочинения.

Книга включала главы:

- О церкви,
- О времени молитвы,
- О вечернем, утреннем и всенощном пении,
- О часах,
- О литургии преждеосвященных,
- Об оглашении, крещении и миропомазании,
- О покаянии или исповеди,
- О браке,
- О елеосвящении,
- Об освящении церквей,
- О мироварении,
- О праздниках,
- О крестных ходах,
- О освящении воды,
- О постах,
- О погребении усопших,

а также разъяснение 93 церковных терминов в алфавитном порядке.

В 1799 г. архиепископ Евгений Булгар перевел ее на греческий язык и издал.

Продолжением данной тематики в русском книгописании К.Т. Никольский считает два труда: «Новая скрижаль», написанная архиепископом Нижегородским Вениамином [35] и изданная в 1803 г. и «Памятники древней христианской церкви или христианских древностей» Иродиона Ветринского [36].

«Новая скрижаль» (по аналогии со Скрижалью, изданной при патриархе Никоне) послужила дополнением к книге митрополита

Гавриила, была богаче по объему и содержанию, дополнялась историческими свидетельствами.

«Памятники древней христианской церкви или христианских древностей» Иродиона Ветринского – вольный перевод книги Йозефа Бингхама «Origines sive antiquitates ecclesiasticae» (Церковные начала или древности), которая начала печататься в конце 20-х гг. XIX в., и только из-за вмешательства митрополита Московского Филарета не была напечатана сразу. Филарет нашел в книге дух англиканской церкви, и печать в 1830 г. была приостановлена, 4 и 5 тома вышли только в 1844 - 45 гг., тщательно переработанными. Тем не менее, в Московской Епархии она была запрещена, изъята из библиотек и домов священнослужителей, а цензору через Синод сделали выговор.

Но, как полагает Никольский, именно она в наибольшей степени, чем все остальные русские сочинения того времени, отвечала на вопросы, поставленные Елизаветой Петровной: чего ради, обряды, службы, установления узаконены и какая вина, сила и подобие в них заключаются? (Отметим, кстати, что именно эти вопросы Никольский считает принципиальными в определении предмета церковной археологии, откуда и взялось название его работы).

Чем была интересна К.Т. Никольскому эта история? Оказывается, цензором, получившим в 1845 г. выговор за публикацию околоангликанского сочинения был некий протоиерей Тимофей Ферапонтович Никольский (1788 – 1848 гг.). Богослов, магистр философии, член Российской Академии и Датского Королевского общества антикваров, с 1846 г. занимал пост настоятеля Казанского собора.

С некоторой вероятностью можно предположить, что Никольский Константин Тимофеевич имел намерение обелить своего отца, допустившего сравнительно оперативную публикацию актуального переводного сочинения, и показал этот факт на фоне русской церковной действительности того времени. Поэтому К.Т. Никольский с честных исследовательских позиций раскрыл замалчиваемую обычно неспособность русской духовной общественности того времени к созданию аналитических трудов по семантике православных обрядов.

Что эта история дает археологам, занимающимся изучением православных древностей?

Некогда были выдвинуты следующие тезисы о церковной

археологии и истории церкви. «С богословской точки зрения Церковь представляет собой богочеловеческий организм, живущий на основе Священного Писания».

«В церковной жизни есть элемент изменяемый — исторический, и неизменяемый — аутентичность церковного самосознания на всем протяжении ее Бытия. Изменяемый элемент представляет собой историческое воплощение Священного Писания, именно он и изучается археологами, поскольку представлен вещественными древностями» [37].

Приведенная в данной статье история, подробно проработанная Никольским, позволяет усомниться в равной неизменяемости «неизменяемого» элемента «богочеловеческого организма» для всех его «органов».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Церковная археология. Ч.1. СПб. — Псков, 1995.
2. Беляев Л.А. Две традиции русской церковной археологии (предание и историческая критика) // Церковная археология. Ч.1. СПб. — Псков, 1995. С. 31 — 34; Ершов С.А. К проблеме предмета и методологии церковной археологии // Там же. С.17 — 21; Копировский А. Церковная археология: современные возможности // Религия в Русском Журнале. - religion.russ.ru, № 11.03.2002; Массон В.М. Церковная археология как научное направление Российской археологической науки // Там же. С. 7 — 9; Мусин А.Е. Проблемы возрождения церковной археологии в России: предмет, метод, цель // Там же. С. 13 — 17; Хрушкова Л.Г. Европейская христианская археология: развитие и метод // Там же. С. 34 — 39.
3. Ершов С.А. Указ. соч. С. 21.
4. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. Учебное пособие. М., 1998. С. 71.
5. Там же. С. 10. Цит. по: Александр Копировский. Церковная археология: современные возможности // Религия в Русском Журнале. — religion.russ.ru. № 11.03.2002.
6. Покровский Н.В. Христианская археология как самостоятельная наука в духовных академиях // Церковный вестник. 1907. № 38 — 40. Стб. 1223 — 1227, 1260 — 1262, 1278 — 1281. Цит. по: Александр Копировский. Церковная археология: современные возможности // Религия в Русском Журнале. — religion.russ.ru, № 11. 03. 2002.
7. Беляев Л. А., Чернецов А. В. Первая Всероссийская конференция (Псков, 1995) // Российская археология. 1998. № 2. С. 252.; Церковная археология. Материалы 1-й Всероссийской конференции (Псков, 20 — 24 ноября 1995 г.). Ч. 1. Ч. 2. Ч. 3. (Археологические изыскания. Вып. 26. Ч. 2). СПб. — Псков, 1995.
8. Никольский Константин Тимофеевич // Русский биографический словарь, 1998. Интернет-версия 1999 — 2002 // <http://kolibry.astroguru.com/01140196.htm>.

9. Никольский К., протоиерей. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. 7-е изд. СПб., 1907. Репринт. М., 1995.; Церковные Ведомости. 1910. № 50 (некролог Никольскому). Цит. по: Русский биографический словарь. 1998. Интернет-версия 1999 — 2002 // <http://kolibry.astroguru.com/01140196.htm>
10. Никольский К.Т. Составление первого русского руководства по церковной археологии. СПб., 1882. С. 3.
11. К.Т. Никольский почерпнул эти факты из «Чтений императорского общества истории и древности». 1846. № 3.
12. Никольский К.Т. Составление первого русского руководства по церковной археологии. СПб, 1882. С. 8.
13. Там же. С. 4.
14. Там же. С. 6.
15. Там же. С. 7.
16. Там же. С. 8.
17. Текст этой книги в издании «Книга Симеона Фессалоникийского. М., 1894» относительно доступен, т.к. присутствует в Каталоге рукописных и старопечатных книг Древлехранилища Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета. Вып. 5. Екатеринбург, 1998. № 455.
18. Например, крестному целованию посвящено основное содержание гл. 37 «Полной редакции Стоглава», эта книга могла быть выпечаткой оттуда.
19. Толкования Божественной литургии оставили Ориген (ок. 185 — 253/254 гг.), Василий Великий (ок. 330 — 379 гг.), св. Григорий Нисский (335 — ок. 394 гг.), св. Иоанн Златоуст (350 — 407 гг.), святитель Софроний, патриарх Иерусалимский (ум. ок. 620 г.), св. Максим Исповедник (ок. 580 — 662 гг.), св. Герман Константинопольский (VIII в.), Феодор Студит (759 — 826 гг.), Кавасила Николай (ум. 1371 г.), архиепископ Фессалоникский, и др. Какая именно подборка присутствовала в упомянутом сочинении — определить трудно.
20. Св. Герман Константинопольский, современник Иоанна Дамаскина (VIII в.), известный своими тремя посланиями против иконоборчества, проповедями, литургическими песнопениями, толкованием на Божественную Литургию и рядом богословско-философских трактатов (См.: Сидоров А. И. Курс патрологии. М., 1996. С. 26).
21. Симеон Блаженный, архиепископ Селунский, упоминается и у Симеона Фессалоникийского (Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Послание черноризца Нифонта к монаху Феофилакту. Уральский гос. ун-т, 2002. С. 216)
22. Адриан, патриарх Московский и всея Руси (Андрей) (1637/39 — 1686 гг.) (Русские православные иерархи. Изд-во Сретенского монастыря. 2002. С. 42).
23. Скорее всего, текст Стоглава.
24. Исидор Севильский (Гиспаленский, 560 — 636 гг.) — испанский епископ, выдающийся ученый, автор богословских, политических, физических и исторических сочинений (См.: Большая советская энциклопедия. В 30-ти томах. Третье издание. Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 10. М., 1972. С. 454).
25. Св. Лаврентия из Горги, храм его упоминается у Прокопия Кесарийского,

- Иоанна Малалы при описании восстании Ника (См.: Чекалова А.А. Прокопий Кесарийский: личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 460, 477 — 478). Горго, Горга, Джорждан (у античных авторов — Иркиания, Вркан), совр. Горган; расположен у юго-восточной части Каспийского моря.
26. Иоанн Дуранд из Ст. Пурсэна, «доктор решительнейший» один из поздних схоластиков (ум. в 1332 или 1334 г.), сторонник номинализма, учитель Вильгельма Оккама (Васильев А.И. Дуранд, Иоанн // Энциклопедический словарь. Издательство Брокгауза и Евфрона. Т. 35. СПб., 1896. С. 117.)
27. Никольский К.Т. Составление первого русского руководства по церковной археологии. СПб., 1882. С. 11.
28. Там же. С. 11.
29. Там же. С. 13.
30. Там же. С. 14.
31. Там же. С. 15.
32. Там же. С. 22.
33. Там же. С. 28
34. Приложение в указанном сочинении К.Т. Никольского, на стр. 34, накладная из типографии.
35. Вениамин, архиеп. Нижегородский и Арзамасский. Новая скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. М., 1999. Вениамин (В.Ф. Румовский-Краснопевков) (1738 — 1811 гг.). Епископ Олонецкий и Архангельский, затем архиепископ Нижегородский. Предписал в монастырях и церквях завести памятные книги, «внести в них древние достопамятности и продолжать вписывать все достойное памяти и наблюдения», последствием чего стало открытие многих исторических памятников. Главные его труды: «Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных» (М., 1803; 17-е издание. СПб., 1908); «Священная история для малолетних детей» (СПб., 1778), на русском, греческом, латинском, немецком и французском языках (Вениамин, архиеп. Нижегородский // Русский биографический словарь. 1998. Интернет-версия 1999 — 2002 // <http://kolibry.astroguru.com/01030229.htm>)
36. Ветринский Иродион Яковлевич, выпускник и преподаватель философии Санкт-Петербургской духовной академии (с 1818 г. ординарный профессор); с 1826 г. был цензором главного цензурного комитета, а с 1834 г. — директором мглиевской гимназии (Ветринский Иродион Яковлевич // Русский биографический словарь. 1998. Интернет-версия 1999 — 2002 // <http://kolibry.astroguru.com/01031002.htm>).
37. Мусин А.Е. Проблемы возрождения церковной археологии в России: предмет, метод, цель // Церковная археология. Ч. 1. СПб. — Псков, 1995. С. 15.

А.А. Лютов

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В США: ОТ Т. РУЗВЕЛЬТА ДО У. КЛИНТОНА.

 Система государственного регулирования экономики зарождалась в США на рубеже XIX — XX вв. и была тесно связана с именем Теодора Рузвельта. Именно во время его президентства в США произошел переход от традиционных постулатов доктрины либерализма к регулированию со стороны государства развития экономических процессов и трудовых отношений. Республиканская администрация во главе с Т. Рузвельтом считала необходимым государственное регулирование трестов, а также взаимоотношений между трудом и капиталом. В своих выступлениях Рузвельт неоднократно заявлял, что "...только национальное правительство может навести должный порядок в промышленности, что отнюдь не равнозначно централизации. Это лишь признание того факта, что процесс централизации уже охватил и наш бизнес. Контроль за этой безответственной и антиобщественной силой может осуществляться лишь одним способом — предоставлением надлежащих полномочий федеральному правительству"¹.

Первые законодательные акты, регулирующие деятельность трестов, были приняты в США в последней четверти XIX в.,

¹ Roosevelt T. Message to Congress, 8 December 1908.

хотя еще во время президентства Э.Джексона (1829 – 1837) влияние трестов на социально – экономическую жизнь американского общества вызывало всеобщее недовольство. Правительство было вынуждено считаться с этим и разрабатывать законодательные инициативы, сохраняющие свободу предпринимательства в условиях монополизации. В 1887 г. принимается федеральный закон о создании междуштатной торговой комиссии, на которую возлагался контроль над деятельностью железнодорожных компаний, чтобы не допустить сговоров между ними для установления монопольной цены на перевозку пассажиров и грузов. Одна из основных целей закона заключалась в создании пропагандистского эффекта, однако деятельность комиссии оказалась мало результативной, и в 1897 г. Верховный Суд США фактически отменил этот закон. В 1890 г. был принят знаменитый закон Шермана, который провозглашал запрещение трестов; но он был составлен таким образом, что создавал возможность для разного его толкования.

Во время администрации республиканцев во главе с Т. Рузвельтом государственное регулирование трестов приобрело значительные размеры. Именно в это время в США были организованы процессы против монополий, получившие широкий общественный резонанс. Так, в 1901 г. американское правительство организовало судебный процесс против одной из контролируемых Морганом железнодорожных компаний, обвинив ее в создании монополии, препятствующей свободе торговли. В конечном счете суд признал компанию виновной и предписал разделить ее на две части. После этого состоялось еще 25 судебных процессов против монополий, которые принесли Т. Рузвельту славу “разрушителя трестов”.

Продолжая проводить политику государственного регулирования экономики, администрация республиканцев провела в 1906 г. через конгресс закон, позволяющий контролировать железнодорожные тарифы. Пообещав проводить “честный курс” по отношению к рабочим, правительство неоднократно вмешивалось в забастовки, иногда даже принимая сторону бастующих.

На выборах 1908 г. президентом США был избран кандидат от республиканской партии Уильям Тафт. Он продолжил реформы, имеющие своей целью усиление системы государственного регулирования и введение контроля над монополиями. Правительство У. Тафта организовало 45 судебных процессов против трестов, в том числе против крупнейших монополий – “Нефтяной

компаний" Рокфеллера и "Стального треста" Моргана. Их признали виновными в нарушении свободы торговли и поделили на части.

На выборах 1912 г. победу одержал кандидат демократов Вудро Вильсон, и он приступил к выполнению своей программы "новая свобода", основными пунктами которой были индивидуализм, свобода личности и свобода конкуренции. Главным внутривластным мероприятием администрации Вильсона до начала Первой мировой войны было фактическое введение государственной общенациональной банковской системы. Согласно закону 1913 г. о Федеральной резервной системе (ФРС) вместе с частными банками создавались "резервные" банки, которые контролировались со стороны правительства США. Им передавались важнейшие банковские функции, в том числе выпуск бумажных денег.

При Вильсоне в частный бизнес стало вмешиваться государство, в чьи функции вводился контроль над банковской деятельностью. В 1914 г. был принят закон Клейтона, который вносил мало изменений в уже существующее законодательство о трестах, но запрещавший применять к рабочим союзам закон Шермана. Таким образом, основным принципом программы "новой свободы" было развитие сотрудничества между администрацией и бизнесом.

Главной целью политики администрации Вильсона в сложной политической обстановке первых послевоенных лет, когда в США развернулось мощное рабочее и демократическое движение, участники которого требовали национализировать основные отрасли экономики, было продолжение социально — экономической политики, проводимой администрацией У. Тафта. В декабре 1919 г. в одном из выступлений Вильсон отметил, что "...крупные потрясения в мире заставляют нас добиваться скорейшего устойчивого урегулирования отношений между трудом и капиталом... Для этого надо признать фундаментальные права, за которые давно уже борются рабочие"². Речь шла о праве рабочих на заключение коллективных договоров, забастовку и о расширении американского трудового законодательства. По словам Вильсона, "...только тогда можно будет установить сотрудничество между рабочими и предпринимателями и добиться того, чтобы труд и капитал стали не враждебными, а равноправными партнерами"³.

Однако в начале 1920-х гг. ситуация в Соединенных Штатах резко изменилась: в результате выборов 1920 г. к власти пришли

² Wilson W. The New Freedom. N.J. 1961, pp. 164.

³ Ibidem, pp. 165.

представители республиканской партии, которые полностью отвергли проводимую Вильсоном политику в социальной и экономической сфере. В это время происходит возврат к традиционной для XIX в. идеологии "твердого индивидуализма". Таким образом, вмешательство государства в экономическую и социальную сферы, в том числе и в область трудовых отношений, в 1920-е гг. было практически сведено к нулю. Об этом не раз говорилось в выступлениях президентов — республиканцев Уоррена Гардинга и особенно его преемника Кальвина Кулиджа, который занимал президентский пост в 1923 — 1929 гг.

Таким образом, в 20-е гг. прошлого века не только в Соединенных Штатах, но и во многих странах Западной Европы произошло резкое ослабление государственного регулирования социальных и трудовых отношений. Разработанные в течение Первой мировой войны механизмы и принципы государственного регулирования экономических процессов после ее завершения были пересмотрены, а многие из них — отброшены в сторону.

Наиболее ярко и точно концепция "твердого индивидуализма" была представлена К. Кулиджем в послании Конгрессу в декабре 1926 г. В частности, там говорилось: "Сущность нашей системы правления состоит в том, что она базируется на принципах свободы и независимости индивида. В своих действиях каждый из них зависит только от себя. То, что накоплено их личными усилиями, не должно стать источником государственной расточительности"⁴.

Президент Кулидж, министр финансов Эндру Меллон и другие представители "старой гвардии" республиканцев проводили политику, направленную на полное отрицание вмешательства государства в жизнь американского общества. Кулидж так изображал идеальную, по его мнению, структуру общественной жизни: "Если федеральное правительство исчезнет, то простые люди в течение очень длительного времени не заметят решительно никаких изменений в своих повседневных делах"⁵.

Основная цель государственной политики в экономической области вообще и в сфере труда и занятости в частности, с точки зрения представителей республиканской "старой гвардии", заключалась в том, чтобы полностью отказаться не только от регулирования, но и от любого вида вмешательства государства в дела бизнеса. По мнению администрации республиканцев, главная

⁴ Coolidge C. Message to Congress. December 1926, pp34.

⁵ Coolidge C. Autobiography. N.Y. 1929, pp.234.

правительственная задача в 1920-е гг. состояла в создании максимально благоприятных условий для неограниченной деятельности бизнеса. В соответствии с этими постулатами перманентно проводился курс на значительное сокращение налогов на крупные доходы и корпорации, а также на резкое снижение уровня государственных расходов.

Однако не все политические группировки в то время разделяли правительственный курс. В 1920-е гг. при активной поддержке промышленных организаций создавались отраслевые ассоциации бизнеса, которые собирали и распространяли информацию об уровне цен, методах снижения издержек производства, наиболее эффективных способах транспортировки и сбыта, возможности получения более дешевого кредита и других проблемах, волнующих предпринимательские круги.

В 20-е гг. минувшего века довольно быстрыми темпами внедрялись новые методы организации производственного процесса на промышленных предприятиях, направленные на уменьшение себестоимости производства и увеличение его прибыльности. Чрезвычайно важную роль в этом отношении играли различные способы повышения интенсивности труда, особенно внедрение системы, разработанной еще в конце XIX в. инженером Фредериком Тейлором. Система тейлоризма была основана на детальном хронометрировании всех производственных операций наиболее выносливых рабочих и последующем распространении этих норм на всех работников, занятыми этими операциями. Дальнейшее развитие механизмы интенсификации труда получили в массовом поточно — конвейерном производстве.

Вследствие большого количества забастовок первых послевоенных лет, во время которых их участниками выдвигались не только экономические, но и политические требования в 1920-х гг. началось распространение различных форм предпринимательской благотворительности, направленной на поддержание социальной стабильности общества. В это время усиленно пропагандировалась идея "социальной ответственности бизнеса". Сторонниками этой доктрины утверждалось, что сам бизнес может эффективно решать все социальные проблемы, в том числе, сделать рабочих "равноправными партнерами" предпринимателей. С этой целью началось распределение акций промышленных предприятий среди трудящихся, введение частных пенсионных фондов, а также создание в противовес профсоюзным организациям так называемых

компанийских союзов в качестве инструментов сотрудничества работодателей с трудящимися.

Эта более современная модель трудовых отношений получила название системы "индустриальной демократии". Одна из главных задач новой модели заключалась в противопоставлении государственному регулированию и установлению законодательных норм социальных отношений системы саморегулирования бизнеса. Виднейшим представителем этой тенденции в администрации Кулиджа стал министр торговли Герберт Гувер, в 1928 г. избранный очередным президентом США. Гувер считал, что путем создания ассоциаций промышленников и банкиров, торговых палат, различных профсоюзных организаций под главенством государства должно осуществляться саморегулирование бизнеса. По словам А. Шлезингера, "...Гувер был страстным поборником координации экономических процессов, считая торговые ассоциации оптимальными координаторами".⁶

Представители гуверовской администрации утверждали, что кризисные явления в экономике должны преодолеваются не с помощью федерального правительства, а действиями бизнеса и других экономических групп. В сентябре 1930 г. в послании конгрессу Гувер заявлял: "Экономическая депрессия не может быть ликвидирована действиями законодательных органов или распоряжениями административных учреждений. Экономические раны залечиваются действиями клеток экономического организма — самими производителями и потребителями. Для восстановления экономики необходимы их кооперативные усилия". "Наилучшим вкладом правительства" в решении этих проблем, утверждал президент, является "поощрение этого добровольного сотрудничества на местах".⁷

В соответствии с политикой, направленной на поддержание "добровольной кооперации экономических групп" Гувер в ноябре 1929 г., при первых признаках значительного ухудшения экономической конъюнктуры, провел ряд консультаций с представителями предпринимательских кругов, на которых президент советовал им не снижать объем производства, не увольнять рабочих и сохранять прежний уровень заработной платы. Однако когда показатель безработицы приблизился к 25%, Гувер отказался от планов государственной помощи тем, кто безуспешно

⁶ Шлезингер Артур М. Циклы американской истории. М.1992.С.341.

⁷ Hoover H. Massage to Congress. September 1930.pp.45-46.

пытался найти работу.⁸ Кроме того, президент добился от руководства Американской федерации труда официального отказа от забастовок на период кризиса ради достижения "национального единства".

Несмотря на все правительственные мероприятия, представители бизнес кругов не стремились идти на встречу нуждам трудящихся, поэтому в различных промышленных секторах постоянными явлениями стали сокращение объемов производства, массовые увольнения и снижение заработной платы рабочих. Осенью 1931 г. произошло новое углубление экономического кризиса, и многие американские корпорации объявили о том, что они пойдут на еще более значительное снижение ставок заработной платы.

В своих выступлениях президент неоднократно заявлял, что единственной функцией правительства является "...создание условий, которые благоприятствовали бы развитию частного предпринимательства".⁹ Поэтому администрация Гувера отрицала все возможные мероприятия, направленные на государственную помощь безработным и введение системы социального страхования. По мнению отечественных исследователей, эти функции возлагались на частную благотворительность и только в исключительных случаях признавалась возможность использования федеральных средств и средств отдельных штатов. Вплоть до лета 1932 г. все планы федеральной помощи безработным категорически отвергались. Только в июне 1932 г., в обстановке избирательной кампании, был, наконец, принят закон о выделении 300 млн. дол. для непосредственной помощи безработным и 322 млн. дол. на займы штатам для организации общественных работ. Но эти проекты реализовывались крайне медленно: до конца 1932 г. было выделено лишь 30 млн. дол.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. в Соединенных Штатах произошло значительное ослабление государственной политики в области трудовых отношений, что было вызвано усилением позиций корпоративного капитала. Однако это не означало возвращения к безграничному индивидуализму XIX в. Напротив, росла организованность крупного капитала, учреждались разнообразные формы саморегулирования бизнеса, получила распространение практика "социального партнерства" предпринимателей и рабочих. Все эти процессы вызвали серьезные

⁸ Шлезингер Артур М. Циклы американской истории. М.1992.С.342.

⁹ Hoover H. States Papers and Other Public Writings. N.Y,1934. pp.8-9.

перемены в области занятости и безработицы, проявившиеся в экономике США в 1930-е гг.

В 1933 – 1939 гг. США являлись классическим примером либерально – реформистского варианта государственного регулирования экономики. Период, последовавший за сильнейшим экономическим кризисом 1929 – 1933 гг., стал, пожалуй, переходным этапом в развитии американской модели вмешательства государства в сферу трудовых отношений. После “Великой депрессии” в Соединенных Штатах были осуществлены мероприятия в социально – экономической области, существенно изменившие характер современного общества. В 1930-е гг. в США были сделаны первые шаги на пути превращения капитализма в государственно – регулируемое и социально ориентированное общество, каким оно стало в течение послевоенного периода.

Главной причиной активного государственного вмешательства во все сферы экономической и социальной жизни американского общества на протяжении 30-х гг. прошлого века стал глубочайший экономический кризис 1929 – 1933 гг., который принял крайне затяжной характер. Спад в экономике охватил почти все отрасли тяжелой промышленности, энергетики и транспорта, а также торговлю, банковскую и финансовую системы. В наибольшей степени последствия экономического кризиса сказались на положении американских трудящихся. Безработица выросла до невиданных размеров. По данным официальной статистики, в 1932 г. в США насчитывалось около 13 млн. полностью безработных, т.е. каждый третий рабочий был полностью лишен работы. Представители левых кругов считали эти цифры сильно заниженными. По оценкам леворадикальной организации экономистов, Ассоциации по исследованию проблем труда, число безработных достигло к началу 1933 г. 17 млн. человек.

Огромное распространение в годы кризиса получила частичная безработица. По данным Американской федерации труда, в 1932 г. полностью занятыми остались лишь 10% рабочих. По выражению одного из современников, в начале 1930-х гг. “безработица стала постоянной чертой американской жизни”. Резко ухудшилось и положение тех, кому удалось сохранить работу: Они постоянно испытывали чувство неуверенности в завтрашнем дне. Общий фонд заработной платы американских рабочих сократился за годы кризиса примерно на 60% за счет снижения ставок и неполной занятости.

Таким образом, экономический кризис 1929 – 1933 гг. затронул все сферы экономической, политической и социальной жизни США. Многие виднейшие политические деятели и крупные экономисты пришли к выводу, что обеспечение нормального функционирования экономических процессов и поддержание социальной стабильности общества возможно только при помощи активной государственной политики. Основной чертой нового политического курса стало резкое усиление роли государства в сфере экономики и социальных отношений вообще и области занятости и безработицы в частности.

Многие политические деятели США считали, что вследствие изменившейся структуры капитализма развитие экономических процессов сталкивается с серьезными противодействующими факторами, становится затрудненным, что ведет к чрезвычайно опасным социальным последствиям. Отсюда они приходили к выводу, что для нормального функционирования экономики необходимо активное государственное вмешательство. В 1930-е гг. была заложена и теоретическая основа нового этапа регулирования экономики со стороны государства. В первую очередь она была разработана в 1936 г. крупнейшим английским ученым – экономистом Джоном Мейнардом Кейнсом в книге "Общая теория занятости, процента и денег". По словам известного экономиста М. Блауга, "...триумф Кейнса связан с его эффективными идеями в области экономической политики;...только Кейнс выступил с идеями больших расходов на организацию общественных работ"¹⁰.

Основная гипотеза Кейнса и его последователей – кейнсианцев заключалась в том, что для обеспечения нормального развития экономики и достижения социальной стабильности в обществе государство должно навсегда отказаться от роли нейтрального наблюдателя, или "ночного сторожа". Напротив, оно должно оказывать постоянное воздействие на ход экономических процессов. Главным направлением такого воздействия кейнсианская теория считала обеспечение "эффективного спроса". При помощи государственного регулирования предполагалось обеспечить эффективный производственный спрос, т.е. необходимый уровень инвестиций, и эффективный потребительский спрос, т.е. достаточный уровень покупательной способности населения, что должно было повлечь за собой увеличение государственных расходов. Однако, по мнению Кейнса и его

¹⁰ Blaug M. John Maynard Keynes. Life, Ideas, Legacy. L., 1990. P. 27.

последователей, возврат экономики страны в нормальное состояние должен был создать предпосылки для скорейшего устранения дефицита государственного бюджета. Многие американские экономисты и политики считали необходимым активное вмешательство государства в социальную сферу для создания обширной системы государственной социальной защиты населения, учреждения законодательства в области трудовых отношений и расширения медицинского обеспечения. Таким образом, классическая модель либеральных реформ была представлена в политике Нового курса Ф. Рузвельта.

Избирательная кампания 1932 г началась в крайне напряженной политической обстановке. Экономический раздел предвыборной программы республиканцев наглядно продемонстрировал всем избирателям, что лидеры республиканской партии не намерены вносить никаких изменений в свою политику. В их платформе не было ни одного пункта, касающегося реформирования социальной системы и трудовых отношений. Напротив, провозгласив принцип бездефицитного бюджета, республиканцы тем самым еще раз подтвердили свое нежелание увеличивать государственные расходы в социально — экономической сфере.

Наиболее дальновидные деятели демократической партии прекрасно понимали, что для завоевания голосов избирателей надо выработать более гибкий политический курс. Кандидатом демократов был выдвинут губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт. В предвыборных выступлениях он не раз заверял, что будет отстаивать курс на проведение реформ в пользу миллионов "забытых американцев", что не могло не привлечь внимание электората. Фундаментальной основой политики Ф. Рузвельта, получившей название "Нового курса", стала идея активного государственного регулирования, направленного на изменения распределительного механизма американской экономики и обеспечения социальной защиты "забытого американца у подножья экономической пирамиды".

Именно во время администрации Ф. Рузвельта были заложены основы законодательного регулирования трудовых отношений. 5 июля 1935 г. вступил в силу Национальный акт о трудовых отношениях, или закон Вагнера. Согласно закону, наемные работники получали три важнейших права: на создание профсоюзов, на ведение коллективных переговоров с

предпринимателями через избранных ими представителей, на совместные действия для защиты своих интересов, в том числе право на забастовку. В том случае, если работники предприятия создавали профсоюз, работодатель должен был признать его официальным представителем рабочих и заключить с ним коллективный договор. Таким образом, правительство не только гарантировало легитимность профсоюзной деятельности, но и узаконивало принцип "закрытого цеха" как одну из форм профсоюзных гарантий. Несомненно, что положения закона Вагнера явились историческим завоеванием американских трудящихся.

Впервые в истории американского трудового законодательства одним из важнейших пунктов закона стала "нечестная трудовая практика" предпринимателей. Положения специального раздела содержали запрещение любых попыток со стороны работодателей мешать рабочим создавать свои организации и участвовать в их работе, вести переговоры с нанимателями; рабочие получили право на заключение коллективного договора, на защиту своих интересов, в том числе с помощью стачечной борьбы. Отныне предприниматели не могли вмешиваться во внутренние дела профсоюзов, создавать псевдорбочие организации; наниматели также были лишены возможности отказываться от ведения переговоров с представителями избранного работниками профсоюза. Контролировать выполнение закона должно было Национальное управление по трудовым отношениям, решения которого были обязательны для предпринимателей. Таким образом, закон Вагнера явился основой трудового законодательства в США.

Еще одной чрезвычайно важной реформой в социальной сфере во время администрации Ф. Рузвельта стало принятие первого в истории Соединенных Штатов федерального закона о социальном страховании, который был подписан президентом 14 августа 1935 г. Согласно закону, в Америке учреждалось два вида страхования: система пенсий по старости и пособия по безработице. Нужно отметить, что система пенсионного обеспечения была единой во всех штатах. Право на получение пенсий по старости имели рабочие и служащие, достигшие 65-летнего возраста, при наличии определенного трудового стажа. Страховой фонд создавался за счет паритетного налогового обложения предпринимателей и лиц наемного труда. Рабочие и служащие вносили налог в размере 1% на первые 3000 дол. ежегодной заработной платы каждого работника. Такую же сумму

из общего фонда заработной платы вносили предприниматели. Страхование по безработице строилось на федерально – штатной основе. Конгресс устанавливал лишь порядок создания страхового фонда. Все предприниматели, нанимавшие 8 и более рабочих, платили налог в размере 1% с тех же первых 3000 дол. ежегодной заработной платы каждого рабочего, занятого на данном предприятии. Круг получателей пособий, размеры и сроки их выплаты определялись законодательством штатов.

Одной из слабых сторон этого закона было то, что он охватывал только занятых на крупных промышленных предприятиях и не распространялся на служащих, работающих в торговле, сфере услуг и аграрном секторе. Однако несмотря на все недостатки закон о социальном страховании вместе с законом Вагнера стал крупнейшей вехой в истории американского трудового законодательства.

После Второй Мировой войны в Соединенных Штатах была принята целая серия законодательных актов, регулирующих сферу трудовых отношений и заложивших правовой механизм, направленный на обеспечение возможности рядовых рабочих добиваться соблюдения демократических принципов в низовых организациях, влиять на позиции профсоюзного руководства и добиваться его смены.

Закон Тафта – Хартли 1947 г., формально являвшейся дополнением к закону Вагнера, ограничил возможность ведения профсоюзными организациями политической деятельности, а также затруднил привлечение в профсоюзы новых членов. В целях "уравновешивания" пункта о "нечестной трудовой практике" предпринимателей в него был включен раздел о "нечестной трудовой практике" профсоюзов. Теперь им запрещалось оказывать давление на рабочих с целью принуждения их к вступлению в профсоюз, однако разрешалось ведение разъяснительной работы о пользе этой организации. Кроме того, профсоюзам запрещалось проводить так называемый вторичный бойкот – то есть бойкот предпринимателя, не являющегося нанимателем рабочих, объединенных в данный профсоюз, а также пикетирование с целью принуждения предпринимателя заключить коллективный договор с профсоюзом, не прошедшим установленную законом процедуру официального признания.

В 1959 г. принимается Закон Лэндрама – Гриффина, который дополнил права работников, зафиксированные в законе Тафта –

Хартли. Специальный раздел нового закона, "Билль о правах членов рабочих организаций", провозгласил "равные права и привилегии" всех членов рабочих организаций выдвигать своих кандидатов на профсоюзные должности, голосовать на профсоюзных выборах, посещать собрания, участвовать в обсуждении и решении рассматриваемых на них вопросов. Согласно закону, каждый американский рабочий получил право собираться с другими членами организации, высказывать любые взгляды и мнения относительно выдвигаемых кандидатур и обсуждаемых вопросов.

Однако возможности оппозиционных групп рабочих действовать внутри профсоюзов были вовсе не безграничны. В законе говорилось, что использование рабочими перечисленных выше прав не должно идти в ущерб праву профсоюза "принимать и применять различные правила, касающиеся ответственности каждого члена в отношении данной организации".¹¹ Члены организации также не могли препятствовать ей выполнять свои правовые и договорные обязательства. Подобный подход направлен на обеспечение равновесия индивидуальных и коллективных прав и интересов. И далеко не случайна критика этих положений со стороны профсоюзного руководства, нередко утверждающего, будто они ведут к противопоставлению рядовых рабочих и профсоюзных лидеров.¹²

Один из пунктов закона был направлен на подтверждение конституционных прав рабочих и защиту их от возможного произвола профсоюзного руководства: он запретил профсоюзам ограничивать права рабочих обращаться в суды или административные органы, выступать свидетелями в судебном, административном или законодательном разбирательстве. Кроме того, по этому закону все профсоюзы были обязаны направлять министру труда США исчерпывающие сведения о своем финансовом состоянии. Их также обязали предоставлять копии уставов, сведения об организационной структуре профсоюза, о порядке выборов руководящих работников, созыва собраний, процедуре принятия решений о проведении забастовки, приеме в члены, наложения взысканий, исключения из профсоюза и др.

На выборах 1960 г. победу одержали демократы во главе с Д. Кеннеди, который был сторонником решительной активизации

¹¹ National Labor Relations Act, Sept.14, 1959, Publ.L. 86-257, 73 Stat. 525, 542.

¹² Червонная С.А., Попов А.А. США: административно – правовой механизм регулирования социальных конфликтов. М.,1998.С.38.

экономической и социальной функций государства. В послании Конгрессу 2 февраля 1961 г. Кеннеди предлагал повысить минимум почасовой заработной платы, временно увеличить сроки выдачи пособий по безработице, а также другие мероприятия в социально – экономической сфере. В 1961 – 1962 гг. некоторые из этих инициатив были осуществлены: так, в марте 1961 г. был принят закон о продлении на 3 месяца выплаты пособий по безработице; минимум зарплаты увеличился с 1 до 1.25 долл. В марте 1962 г. в Конгрессе обсуждался законопроект о реформировании системы подготовки и переподготовки рабочей силы.

В 1964 г. правительство Л. Джонсона приступило к осуществлению социальных реформ, продолжив тем самым курс, проводимый администрацией Кеннеди. Впервые в истории Соединенных Штатов была предпринята попытка комплексного решения социальных проблем. Летом 1964 г. принимается закон об экономических возможностях, включающий проведение целого ряда программ помощи низко доходным категориям населения. С 1 февраля 1968 г. минимум заработной платы был увеличен до 1.6 долл. в час.

В первой половине 1970-х гг. ситуация в экономике Соединенных Штатов резко обострилась вследствие мирового энергетического кризиса, который разразился в конце 1973 г. В этой связи значительные изменения претерпела сфера трудовых отношений. В 1974 – 1975 гг. в США произошло резкое сокращение занятости и рост армии безработных. Общее число занятых снизилось на 2 млн. чел., количество полностью безработных составило 8 млн. В наибольшей степени безработицей были охвачены такие категории американского населения как молодежь, женщины, представители национальных меньшинств, а также афроамериканцы.

В 1980-е гг. республиканская администрация Р. Рейгана провозгласила отказ государства от вмешательства в экономическую жизнь и трудовые отношения. Спустя десятилетие администрация демократов во главе с президентом У. Клинтон разработала собственную "экономическую философию", исходя из представления о том, что именно государство должно дополнять рынок, так как "рынок лучше функционирует в институциональной среде, которая определяет правила свободной конкуренции"¹³.

Характерной чертой созданной в 1930-е гг. модели

¹³ Economic Report of the President. February 1997. Wash., 1997. P. 21.

государственного регулирования трудовых отношений была чрезвычайно прочная система социального страхования. Эта система эффективно функционирует и в современных условиях, благодаря чему сегодня в Соединенных Штатах защищаются интересы населения в случаях потери работы или трудоспособности. На сегодняшний день свыше 80 млн. американцев получают пособия по программам государственного социального страхования и вспомоществования; в 1997 г. их общий объем превысил рубеж в 1 трлн. долл. Во второй половине 1990-х гг. уровень безработицы достиг рекордно низкой отметки за всю историю, составив в 1999 г. 4% (хотя всего за несколько месяцев, в период с октября 2001 по январь 2002 г. уровень безработицы резко подскочил, достигнув в конце января 2002 г. отметки 5.6%).

Одной из законодательных инициатив администрации Клинтона стало принятие в 1997 г. закона об обязательном участии в трудовой деятельности не менее 20 часов в неделю получателей пособий по различным программам вспомоществования. Кроме того, администрация предлагала варианты реформирования пенсионной системы: повышение пенсионного возраста, увеличение взносов на пенсионное страхование, увеличение трудового стажа, необходимого для получения пенсий.

По выражению отечественного исследователя С.А.Червонной, "...американцы очень долгий период своей истории пребывали в плену иллюзий о возможности невмешательства государства в экономические процессы в целом и в сферу труда и занятости в частности. За свою модель "государства над схваткой" они в 1930-е гг. заплатили сокрушительным экономическим кризисом и многолетней глубочайшей депрессией, поставившими американское общество на грань катастрофы. Узнав на себе многомиллионную безработицу, массовую нищету, произвол предпринимателей, американцы с середины 1930-х гг. начали закладывать законодательные основы государственно-правового регулирования трудовых отношений"¹⁴. Политика "Нового курса" президента Ф. Рузвельта способствовала не только введению трудовых конфликтов в цивилизованные рамки административно — правовых процедур, но и созданию массового слоя платежеспособных потребителей, явившегося одним из важнейших факторов, обеспечивших послевоенный экономический подъем в Соединенных Штатах.

¹⁴ Червонная С.А. США: ЭПИ, 1995, №2, с.10-11.

Окончательная модель государственного регулирования трудовых отношений в США сформировалась к началу 1970-х гг. Ее структурные элементы перманентно обновляются, приспособляются к изменяющимся социально – экономическим и политическим условиям. Процесс глобализации мировой экономики и связанное с ним обострение конкурентной борьбы задали новые, весьма жесткие параметры трудовых отношений, что потребовало приспособления механизма государственного регулирования к новым условиям, активного вовлечения государства в создание нового климата трудовых отношений.

Современная система государственного регулирования трудовых отношений зиждется на законодательных нормах, принятых в Соединенных Штатах в 1930 – 1940-е гг. Несомненно, что за тот огромный период времени, что прошел с момента "Великой депрессии" сфера труда претерпела значительную трансформацию: изменились отношения между работниками и предпринимателями, произошел мощный спад в профсоюзном движении и многое другое. Однако основные принципы и механизмы, заложенные в сферу трудовых отношений в прошлом веке успешно работают до сегодняшнего дня, что делает американскую модель одной из самых эффективных в мировом масштабе.

РЕФОРМЫ ПЕРВОГО КАБИНЕТА ГЛАДСТОНА И «СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ»

Доминирующим типом политической культуры Англии в XIX в. стал либерализм. Основной в либерализме, в самом широком его понимании, является, безусловно, идея личной свободы. Так же как основным принципом — принцип толерантности. Но теоретические построения либерализма реализуются в ежедневной политической практике. Необходимо разделять либерализм как политическую идеологию, мировоззренческий комплекс — и либеральную политику, либеральную партию, либеральное государство [1].

Свобода личности, уважение ее взглядов и прав является базовой ценностью либерализма и лежит в основе политической культуры Англии. Признание свободы базовой ценностью британского общества восходит к принятию Habeas Corpus Act (1679) и к традициям английского средневековья, начиная с Великой Хартии Вольности. Формирование открытой, либеральной политической культуры не только сложный, но и весьма длительный процесс, на развитие которого в Англии благотворное воздействие оказал эволюционный характер развития страны в XVIII — XIX вв. В XIX веке создание механизма реализации основных прав человека пришлось на период правления королевы Виктории (1837 — 1901 гг.), чьим именем названа целая эпоха английской истории.

Викторианские ценности, Гладстон и либерализм

Викторианство — как образ жизни, — опиралось на собственную систему ценностей. Еще Ф. Ницше определил важнейшее значение ценностей и ценностных ориентиров для мировоззрения. Ницше считал ценности физиологической основой сохранения определенного способа жизни [2]. Современные историки Британии, — такие как М. Жирард, С. Дж. Браун, Дж. Харрис, рассматривают викторианские ценности в основном как определенные нормы поведения, вкусов, как систему предпочтений, приоритетов, особенности нравов [3]. В иерархии викторианских

ценностей важное место занимают, ценности политические [4]. Викторианская политическая традиция оказалась чрезвычайно жизнеспособной. Государственные институты, существующие в современной Британии, в основе своей – викторианские. Конституционная монархия в Англии и сегодня в своей основе та же, что и при королеве Виктории. Двухпартийная система (при которой партии различаются не по отношению к монархии, а по политическим принципам), создана, в основном, лидерами викторианского периода [5]. В XIX в. повышается значимость ценностей личного успеха, предприимчивости. Но в викторианский период постепенно возрастала роль коллективистских ценностей, таких как взаимопомощь, солидарность, равенство стартовых возможностей.

Появление новых ценностных ориентиров приводило и к изменениям в политической культуре страны. Власть в государственной системе, основанной на либеральном типе политической культуры, не может быть установлена раз и навсегда, а осуществляется лишь при обеспечении индивидуальных интересов. «Правительственные полномочия даются на время, следовательно, в либерализме изначально заложена идея регулируемой нестабильности отношений власти и общества. Именно эта нестабильность и открывает возможности для динамичного развития» [6]. «Нестабильность», разумеется, относительная, выступала генерирующим фактором реформ в Британии XIX в. Либерализм и реформа воспринимались как неразрывное целое. Либерализм, по мнению лидера движения «высокой церкви» в Англии, позднее перешедшего в католицизм, кардинала Ньюмена, определил весь дух и настроение эпохи [7].

Либерализм основан на признании ценности и неприкосновенности человеческой личности, наделенной правами и природной свободой воли. Политическую основу либерализма составляет, однако, не только признание «духа свободы», но создание условий для обеспечения прав человека. Степень свободы личности в обществе и уровень цивилизованности государства определяется объемом прав и обязанностей личности, а также степенью реального участия в жизни общества и государства, иначе говоря, действенностью и эффективностью механизма реализации прав граждан, создаваемого государством. Этот механизм действовал в Великобритании 1860-х – 1870-х гг. путем проведения реформ.

В осуществлении социальных и политических реформ

значительную роль сыграл один из наиболее известных политических деятелей викторианской Англии, многолетний лидер либеральной партии Уильям Юарт Гладстон. Лидер английских либералов оказал значительное влияние на формирование политической культуры в период правления королевы Виктории, на комплекс представлений англичан о мире политики, политических нравах, законах, нормах поведения. Деятельность Гладстона повлияла на формирование представлений об этике поведения в политике, способствовала укоренению либерализма в основах британской политической системы. Гладстон сыграл весьма значительную роль в расширении «поля» либерализма. В последней трети XIX в. либерализм и исповедуемые им идеалы широко распространились в различных социальных группах английского общества.

Ключевыми приверженностями либерализма, вне зависимости от его идейных, хронологических и национальных модификаций выступают: признание свободы наиболее значимой моральной и политической ценностью с одной стороны, и вера в прогресс, значимость науки в социальной и политической жизни — с другой [8]. Для представителей английского классического либерализма, таких как Дж. С. Миль, чрезвычайно важным был вопрос о пределах свободы. Понимание свободы Милем было, используя современную терминологию, предложенную профессором Йельского университета Иеном Шапиро, негативистским (не «свобода для...», а «свобода от...») [9]. Миль крайне настороженно относился к расширению компетенции государственной власти, видя в таком расширении реальную угрозу свободе. Политику и политизацию жизни Миль противопоставлял индивидуальной свободе. В первой главе трактата «О свободе» он показывал, сколь сложно разграничить сферу общественного бытия от личной сферы, сферу политики от частной жизни.

Ирландские реформы 1869 – 1870 гг. и индивидуальные права и свободы граждан.

Одной из важнейших свобод личности является свобода совести, понимаемая, прежде всего, как свобода вероисповедания. Уильям Гладстон, человек глубоко религиозный, в годы студенчества осознал политическое значение вопроса о свободе вероисповедания,

прежде всего, в связи с вопросом о положении католиков. Билль об эмансипации католиков, принятый в 1829 г. Палатой Общин минимальным большинством голосов, был встречен Гладстоном с энтузиазмом. Результатом этой победы могли воспользоваться, по его мнению, и религиозные диссиденты других конфессий. Проблема свободы вероисповедания рассматривалась Гладстоном как неотъемлемое право личности. Как религиозный мыслитель, и как верующий, Гладстон постепенно продвигался к признанию права на свободу веры, вне зависимости от господствующей церкви и общественного мнения. Он дважды предпринимал попытки систематизировать свои взгляды на религиозные проблемы, а также на соотношение морали и политики. В 1838 г. им было написано сочинение «Государство в его отношениях с церковью», а в 1868 г. — «Глава автобиографии». Вторая работа — это краткий, блестящий по стилю и легко читаемый памфлет на 54 страницах, опубликованный по случаю обсуждения в парламенте Ирландского церковного билля. Гладстон отстаивал в «Главе автобиографии» идею о разумности и «совести» государства, целиком отождествляя эту «государственную разумность» с текущими практическими задачами и с фундаментальными принципами государственного строя Англии [10].

Основу взглядов Гладстона в годы его политической зрелости составляло убеждение в важности и эффективности спонтанной активности личности, как условия благополучия, улучшения условий жизни, прогресса в здравоохранении и образовании. Свобода волеизъявления доминировала при этом над всеми другими факторами, так как она предполагала ответственность каждого за свою жизнь и способствовала общему повышению социальной активности [11].

К моменту победы на парламентских выборах 1868 г. консолидация либеральной партии полностью еще не завершилась. В кабинет Гладстона в декабре 1868 г. вошло 15 человек. Преобладали в нем бывшие виги — 7 министров, но наряду с ними в кабинет входили прежние пилиты, радикалы, а также представители других группировок формирующейся либеральной партии. Почти все члены кабинета, за исключением Дж. Брайта (квакера по религиозным убеждениям), принадлежали к англиканской церкви. Парадоксально, но именно вопрос об ограничении прав государственной церкви (фактически, об отделении англиканской церкви в Ирландии от государства), позволил различным

группировкам — вигам, пилитам, радикалам — объединиться в либеральной партии. Активизация политической борьбы в Ирландии, фенианского движения, привели Гладстона к убеждению в неотложной необходимости религиозных и политических реформ. Как заявлял он в период формирования кабинета: «Моя первая задача — умиротворить Ирландию» [12]. Именно в духе «умиротворения» и были проведены две важнейшие ирландские реформы первого (1868 — 1874 гг.) кабинета Гладстона — реформа протестантской церкви 1869 г. и Земельный Акт 1870 г. Предложенный Гладстоном вариант реформы церковных отношений в Ирландии не предполагал особых ограничений для деятельности англиканской церкви в этой части Соединенного королевства. В меморандуме, написанном Гладстоном 17 — 18 декабря 1868 г., предусматривалось сохранение за англиканской церковью значительной части ее имущества и церковных зданий. Но большая часть доходов (налоги и рента), предназначались отныне на благотворительные нужды, на компенсацию той части англиканского духовенства, которая в результате реформы теряла свои приходы, и передавалась другим ирландским конфессиям. Важнейшей своей задачей премьер считал, как он писал генералу Грею 28 марта 1869 г., «проведение границы между фениями и населением Ирландии». Цель и обязанность правительства заключалась, с его точки зрения, в том, чтобы изменить общественные настроения в Ирландии, сформировать общественное мнение, не приемлющее насильственные методы и террор, даже если насилие пытаются оправдать национальными интересами ирландского народа [13].

Ирландский церковный билль был подготовлен и написан Гладстоном лично. 8 февраля, в заметке о заседании кабинета, Гладстон записал: «Ирландский церковный билль [в тексте использовано сокращение I.C.V. — *И.Я.*]. Обсуждение. Согласование позиций» [14]. А 9 февраля с «глубоким удовлетворением» отметил в своем дневнике, что кабинет целиком поглощен церковными делами [15]. При обсуждении и доработке билля Гладстон, в основном придерживался своего меморандума от 17 — 18 декабря 1868 г., но под давлением католиков, других религиозных диссидентов и радикалов во главе с Дж. Брайтом, уменьшил долю церковных доходов, земель и зданий, сохранявшихся за англиканской церковью в Ирландии [16]. Премьер полагал, «умиротворения Ирландии» можно добиться, доказав, что парламент

способен принять законодательные акты, отвечающие интересам населения, обеспечив и защиту интересов ирландцев, и устойчивость политической и государственной системы.

Гладстон был убежден, что защита принципа свободы совести сплотит либералов в парламенте и поможет в борьбе с оппозицией Ирландскому церковному биллю в Палате Лордов. В том, что лорды будут сопротивляться биллю, премьер не сомневался. Уже в январе 1869 г. он писал Э. Салливану, что «лорды — камень преткновения» [17]. И действительно, в период кризиса июня — июля 1869 г., когда судьба билля была под вопросом, Гладстон сумел использовать либеральное большинство в Палате Общин против оппозиции лордов и оппонентов в самом кабинете. Дискуссия в Палате Лордов касалась, прежде всего, вопросов церковной собственности. Для премьер-министра был важен, прежде всего, вопрос о свободе вероисповедания. Он полагал, что миссия государства заключается в поддержке всех церковных конфессий. 26 июня 1869 г. Гладстон зафиксировал в дневнике начало кризиса при прохождении в парламенте Ирландского церковного билля. 19 июля, после длительных дискуссий с коллегами он отмечал, что условия раздела церковных имуществ не есть нечто неизменное, и эти условия могут быть изменены [18]. В переговорах, которые велись с оппонентами, Гладстон участия не принимал (подобные ситуации он называл «дипломатическим нездоровьем»). Переговоры вел его ближайший сотрудник во время работы над церковным биллем — Гренвилл, но условия, обсуждавшиеся с оппозицией, были предложены все-таки премьером.

С момента формирования либерального кабинета вопрос Ирландского церковного билля начал занимать важное место в переписке Гладстона с королевой Викторией. В декабре 1868 г. Гладстон, работая над меморандумом по проблеме ирландской церкви, написал королеве первое письмо на эту тему [19]. Представленный в Палате Общин 1 марта 1869 г., Ирландский церковный билль был принят во втором чтении большинством 368 против 250. Несмотря на трудности прохождения билля в Палате Лордов, он был принят во втором чтении и лордами большинством 179 против 146, причем часть консервативных членов Палаты Лордов — голосовала «за», а значительная группа не приняла участия в голосовании [20]. Парламентский Акт ликвидировал привилегии англиканской церкви в Ирландии, ставил в равные условия с католической церковью и религиозными объединениями нонконформистов.

Ирландский земельный акт в меньшей степени был связан с либеральными идейными концепциями. В 1870 г., к началу «эпохи реформ», в Ирландии было 682 148 земельных владений — сдаваемых в аренду или используемых самими владельцами. Однако собственники земли составляли лишь 3 % от общей численности аграрного населения. «Акт об Ирландском лендлорде и арендаторе» 1870 г. состоял из двух важнейших частей. В первой — гарантировались права арендатора на компенсацию за средства, затраченные на повышение плодородия участка и его доходность. Это создавало определенную защиту от произвола лендлорда. Вторая часть акта состояла в предоставлении «Организации комиссионеров общественных работ в Ирландии» выделять арендаторам средства на выкуп земли, в размере не свыше 2/3 от ее стоимости [21].

Ирландское законодательство первого кабинета Гладстона свидетельствовало о реализации принципов классического либерализма. В месте с тем, «Земельный акт» 1870 г. впервые ставил под сомнение идею невмешательства государства в экономические отношения, принципы «laissez-faire». В политической деятельности либеральной партии появляются новые элементы. Начинается (пока только начинается) эволюция классического либерализма в неолиберализм, с его особым вниманием к социальным проблемам. Подход Гладстона и его партии к решению проблем Ирландии позволяет проследить постепенную трансформацию и концепции и практики британских либералов. Религиозные свободы, их реализация и гарантии - один из принципов классического либерализма, в то время как Ирландский земельный акт — свидетельство возникновения элементов «социального либерализма». Изменение подходов к решению социальных проблем явилось отражением перемен в политической культуре британского общества.

Реформа начального образования и проблемы эволюции британского либерализма.

Важным фактором, влияющим на становление политической культуры общества, является доступность и массовость образования. Именно образование в значительной мере определяет систему ценностей индивида и отношение личности к

власти. Проблемы образования на протяжении XIX в. приобретали все большее значение, и занимали все более важное место в общественной жизни Англии.

Основные цели и ориентиры образования в либеральной концепции были сформулированы еще в конце XVII – XVIII вв.: формирование свободной, способной к самостоятельному выбору и ответственной за сделанный выбор личности. Индивид становится личностью – в социально-политическом измерении – лишь обретая права и свободы. Еще Дж. Локк считал, что правление имеет целью охрану прав граждан: «Высшая цель, преследуемая людьми при установлении государства и власти, лежит в охране собственности» [22]. В XIX в. Адам Смит в условиях индустриальной Британии определял функции государства как внешнюю и внутреннюю защиту граждан. К мерам по защите граждан А. Смит относил среди прочего и заботу об основах образования [23]. Постепенно формировалось и осознание ценности образования для формирования политической культуры личности и общества, роли и места государства в организации системы образования.

В доиндустриальную эпоху школа не имела серьезного значения в жизни английских низов. Кругозор большинства населения Англии был ограничен родным полем и пустошью, Но развитие промышленности ускорило процесс урбанизации. Пришедшие в города выходцы из сельской местности не имели необходимых социальных навыков жизни в новых условиях, а рост машинного производства диктовал свои условия подготовки рабочей силы [24].

К началу XIX в. большинство англичан не умело ни читать, ни писать. Средние школы (grammar school), частные публичные школы и университеты Оксфорда и Кембриджа были доступны узкому кругу богатых и наиболее одаренным выходцам из других социальных групп. Незначительная часть детей из бедных семей могли получить начальное образование в благотворительных школах, или школах, где оплата за обучение наставнику осуществлялась из специально созданной для этой цели коллективной кассы. Многие выдающиеся изобретатели, такие как Ричард Аркрит, были самоучками и никакого образования не получили [25].

В конце XVIII и в первой половине XIX вв. начальное образование состояло в изучении религиозной доктрины и освоении грамоты. Преподаванием основ христианского учения и элементарной

грамотности занимались, прежде всего, воскресные школы. Многие родители посещали такие школы вместе с детьми, обучаясь письму и чтению. В 1818 г. в воскресных школах было около 500 000 учеников, что составляло 4% населения страны. К середине XIX века воскресные школы существовали по всей стран, и их посещало около 2 500 000 человек, примерно 13 % населения [26].

Недостаток учителей в воскресных школах с XVIII века способствовал использованию старших, более способных дети, для обучения младших чтению и письму. Наибольшее распространение этот метод получил с начала XIX в., благодаря деятельности Эндрю Белла и Джозефа Ланкастера, под названием «система взаимного обучения». В первой трети XIX в. распространением народного образования занимались два общества. «Королевское ланкастерское общество» было создано Ланкастером при поддержке квакеров. В 1814 г. оно изменило название на «Британское и иностранное школьное общество» [27]. Эндрю Белл, основавший в 1811 г. «Национальное школьное общество», опору своей деятельности, нашел в среде представителей англиканского духовенства, видевших в сотрудничестве Ланкастера с неконформистами вызов государственной церкви [28]. Количество школ было ограничено, и многие дети, занятые на работе их не посещали. Преподавание в школах, находившихся под опекой обоих обществ, было основано на привлечении старших учеников к обучению младших. Но даже в 1830-х гг. современники замечали, что «ни одна страна не имеет столь старинных и почтенных заведений как Англия», и «столь жалких результатов при таких обширных средствах» [29].

Традиция сословной школы, пренебрежение образованием низших слоев общества, сохранялись и в Англии 1860-х гг. Развитие начального обучения постепенно превращалось в острую социальную и политическую проблему, что было связано с радикальными изменениями в экономической и общественной жизни страны, требовало дальнейших усилий и вмешательства государства. Знаменитый английский историк Макколей очень четко сформулировал значение проблемы образования для сохранения стабильности и успешного развития страны. Обязанность правительства — говорил Макколей — заботиться о неприкосновенности лиц и достоинствам всех членов государства и, если это — несомненно, то образование простого народа есть одно из лучших средств обеспечения безопасности нашей жизни [30].

Инициативы реформ народной школы исходили от виггов. Правительство Грея в 1833 г. впервые выделило 20 000 фунтов стерлингов в виде государственной субсидии двум упомянутым обществам. Увеличение субсидий на развитие школы в 1839 г. и создание необходимых административных механизмов в 1830-х — 1840-х гг., подготовили почву для последующих преобразований [31]. Закон, принятый в 1833 г. устанавливал, что дети, занятые на промышленных предприятиях, должны иметь не менее двух часов в день для посещения школы. Но значительная часть детей никакого начального образования не получала. В 1843 г. сэр Джеймс Грэхэм предложил сократить продолжительность рабочего дня для детей таким образом, чтобы они имели свободное время утром или после обеда. Это время предполагалось использовать для обучения детей в школе. Школы действовали под контролем попечительских советов, но все же патронировались церковью [32].

В 1843 г. «Британское и иностранное школьное общество» получило равные права в школьном деле с англиканским «Национальным школьным обществом», что означало равноправие нонконформистов в вопросах развития образования [33]. Нонконформисты играли значительную роль в политической жизни и представляли очень влиятельную силу в деловом мире [34]. В 1830-х — 1840-х гг. нонконформисты, в том числе, такие как лидер радикалов и квакер по религиозным убеждениям Дж. Брайт, с подозрением воспринимали любое проявление государственного вмешательства в вопросы народного образования [35]. В 1860-х гг. нонконформисты, выступая за государственную реформу школьной системы, отстаивали при этом сохранение принципа добровольности, особенно в вопросах финансирования школы. Эта позиция сближала нонконформистов и либеральных лидеров. Уильям Гладстон, например, писал Брайту: «Что касается меня, то в вопросе образования, как и во всех общественных вопросах. Я предпочитаю добровольные действия населения вмешательству государственной машины. Только так вопрос может быть решен наилучшим образом» [36].

1850-х — 1860-х гг., в период подготовки второй парламентской реформы, проблема распространения образования приобрела особое значение. Необходимость реформы школы понимали обе политические партии. Так, билли о реформе школы вносились в парламент в 1855 и 1857 гг. В 1858 г. была создана королевская комиссия под руководством герцога Ньюкасла. В ее задачу входила разработка рекомендаций по

совершенствованию начального образования. Отчет комиссии в 1861 г. зафиксировал, что 80% процентов детей покидали школу по достижении 12 лет и не получали при этом необходимых навыков. При этом комиссия исходила из весьма умеренных требований: дети должны были уметь читать, писать, иметь скромные познания в географии. Но от двух третей до трех четвертей детей, оканчивая начальное обучение, не имели даже этих познаний. Тем не менее, комиссия пришла к заключению, что универсальная система обучения вовсе не является необходимой или желательной [37].

После формирования в 1868 году либерального министерства, вопрос о реформе начальной школы стал одним из наиболее неотложных. Сторонники школьной реформы создали новые организации. Радикалы и нонконформисты объединились в «Национальную лигу образования», и начали кампанию за обязательное, бесплатное, свободное в религиозном отношении начальное образование [38]. Председателем комитета «Национальной лиги образования» в феврале 1869 г. стал Дж. Чемберлен. Для Чемберлена, как и для всех радикалов, вопрос о школьной реформе имел, прежде всего, социальное значение. Поэтому Чемберлен, хотя и был нонконформистом, не проявлял особого интереса к религиозным аспектам реформы школы. В конце 1860-х гг. оформился также «Национальный союз образования». Союз выступал, прежде всего, против введения школьного налога, но признавал необходимость введения обязательного начального обучения для детей до 13 лет, предполагалось вместе с тем, что половину рабочего дня дети должны работать. Радикалы также критиковали школьный налог, поскольку многие англичане просто не могли его платить вследствие крайней бедности [39].

Билль, представленный парламенту в первом чтении Уильямом Эдвардом Форстером — вице-президентом совета по образованию, предполагал совмещение отдельных элементов старой и новой школьных систем. Частные школы получали льготы — сроком на один год. В тех районах, где начальное образование было поставлено неудовлетворительно, создавались специальные местные школьные комитеты, которые имели право взимать местный школьный налог. Из этих налогов финансировались: уже существовавшие школы; вновь основанные государственные школы; производилась оплата за обучение детей из бедных семей. Школьные комитеты определяли, на основе какой именно религиозной доктрины будет основываться преподавание во вновь создаваемых школах [40].

Билль Форстера активно обсуждался в парламенте и в стране. Под влиянием радикального крыла партии и нонконформистов, в июне 1870 г., во втором чтении, правительство внесло изменения в билль. В новом варианте законопроект предусматривал: сохранение религиозного характера образования, но без разъяснения англиканской доктрины; запрещение субсидировать частные школы за счет школьного налога; увеличение государственного финансирования начальной школы на 70 %; прекращение субсидий частным школам на строительство; сохранение годичной льготы для частных школ [41].

Несмотря на критику билля в парламенте и за его пределами, законопроект прошел третье чтение и стал законом. По новому закону сохранялись и старые, религиозные школы, и создавались новые, не имевшие обязательного конфессионального характера. Страна делилась на школьные округа. Фактически вводилось всеобщее начальное обучение для детей до 13 лет. Это гарантировалось введением оплаты за детей из беднейших семей за счет школьного налога. Определялись источники финансирования новой школы — государственные дотации, школьный налог, плата за обучение [42].

Школьная реформа 1870 г. была, возможно, крупнейшим достижением либерального министерства Гладстона. До 1870 г. в Англии не существовало системы обучения, направленной на массовое обучение. Новый «Акт об образовании» создал национальную систему начального образования. До принятия закона 1870 г. 2 000 000 детей школьного возраста вообще не получали никакого образования. В 1870 г. уровень неграмотности мужского населения Англии старше 13 лет составлял 20 %, в конце века этот уровень составлял менее 2 % [43]. Очень медленно и трудно, но обществом была признана идея равных возможностей получения образования сыновьями знати, миллионеров и бедняков.

Закон 1870 г. был нацелен на достижение простого результата: дети должны были учиться в школе, и неграмотность должна быть ликвидирована. Целью школьной реформы было распространение образования. Она способствовала реализации одного из важных прав человека — права на образование. Изменения коснулись религиозной составляющей системы обучения. Введение светской школы отвечало одному из важнейших принципов классического либерализма и защищало право на свободу совести. Вместе с тем, реформа начального

образования была ответом на существующий социальный вызов общества и отражала социальную ориентированность реформ первого кабинета Гладстона.

Формирование элементов социального либерализма в деятельности первого кабинета Гладстона

Практика государственного управления, реформы в религиозной и социальной областях, помогают уловить формирование новых элементов в политической деятельности и доктрине британского либерализма. Анализ эффективности использования реформ как средства реализации социальных потребностей, их соответствие новым, только формирующимся, ценностным установкам, позволяет определить степень корреляции либеральной идеологии и либеральной практики.

Реформа, рассматриваемая как универсальный способ реализации основных прав человека, выступает основой становления компромиссного типа политической культуры в Великобритании последней трети XIX в. При этом сохраняла актуальность проблема реальности существовавших прав. Имущественное неравенство, социальное неравенство в Великобритании порождали конфликт соотношения между свободой и равенством. Для британского общества XIX в. доминирующей ценностью оставалась свобода, при одновременном признании значения и необходимости большего равенства. Расширение политической свободы при сохранении неравенства создавало предпосылки для «давления снизу», для реализации социальных прав. По мере создания механизма реализации индивидуальных прав, возникали условия и для реализации прав групповых, прежде всего — социальных. Деятельность первого кабинета Уильяма Гладстона показывает, что в политической практике либерализма и его доктрине в конце 1860-х — начале 1870-х гг. происходит смена парадигмы. Постепенно все большее значение приобретают социальные проблемы. Индивидуализм, оставаясь неотъемлемой частью либерализма, постепенно дополняется коллективизмом. В системе приверженностей либерализма приоритет получает «свобода для...», — для самореализации человеческой личности в условиях социально ориентированного государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаджиев К.С. Либерализм. История и современность // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 21.
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.
3. Victorian Values. A Joint Symposium of the Royal Society of Edinburgh & the British Academy. Proceeding of the British Academy. 78 / Ed. by T. C. Smout. New York, 1992.
4. Классификация ценностей может основываться на различных основаниях. В данном случае речь идет о классификации ценностей по типу потребностей субъекта.
5. Kenny A. Victorian Values // Victorian Values. A Joint Symposium of the Royal Society of Edinburgh & the British Academy. Proceeding of the British Academy. 78 / Ed. by T. C. Smout. N. Y., 1992. P. 220 – 221.
6. Алексеева Т.А. Либерализм как политическая идеология // Политика. 2000 № 1. С.120.
7. Newman J.H. Apologia Pro Vita Sua / Ed. by M.J. Svaglic. Oxford, 1967. P. 233 – 234.
8. Шапиро И. Введение в типологию либерализма // Полис. Политические исследования. 1994. № 3. С.7, 8.
9. Там же.
10. Parry J. P. Democracy & religion. Gladstone & liberal party. Cambridge, 1986. P. 153, 154, 430, 444.
11. Bradley. I. The optimist. Themes & personalities in Victorian liberalism. L., 1980. P. 184.
12. The Gladstone diaries. Vol. VI / Ed. By H.C.G. Matthew. Oxford, 1978. P. 673.
13. The Gladstone diaries. Gladstone to general Grey. 28 March.1869.Vol. VII – VIII // Ed. By H.C.G. Matthew. Oxford, 1982. P. LII – LIII.
14. Ibid. P. 3.
15. The Gladstone diaries. 9 febr. 1869 . Vol. VII. P. LIV.
16. Ibidem.
17. Gladstone to E. Sullivan. 7 Jan.1869.The Gladstone diaries. Vol. VII. P. LIII.
18. The Gladstone diaries. Vol. VII.P. 87 – 88, 97.
19. The letters of Queen Victoria. 2-nd.ser. Vol. I. 1862 – 1869 / Ed. by G. Buckle. L., 1926.
20. Ibidem.
21. Irish Landlord & Tenant Act, 1870 // English historical documents. Vol. XII (2) / Ed. by Handcock W.D. Oxford , 1980. P. 82 – 83.
22. Локк Дж. Соч.: в 3-х тт. Т. 3. М., 1988 С. 283.
23. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
24. English historical documents. Vol. XII (1) / Ed. By Young G.M. & Handcock W.D. L., 1956. P. 829.
25. Adamson J. W. A short history of education. L., 1922.
26. Hugget F.E. A dictionary of British history. Oxford, 1974. P. 260.

27. Salmon D. Joseph Lancaster. L., 1904. Изменение название общества было связано с конфликтом между Ланкастером и членами благотворительного фонда по финансовым вопросам. Ланкастер стремился установить контроль над фондами общества.
28. Who's who in history. Vol. 5. England. 1789 – 1837 / Ed. by Treasure G.R.R. Oxford, 1979. P. 85 – 86.
29. Раумер Т. Англия в 1835 году // Библиотека для чтения. 1836. Т. 17 (III) С. 1 – 12.
30. Вестник Европы. 1866. Т. 2. Педагогическая хроника. С. 10 – 12.
31. English historical documents. Vol. XII (1). P. 829.
32. Ibid. P 831 – 832.
33. Schreuder D. Gladstone & the conscience of the Victorian state // The conscience of the Victorian state / Ed by P. Marsh. Oxford, 1979. P.102.
34. Helmstadter R. J. The nonconformist conscience // The conscience of the Victorian state... P. 135.
35. Roberts D. The utilitarian conscience // The conscience of the Victorian state...P. 67.
36. Bradley I. The Optimists. Themes & Personalities in Victorian Liberalism. L., 1980. P.182.
37. Gregg P. A social & economic history of Britain. 1760 – 1972. L., 1973. P. 506.
38. Кергман Л.Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1989. С. 42 – 43.
39. Adamson J.W English education. 1789 – 1902. Cambridge,1930. P.351 – 352.
40. Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons. III-rd ser. Vol. 199. Col. 443 – 444, 457 – 458 (далее НСПД).
41. НСПД. III-rd ser. Vol. 202. Col. 1015, 1667 – 1668.
42. Gregg P. A social & economic history of Britain. 1760 – 1972. L., 1973. P. 506.
43. Smith G. A constitutional & legal history of England. N.-Y., 1955. P. 217; Gregg P. Op. cit. P. 510 – 511.

А. Е. Фельдт

СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА 1939-1940 ГГ. ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

 советско-финская война — локальный военный конфликт, несопоставимый по масштабам с событиями второй мировой войны в целом, - значительно повлияла на отношение американской общественности к Советскому Союзу. С 1 сентября 1939 г. внимание американцев было сфокусировано на европейском театре военных действий. Советский Союз, его внешняя политика в этот период слабо интересовали средства массовой информации США. Однако вспыхнувший 1 сентября 1939 г. военный конфликт между СССР и Финляндией вновь привлек внимание к советскому государству, его внешнеполитической линии и внутренней политике.

Устойчивый интерес американцев к советскому государству появился с момента его возникновения в 1917 г. "Советский эксперимент" обрел привлекательность в сознании части американских интеллектуалов. Особенно это проявилось в период "нового курса", содержавшего в элементы государственного планирования и регулирования экономики, что наводило американских либералов на мысль об относительной схожести в СССР и США процессов, ведущих к реализации принципов социальной справедливости. Советский опыт был предметом постоянного внимания американской периодической печати. Кроме того, в США в 30-е гг. нарастало беспокойство в связи с ростом фашистской опасности,

угрозой возникновения новой мировой войны. События в Испании, японские захваты в Китае усиливали тревогу многих американских общественных и политических деятелей. Их не успокаивало совершенствование законодательства о нейтралитете США. Основные надежды они возлагали на Советский Союз как на государство с мощным экономическим и военным потенциалом, реально противодействующее агрессивным действиям Германии, Италии и Японии.

Но негативные внутривластные явления в Советском Союзе второй половины 30-х гг., ставшие достоянием американской прессы, пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. и последовавший за ним раздел Польши заставили многих американцев, в том числе и сторонников Советского Союза, изменить свои представления о стране социализма. Последней точкой в процессе изменения имиджа СССР в американском массовом сознании явилась советско-финская война.

Зарубежные и отечественные авторы, анализируя советско-американские отношения конца 30-х — начала 40-х гг., постоянно обращались к теме воздействия "зимней войны" войны на общественное мнение США [1], но специальных исследований по данной теме нет. В данной статье последовательно освещаются позиции президента, Конгресса, общественных и религиозных деятелей, различных средств массовой информации, американских коммунистов в отношении указанных событий.

"Подлинным голосом Соединенных Штатов является голос президента" [2], - писал в 1949 г. американский исследователь общественного мнения Л.Маркел. Позиция Франклина Д.Рузвельта во многом определяла отношение к Советскому Союзу в американском обществе. Интерес Рузвельта к СССР был прочно увязан с местом Советского Союза в его внешнеполитических планах. Политика президента по отношению к Советскому Союзу уходила корнями в геополитику. Американский исследователь Т.Лифка в книге "Концепция "тоталитаризма" и американская внешняя политика, 1933 — 1949 гг." предполагает, что Рузвельт и его советники по внешней политике были осведомлены о формировании в американском обществе тоталитарного имиджа СССР. Но при принятии внешнеполитических решений этот факт практически не учитывался. Напротив, отмечает Лифка, правительство Соединенных Штатов старалось по возможности поддерживать хорошие отношения с Германией, Италией, Японией

и Советским Союзом, вопреки широко распространенным в обществе сомнениям и критике в отношении политических режимов этих стран [3].

Негативное отношение президента к действиям СССР официально проявилось только в период советско-финляндской войны. На следующий день после того, как советские войска пересекли границу Финляндии, он оценил эту акцию в письме к американскому послу в Греции как "страшное насилие над Финляндией" [4]. 1 декабря 1939 г. Рузвельт выступил с речью по поводу обстрелов и бомбардировок Хельсинки Красной Армией. Президент заявил, что они глубоко шокировали правительство и народ Соединенных Штатов и что эти акции — проявление беззакония [5]. А 2 декабря 1939 г. было введено "моральное эмбарго" на продажу Советскому Союзу самолетов и авиационного снаряжения, которое сохраняло силу больше года.

Особенно ярко видны взгляды Рузвельта на Советский Союз в этот период в речи, произнесенной 10 февраля 1940 г. в Белом доме на встрече с лидерами Американского конгресса молодежи — организации, находившейся под сильным влиянием компартии США. Вполне возможно, что состав аудитории вызвал у президента желание дать оценку действиям СССР и тем самым оказать влияние на умы будущих коммунистов.

Начало выступления содержит признание Рузвельта в симпатиях к Советской России более чем двадцатилетней давности. Глава государства также отметил, что лидеры коммунистической России сделали многое в области образования и здравоохранения для граждан своей страны, живших при прежнем режиме в невежестве и рабстве. Но далее Рузвельт высказал то, о чем, вероятно, умолчал бы, если бы отношения между СССР и США были на данный момент хоть немного лучше. "Мне не нравится коммунистическая регламентация, - заявил он. — Я ненавижу убийство без разбора тысяч невинных жертв... Я, как и многие другие, надеялся, что Россия решит свои проблемы, и что ее правительство в конечном счете делается миролюбивым, избранным свободным голосованием, которое не будет покушаться на целостность своих соседей. Сегодня эта надежда исчезла или отложена до лучшего дня. Советский Союз, как сознает всякий, у кого хватает мужества посмотреть в лицо фактам, управляется диктатурой столь абсолютной, что подобную трудно найти в мире. Она вступила в союз с другой диктатурой и вторглась на территорию соседа столь бесконечно

малого, что он не мог представлять никакой угрозы, не мог нанести никакого ущерба Советскому Союзу, соседа, который желал одного – жить в мире как демократическая страна, свободная и смотрящая вперед демократическая страна" [6].

Непосредственная реакция представителей Американского конгресса молодежи на выступление президента была весьма неодобрительной. Аудитория освистала главу государства. "Первый и, я думаю, единственный случай, - писал Ч.Болен, - когда (Рузвельта) освистали на посту президента США" [7]. Но, по мнению Болен, речь Рузвельта выразила официальное и общественное отношение к СССР в данный период [8].

Речь президента в феврале 1940 г. совпала с пиком антисоветской кампании в США, размах которой вынудил советское правительство досрочно закрыть павильон СССР на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Эта кампания пошла на убыль лишь с заключением мира между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. [9]. К весне 1940 г. американо-советские отношения оказались заморожены как в политико-дипломатической, так и в торгово-экономической областях. Таким образом, своими выступлениями и действиями Рузвельт придал мощный импульс негативному восприятию СССР американским обществом.

Немалую роль в формировании отрицательных представлений у американцев о Советском Союзе сыграл Конгресс США. Данный представительный орган государственной власти имеет широкий выход на американское общество. Конгрессмены и сенаторы, находясь в определенной зависимости от своих избирателей, выступают не только как выразители их взглядов и интересов, но и как проводники своей собственной точки зрения, основанной на знаниях и политическом опыте. Все это делает законодателей влиятельными фигурами в обществе, их мнение тиражируется парламентской прессой и другими средствами массовой информации. И, наконец, сами парламентские решения оказывают непосредственное воздействие на развитие политической и социально-экономической жизни страны. Американские законодатели уделили СССР особое внимание в период советско-финского вооруженного конфликта в связи с вопросом о помощи Финляндии. Данный вопрос явился одним из важнейших на 3-й сессии Конгресса США 76 созыва. В выступлениях конгрессменов, единодушно осудивших агрессию Советского Союза против его северного соседа, звучали предложения о прекращении любых

экономических отношений с СССР, которые могут усилить его в войне с Финляндией, о разрыве дипломатических отношений с советским государством, о всесторонней поддержке финнов. Так, сенаторы Ч.Макнари, Ф.Таунсенд и член палаты представителей К.Рид выступили против импорта советского золота. Таунсенд заявил, что США, покупая у России золото, финансируют ее войну с финнами. Рид высказался еще резче, считая, что Соединенные Штаты помогают России разбить Финляндию. На доллары, вырученные от продажи золота, СССР покупает в США оружие, что, по мнению Рида, необходимо пресечь [10].

Разрыв дипломатических отношений с СССР в связи с "зимней войной" рассматривался некоторыми конгрессменами посредством принятия поправки о прекращении финансирования посольства США в Москве. Так, член палаты представителей Т.Мартин считал, что прекращение дипломатических отношений с Советским Союзом продемонстрирует расположение Соединенных Штатов к Финляндии [11]. Имели место и высказывания других конгрессменов в поддержку этого решения. Но ряд членов конгресса остановили сторонников радикальных мер в отношении СССР серьезными рассуждениями о стратегических интересах соединенных Штатов. Конгрессмен Л.Джонсон, в частности, объяснил коллегам, что единственный вопрос, который они должны рассмотреть, заключается не в том, плох или хорош коммунизм, мудро или нет поступили США, признав, сохраняет или нарушает Россия взятые обязательства. Главный вопрос, по мнению Джонсона, звучит следующим образом — принесет ли отзыв американского посла из СССР пользу Соединенным Штатам. Сам же Джонсон считал, что результат будет отрицательным. Конгрессмен Г.Рейнберн, призывая сохранить дипломатические отношения с СССР, указал, что никто не поднимает вопрос об отзыве американского посла из Германии, в то время как Гитлер и Сталин действуют сходным образом [12]. В этом ключе выступали конгрессмены С.Блум, Э.Колдвелл, Г.Саммерс. В итоге возобладала более умеренная позиция. 7 февраля 1940 г. в палате представителей состоялось голосование по предложению об отзыве из Москвы американского посла, и лишь трех голосов не хватило для его принятия [13].

В Конгрессе существовало мнение, что Америка может оказать помощь Финляндии, но при этом не должна сама быть втянута в войну. Эта мысль хорошо просматривается в выступлении конгрессмена С.Изка, который пророчил мрачные перспективы для США после

предполагаемого разгрома Советским Союзом Финляндии, Швеции и Норвегии. Заявив, что границы США проходят по Карельскому перешейку, он в качестве радикальной меры предложил помочь Финляндии только без участия американской армии [14]. Американское общество в силу изоляционистских традиций очень осторожно относилось к любым потенциальным возможностям вступления США в военные конфликты. Поэтому вопрос института Гэллага от 7 февраля 1940 г. по поводу помощи Финляндии был предварен следующим предупреждением: "Одни члены конгресса поддерживают правительство в деле выделения денег Финляндии для закупок сельхозпродуктов, а также высказываются за оказание иных видов помощи невоенного характера. Другие же полагают, что это может ввергнуть нас в войну". Только 58% американцев поддержали идею выделения денежного займа [15]. Это сравнительно невысокий процент, учитывая, что по опросам того же института в декабре 1939 г. 88% граждан США выразили свои симпатии Финляндии и только 1% - Советскому Союзу [16]. Тем не менее обсуждение в Конгрессе вопросов, возникших в связи с советско-финляндской войной, значительно усиливало негативное отношение к Советскому Союзу в американском обществе. Необходимо также учитывать, что конгрессмены не только высказывали свои точки зрения, но и стремились отразить взгляды избирателей.

Помощь Финляндии была оказана. В январе 1940 г. конгресс США одобрил продажу финнам 10 тыс. винтовок, в Хельсинки была послана большая группа американских летчиков, поощерялся набор добровольцев, причем Белым домом было заявлено, что вступление американских граждан в финскую армию не противоречит закону о нейтралитете США [17]. Денежные займы на общую сумму 30 млн. долларов, выделенные Соединенными Штатами Финляндии, все же были ограничены рамками закона о нейтралитете и могли быть использованы только для гражданских закупок [18]. В целом США поставили в Финляндию 44 самолета, 232 орудия, 2 тыс. пулеметов, 350 тыс. снарядов, 150 тыс. гранат, 68 млн. патронов и другие военные материалы, встав в один ряд по размерам поставок с Англией, Францией и Швецией [19].

В течение исследуемого периода часть законодателей рассматривала СССР как угрозу демократической цивилизации. Ставя в пример судьбы Польши, Финляндии, Балтийских стран, они вновь заговорили о Советском Союзе как о державе, готовой принести коммунистическую идеологию в другие государства с

помощью штыков. 25 января 1940 г. сенатор У.Кинг напомнил: "Большевистское правительство никогда не скрывало намерений распространить свою власть на весь мир. Путь к господству коммунистов лежит через гибель демократических наций" [20].

Выступление сенатора совпадало с общим настроением консервативной печати. Так, "Чикаго трибюн" в декабре 1939 г. в панике писала о том, что "начинается величайшая катастрофа. Европе угрожает нашествие гуннов. Азиатские орды снова собираются у европейских границ во главе с лидером, чья жестокость не имеет аналогов в истории" [21]. Подобные настроения имели место среди рядовых американцев, но в целом действия Гитлера представлялись гражданам США более опасными [22].

Американская пресса заинтересовалась уровнем обороноспособности СССР. В июне 1940 г. в "Чикаго дейли ньюс" и в "Нью-Йорк пост" были опубликованы заметки Л.Стоуна, первого американского репортера, посетившего Советский Союз после финской войны. Стоун, изучив обстановку в СССР, сделал удивительный вывод: "В Советской России нет ни промышленных, ни сельскохозяйственных условий для участия в большой войне в настоящее время" [23]. Именно в этот период Советский Союз предпринимал значительные усилия по укреплению обороноспособности страны. Делая скидку на трудности работы иностранных корреспондентов в СССР, о которых подробно пишет американский исследователь Р.Десмонд [24], мы не можем не выразить сомнение в компетентности репортера в данных вопросах. Газета "Дейли Уоркер" в эти месяцы давала большие подборки материалов и фотографий, перепечатанных из советской прессы, о Красной Армии, промышленности, сельском хозяйстве СССР, обсуждала переход предприятий на новый режим работы.

Но наиболее показательным моментом влияния советско-финской войны на либеральную общественность США было изменение позиций по отношению к СССР основных либеральных периодических изданий "Нейшн" и "Нью рипаблик".

После начала советско-финляндской войны редактор "Нейшн" Ф.Кирчвей написала: "Ужасы, которые фашизм творил в Испании, повторяются в Финляндии под ширмой мира и социализма" [25]. Советско-финляндский военный конфликт прояснил международную ситуацию для редакторов "Нью рипаблик" Б.Бливена и Л.Соула, которые оценивали все предыдущие шаги Советского Союза — пакт Молотов-Риббентроп, раздел

Польша, размещение советских военных баз в Финляндии — как заботу о собственной безопасности. "Вторжение Советского Союза в Финляндию — рассчитанная и неспровоцированная агрессия огромного государства против маленького соседа, — писали они в декабре 1939 г. — Жестоким нападением на хорошо управляемую, интеллигентную нацию, вызывающую восхищение у всего мира своей сильной и прогрессивной культурой, Советский Союз принес беды не только финнам, но и создал проблемы мировому коммунистическому движению и, в конечном счете, самому себе" [26]. Наряду с "Нейшн" журнал Бливена и Соула включился в широкую кампанию осуждения СССР и поддержки Финляндии.

Вместе с тем не все леволиберальные деятели США единодушно осудили Советский Союз. Так, Теодор Драйзер не поверил в агрессию СССР против Финляндии и считал виновниками конфликта правительства Англии, Франции и самой Финляндии. "Бедная маленькая Финляндия! Огромная ужасная империалистическая Россия! — восклицал он в письме Д.Смит в марте 1940 г. — Но только эта страна дала рабочему классу (а не классу бездельников) благоприятные возможности. А несведущие финны, ведомые купленным и проданным правительством, шли умирать за него. Строительство линии Маннергейма в маленькой Финляндии с населением 3 400 000 человек не объясняется страхами и не соответствует возможностям такого количества людей. ... Почему Англия желает атаковать Россию? В российской советской системе Англия впервые в своей истории встретила силу, которой она действительно боится и желает ее уничтожить. Ради этого она уже пожертвовала демократической Испанией, социалистической Австрией, демократической Чехословакией, капиталистической Польшей и демократической Финляндией. И все это делалось под видом спасения демократии" [27].

Широкую известность приобрел ответ Драйзера Г.Гуверу по поводу сбора средств в поддержку Финляндии. Бывший президент предложил писателю поддержать данную кампанию, на что последний ответил, что он не принадлежит к парадному выезду американской пропагандистской машины. Аргументируя свой отказ, Драйзер напомнил Гуверу о том, что ни абиссинцам, ни китайцам, пострадавшим от агрессии, подобная помощь не предлагалась. Кроме того, писал он, ни единого слова не слышно об оказании соответствующей помощи миллионам безработных и голодающих американцев [28].

Война СССР с Финляндией вызвала большое возмущение в религиозных кругах. Финский народ, исповедовавший в большинстве своем лютеранскую религию, был близок по духу американским протестантам. Слово "Финляндия" произносилось во многих церквях, собирались пожертвования в пользу финского народа, а священнослужители всех конфессий использовали кафедры для осуждения Советского Союза и превозносили храбрость финнов. Журнал "Радикал релижен", выпускаемый Р.Нибуром, уже в те годы достаточно широко известным религиозным и общественным деятелем [29], дал высокую оценку достижениям Финляндии в строительстве демократии и тем самым опроверг советские обвинения по адресу финнов в наличии у них фашистского режима [30]. Таким образом, американские протестанты быстро расстались с имевшимися у них иллюзиями в отношении СССР. Либеральная протестантская мысль в данной области стала адекватна католической, изначально рассматривавшей Советский Союз как порождение дьявола.

Война между Советским Союзом и Финляндией была наиболее тяжело воспринята сторонниками Советского Союза. Чтобы как-то сгладить ее негативное воздействие, компартия США доказывала, что имеет место революционный процесс, ведущий к освобождению финского народа от полуфашистского продажного правительства. "Дейли уоркер", информируя читателей о начале войны, сразу же сообщила о создании "Народного правительства Финляндской Демократической Республики" [31] во главе с Отто Куусиненом. Другим доказательством правомерности участия СССР в войне против маленького соседнего государства коммунисты считали сотрудничество Финляндии с крупнейшими империалистическими державами мира, не оставлявшими надежд в течение последних двадцати лет на уничтожение существовавшего строя в СССР. Убеждая в этом читателей, "Дейли уоркер" опубликовала в одном из своих декабрьских номеров полные политического сарказма стихи Джека Кента. В них Финляндия называлась хвостом британского льва, который сел на огромный гвоздь и кричит как раздавленный. Автор едко замечает, что в те дни, когда Испанию сметали с лица земли бомбардировщики, этого разрывающего сердце крика слышно не было. Молчали и Гувер, и Морган и Невилл (Н.Чемберлен — Авт.), когда Гитлер захватывал Чехословакию. А сейчас они бьют тревогу и льют фальшивые слезы [32].

В этом сжатом стихотворном изложении взглядов американских коммунистов на моральный аспект кампании в защиту Финляндии есть немалая доля истины. Вместе с теми, кто действительно был возмущен действиями СССР и серьезно обеспокоен судьбой Финляндии, в кампанию включились политические силы, которым была безразлична участь маленькой страны. Их главная цель состояла в том, чтобы как можно сильнее опорочить СССР в глазах общественности. Иначе как объяснить факт, подмеченный "Дейли уоркер" в номере от 23 декабря 1939 г. Речь шла о публикации в прессе Херста фотографии убитых детей. Подпись под ней гласила, что это финские дети, погибшие в результате налета советской авиации. Но фотография оказалась хорошо известна коммунистам. Она была сделана ранее в испанском городе Барселона после атаки франкистских бомбардировщиков [33].

В целом, информируя читателей о ходе советско-финляндской войны и ее причинах, коммунистическая пресса США следовала все той же тактике осуждения капиталистических государств за их желание расправиться с социализмом. Американские коммунисты были уверены, что провокации со стороны Финляндии и последовавшие военные действия — это новая попытка наступления на социалистическое государство извне, в котором участвуют Англия и Франция. Предыдущая попытка, исходившая со стороны Гитлера, была сорвана умелыми дипломатическими действиями СССР.

Таким образом, советско-финский военный конфликт оказался в центре внимания политических, общественных, религиозных деятелей, различных партий и организаций. Общая оценка американцами действий Советского Союза оказалась негативной. Отдельные высказывания в пользу СССР с учетом всей сложности международной обстановки того времени тонули в хоре голосов, осуждавших агрессию. Такое, почти единодушное осуждение американской общественностью Советского Союза было крайне опасно для советско-американских отношений, ставших к тому времени весьма прохладными. Негативный имидж СССР в американском обществе мешал видеть Москву в качестве потенциальных союзника в борьбе с нацистской Германией, и, возможно, с Японией.

Конец 1939 — начало 1940 гг. — период, в ходе которого, в целом, закончилось формирование тоталитарного имиджа СССР.

Журнал "Тайм" назвал человеком 1939 г. И.В. Сталина и поместил его портрет на обложку. Человеком 1938 г. был Гитлер. В американском общественном сознании укрепился стойкий негативный стереотип Советского Союза. Даже союзнические отношения в ходе второй мировой войны не смогли сколько-нибудь существенно его изменить. Противостояние СССР и США в годы "холодной войны" опиралось не только на послевоенные реалии, но и на укоренившийся в американском обществе образ агрессивного советского государства.

В современных условиях, когда русско-американские отношения опираются только лишь на позитивный опыт последнего десятилетия, очень легко восстановить при помощи современных средств массовой информации в американском сознании в полном объеме те представления о нашей стране, которые усиленно формировались в предвоенное и послевоенное время. Наследие прошлого по-прежнему значимо в отношениях между Россией и США и требует постоянного изучения и учета в двусторонних отношениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lovenstein M. American Opinion of Soviet Russia. Washington, 1941; Warren F. A. Liberals and Communism. The «Red Decade» Revisited. - Bloomington; London, 1966; Roy R.L. Communism and Churches. - N.Y., 1960; Filine P.G. American Views of Soviet Russia, 1917 - 1965. - Homewood [Ill.], 1968; Levering R.B. American Opinion and the Russian Alliance, 1939 - 1945. - Chapel Hill, 1976; Grason B.L. The American Image of Russia, 1917 - 1977. - N.Y., 1978; Lifka T.E. The Concept «Totalitarianism» and American Foreign Policy, 1933 - 1949. In 2 vol. - N.Y.; London, 1988; Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. — Л., 1989; Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны, 1941 - 1945. - Воронеж, 1995; Позняков В.В. Американское общественное мнение и советско-американские отношения в годы второй мировой войны: Автореф. канд.дисс. - М., 1991, Фельдт А.Е. Общественное мнение США о Советском Союзе, 1937 - июнь 1941 гг. Автореф. канд. дисс. - СПб., 1993. и др.
2. Markel L., Boldwin H., Cortesi A. Public Opinion and Foreign Policy. — N.Y., 1949. - P. 23.
3. Lifka T.E. The Concept "Totalitarianism" and American Foreign Policy, 1933 — 1949. Vol. 1. — P. 70.

4. Gerberding W.P. Franklin D. Roosevelt's Conception of the Soviet Union in the World Politics. A Diss. — Chicago, 1959. P. 70.
5. Gerberding W.P. Franklin D. Roosevelt's Conception of the Soviet Union in the World Politics. A Diss. — Chicago, 1959. P. 71.
6. The Public Papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol.- 1945 vol./Ed. by S.I. Roseman. — N.Y.; London, 1938 — 1950. 1940 vol. - N.Y., 1941. — P. 85-94.
7. Bohlen Ch.E. The Transformation of American Foreign Policy. — N.Y., 1969. — P. 63.
8. Ibidem.
9. История США: В 4-х т. — Т. 3. — С.320.
10. Cohen I.S. Congressional Attitude Towards the Soviet Union, 1917 — 1941. -Chicago, 1955. - P.72.
11. Ibidem. — P.73.
12. Ibidem. — P.75.
13. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии (1939 — 1941). — М., 1992. — С.183.
14. Cohen I.S. Congressional Attitude Towards the Soviet Union, 1917 — 1941. - P.77.
15. The Gallup Poll. Hublic Opinion. — Vol.I (1935 — 1948). - P.9.
16. Ibidem.
17. Семиряга М.И. Указ. соч. — С. 186.
18. Finland and World War II / Ed. by J.H.Wuorinen. — N.Y., 1948. — P.68.
19. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. — Л., 1989. — С.107-108.
20. Cohen I.S. Congressional Attitude Towards the Soviet Union, 1917 — 1941. - P.79.
21. Levering R.B. American Opinion and Russian Alliance, 1933 — 1945. - P.33.
22. Manning D.J. Soviet-American Relations, 1929 — 1941: The Impact of Domestic Considerations on Foreign Policy Decision-making. — Michigan State University, 1978. — P.347.
23. Time. — 1940. June 10. - P.36.
24. Desmond R.W. Crisis and Conflict: World News Reporting Between Two Wars, 1920 — 1040. Iowa, 1982. — P.33-34.
25. Warren F. Liberals and Communism. The "Red Decade" Revisited. - P. 193-194.
26. Filene P.G. American Views on Soviet Russia, 1917 — 1965. P. 137.
27. Kennell R.E. Teodore Driser and Soviet Union, 1927 — 1945. — N.Y., 1969. — P.280.
28. Из истории международной солидарности. Документы и материалы. Солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938 — 1945). — М., 1962. — С.223-224.

29. Кислова А.А. Социальное христианство в США: Из истории общественной мысли 90-е годы XIX – 30-е годы XX в. - М.,1974. – С.146.
30. Roy R.L. Communism and Churches. – N.Y., 1960. - P.150.
31. Daily Worker. 1939. December 2.
32. Daily Worker. 1939. December 16.
33. Daily Worker. 1939. December 23.

СОСТАВ ПЕРСИДСКОЙ АРМИИ IV В. Н.Э. В ИЗВЕСТИЯХ РИМСКОГО ИСТОРИКА АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Информация о персидской армии, ее структуре и организации занимает в сочинении Аммиана Марцеллина [1] далеко не последнее место как по своему объему, так и по тому значению, которое сам автор придавал данному вопросу. Аммиан считает себя прежде всего «бывшим солдатом» (*miles quondam*) (XXXI. 16. 9), и во многом именно профессиональным интересом можно объяснить то поистине пристальное внимание, которое историк уделяет описанию войска главного восточного противника Римской империи в IV веке — сасанидского Ирана.

Следует отметить достоверность данных, приводимых Аммианом Марцеллином о современных ему событиях и явлениях. Он сам принимал непосредственное и активное участие в боевых действиях на восточных рубежах Римского государства на завершающем этапе римско-персидской войны 338 — 363 гг. (в кампании 359 г. и персидском походе императора Юлиана в 363 г.), а потому главным источником Аммиана при описании им сасанидской армии были прежде всего его личные наблюдения. Этому в немалой степени способствовало и то, что Аммиан Марцеллин, вероятно, знал персидский язык [2] и, следовательно, мог напрямую общаться с персами (как состоявшими на службе римских императоров, так и военнопленными). Если же сам Аммиан не присутствовал при описываемых событиях или не принимал в них прямого участия, то он использовал свидетельства их участников и очевидцев, с которыми ему удалось побеседовать лично (XV. 1. 1). Все это свидетельствует о высокой степени объективности и надежности «Деяний» как источника по истории взаимоотношений Рима и Ирана в IV веке.

Следует отметить, что в зарубежной исторической науке чуть ли не до середины XX в. Аммиана Марцеллина, как правило, считали компилятором и не придавали его труду серьезного самостоятельного значения (здесь, прежде всего, следует назвать В. Гардтхаузена, Т. Моммзена, О. Зеека) [3]; лишь с конца 1920-х гг. [4], а особенно

после выхода в свет в 1947 г. работы английского исследователя Э. Томпсона «Исторический труд Аммиана Марцеллина» [5] оценки творчества Аммиана стали более взвешенными. В целом нужно признать, что зарубежные исследователи уделяли и уделяют Аммиану Марцеллину огромное внимание — работы, посвященные ему и его творчеству, исчисляются многими десятками, а то и сотнями. В отечественной же историографии в отношении Аммиана и его творчества проявлялся крайне незначительный интерес [6].

Итак, что касается непосредственно структуры персидского войска, то ее, исходя из содержания «Деяний», представляется возможным охарактеризовать по двум основным направлениям: по родам войск и по этнической принадлежности личного состава. Кроме того, Аммиан приводит ряд сведений, демонстрирующих влияние социальной структуры сасанидского общества на состав персидской армии.

Основываясь на данных Аммиана, у персов можно выделить два основных рода войск — кавалерию и пехоту; несколько особняком стоят отряды боевых слонов, которые также довольно часто использовались персами в военных действиях (XIX. 2. 3; 7. 7; XXIV. 6. 8; XXV. 1. 14 — 15; 3. 4; 3. 11; 6. 23).

В то же время кавалерия персов не была однородной. Аммиан особо выделяет отряды тяжелой конницы, или катафрактарыев (*catafractarii*) (XVII. 8. 3 — 7; XIX. 7. 4; XXV. 1. 12; 3. 4; XXIX. 1. 1), называя их иногда «закованной в железо конницей» (XIX. 1. 2) и «конными воинами в броне» (XIX. 2. 2). Катафрактарыи, как видно из слов Аммиана Марцеллина, играли роль основной ударной силы в армии персов. Судя по сведениям историка, именно в тяжелой кавалерии служили представители персидской знати. В одном из мест «Деяний» содержится сообщение о том, что в коннице «несет службу вся их [персов — **В.Д.**] знать» (*desudat nobilitas omnis et splendor*) (XXII. 6. 83). Аммиан не уточняет, о какой коннице идет речь — о тяжелой или легкой, но, поскольку нигде в «Деяниях» не говорится о службе персов в легкой коннице, вывод об аристократическом составе персидской тяжелой кавалерии не подлежит сомнению [7].

Кроме катафрактарыев, Аммиан Марцеллин упоминает (хотя и гораздо реже) легкую конницу, игравшую по отношению к первым явно второстепенную, вспомогательную роль (XXIII. 3. 4; XXIV. 3. 1; 4. 7; 7. 7). Историк отмечает, что в рядах легкой кавалерии персов служили отряды сарацин (XXV. 1. 3). Видимо, боевые качества

арабской конницы персы смогли оценить задолго до битвы при Кадиссии.

Пехота персов также была разнородной по составу. Наиболее часто Аммиан Марцеллин упоминает лучников (XIX. 5. 1; 5. 5; 6. 9; XX. 6. 6; 7. 6; 11. 9, 13; XXIV, 2. 8, 15; 3. 14; XXV. 1. 13, 17 — 18; 3. 11; XXIX. 1. 1), чьим искусством, как он отмечает, «испокон сильны были персы» (XXV. 1. 13). Наряду с лучниками историк говорит о пращниках (XIX. 5. 1; XX. 11. 9; XXIV. 2. 15), а также копейщиках (XXV. 1. 13).

О других категориях пехотинцев Аммиан Марцеллин прямо не упоминает, но, исходя из его данных, с большой долей вероятности можно говорить еще об одном подразделении в составе пешего войска персов, а именно — об отрядах солдат, обслуживавших военную технику, и прежде всего — баллисты (XIX. 2. 8; 7. 2, 5, 7; XX. 6. 3; 7. 9). Наиболее отчетливо присутствие в персидской армии подразделений, обслуживавших осадные орудия, прослеживается по данным, приведенным Аммианом при описании взятия Шапуром II крепости Сингары в 360 г. Историк проводит достаточно четкую границу между отдельными категориями воинов, обслуживавших осадные приспособления, и остальной массой войска. В частности, он сообщает, что по сигналу царя «одни солдаты несли лестницы, другие готовили осадные орудия, а главная масса под прикрытием фашин и штурмовых щитов старалась приблизиться к стенам...» (XX. 6. 3).

В целом положение пехоты в персидском войске следует признать весьма приниженным. Аммиан указывает, что «пехотинцы, будучи вооруженными по образцу мирмиллонов, выполняют обязанности крестьян (*jussa faciunt ut colones*). Они толпой следуют за конницей, как будто бы приговоренные к вечному рабству (*addicta perenni servitio*), не будучи никогда вознаграждаемы ни жалованьем, ни подарками» (XXIII. 6. 83); похожее описание пешего войска персов дает и Лактанций: персы, по его словам, «отправлялись на войну со всем своим скарбом беспорядочной толпой с обозами захваченного добра» [8]. Аммиан подчеркивает, что именно пехота выполняла у персов тяжелую и неквалифицированную работу (например, возводила земляные валы (XIX. 6. 6)). Это замечание согласуется с данными Прокопия Кесарийского, так характеризовавшего персидскую армию: «Вся их [персов — **В.Д.**] пехота — ничто иное, как толпа несчастных крестьян, которые идут с войском только для того, чтобы подкапывать стены, снимать

доспехи с убитых и прислуживать воинам в других случаях. Поэтому у них нет никакого оружия, которым они могли бы причинить вред неприятелю; а свои огромные щиты они выставляют вперед только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий» [9].

Последний род войск, о наличии которого у персов не раз говорит Аммиан Марцеллин, — это боевые слоны, управлявшиеся восседавшими на них воинами (XIX. 2. 3), вооруженными ножами с длинной рукоятью, необходимыми для нейтрализации животного, взбесившегося от полученных во время боя ран (XXV. 1. 15). Аммиан пишет, что в случае, если с разъярившимся животным справиться было уже невозможно, вожак сильным ударом рассекал ему позвоночник в месте его соединения с черепом (XXV. 1. 15), поступая так же, как когда-то поступали воины Гасдрубала [10]. Боевые слоны, несмотря на огромный, фактически — многовековой опыт борьбы с ними, накопленный римской армией еще со времен Пирровой войны, производили на противника ошеломляющее впечатление. Аммиан, прошедший на военной службе многие годы, даже спустя десятилетия не может спокойно писать о слонах в армии Шапура II: «Страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолимый ужас» (XXV. 1. 14); «морщинистые чудовища представляли собой... ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх» (XIX. 2. 3); их «рев и ужасный вид... являются самым страшным, что может себе представить человек» (XIX. 7. 7); «слоны, как перемещающиеся горы, ...грозили гибелью приближавшимся, наводя страх» (XXIV. 6. 8). Справедливости ради нужно отметить, что римские солдаты все же владели способами борьбы с этими животными, о чем сообщает, кстати, и сам Аммиан (XXV. 6. 2 — 3; XIX. 7. 7).

Таким образом, в армии Шапура II, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, можно выделить три основных рода войск: кавалерию, пехоту и отряды боевых слонов. Первые два, как было показано выше, не были однородны, и их можно разделить еще на ряд категорий, различающихся по своим функциям.

Вторым основанием для анализа состава персидской армии является этническая принадлежность ее личного состава. В данном отношении Аммиан немногословен, но определенные сведения на сей счет в его сочинении все же имеются. Судя по данным Аммиана, основную массу армии Сасанидов составляли персы. Может показаться странным, что напрямую об этом историк нигде не

говорит; вероятнее всего, для Аммиана это было очевидным фактом, не нуждающимся в особой констатации. По тому, что Аммиан постоянно называет все вражеское войско персидским или просто персами, это предположение, на наш взгляд, можно считать вполне обоснованным (XVI. 9. 1; XVIII. 8. 3, 11, 12; XIX. 2. 3, 8, 11; 5. 5; 6. 13; 8. 1, и т.д.). Интересно, что иногда (XX. 4. 2; XXI. 7. 1, и др.) историк называет противника не персами, а парфянами. Вероятно, причиной этого является представление автора «Деяний» о непрерывности истории Парфянского царства вплоть до IV в. Для Аммиана нет разницы между сасанидским Ираном и Парфией (XXIII. 6. 4), а династия Аршакидов для него по-прежнему является правящей (XXIII. 6. 6). Кроме того, в отождествлении персов с парфянами явно прослеживается сложившаяся в римской исторической литературе традиция. Так, например, парфянами названы персы в одном из галльских панегириков, произнесенном в 296 г. [11], у Евтропия [12], Синезия Киренского [13]. Нечто подобное можно найти уже у Геродота, часто называющего персов мидянами [14].

Что касается количественного соотношения родов войск, то основная масса воинов, судя по данным Аммиана, входила в состав пехоты (XXIII. 6. 83); кавалерия включала меньшинство персов, ибо, как было отмечено выше, в ней служили только представители знати (XXIII. 6. 83), однако и она была довольно многочисленна (XIX. 2. 2; 7. 3).

Помимо собственно персов, в войске Шапура II Аммиан выделяет подразделения, сформированные из других народов, проживающих как на территории Персии, так и вблизи ее границ. Собираательно они названы «дикими» (*ferae*) (XIV. 3. 1; XVIII. 4. 1; XIX. 2. 12), «соседними» (*vicinae*) (XVIII. 6. 22; XXVII. 12. 18) или «разными» (*diversae*) (XIX. 1. 3) племенами. Отношения между этими «соседними племенами» и персами в военно-политической сфере были нестабильны. Аммиан Марцеллин пишет, что «дикие народы... в своем изменчивом настроении часто наступают на него [Шапура II — **В.Д.**], а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь» (XIV. 3. 1).

Какие же народы имеет в виду Аммиан Марцеллин, говоря об участии их в войнах с Римом на стороне персов? Прежде всего, сюда следует отнести хионитов, с которыми в 358 г., после довольно долгой войны, Шапур заключил мирный договор (XVII. 5. 1); его результатом и явилось участие хионитов во главе с царем Грумбатом

в войне Шапура II против Рима (XVIII. 6. 22). Как составная часть персидской армии, отряды хионитов упоминаются Аммианом трижды, и все эти упоминания связаны исключительно с событиями, происходившими под Амидой в 359 г. (XVIII. 6. 22; XIX. 1. 7–8; 2. 3). Из этого следует, что присутствие хионитов в сасанидском войске было, скорее всего, эпизодическим, нежели постоянным.

Кроме хионитов в армии Шапура II под Амидой находились также албаны (XVIII. 6. 22; XIX. 2. 3) и сегестанцы — «самые храбрые из всех воины» (XIX. 2. 3). Можно предположить, что, помимо представителей указанных выше племен, совместно с персами воевали также отряды геланов (хотя Маркварт считает, что этноним «*Gelanis*» (XVII. 5. 1) в рукописях следует читать «*Segestanis*» — т.е. сегестанцы [15]) и некие загадочные «евсены», которых обычно отождествляют с кушанами [16]. Предположение о наличии в армии Шапура II под Амидой кушан может быть обосновано тем, что в конце 350-х гг. Шапур воевал не только с хионитами, но и с «евсенами» (кушанами) (XVI. 9. 4), а потому их присутствие в армии персов наряду с отрядами хионитов после заключения мира с Персией выглядит достаточно логично. О том же, что в персидское войско вполне могли входить и геланы, говорит упоминание Аммиана о возможном союзе между ними и Шапуром II (XVII. 5. 1).

Упомянут в «Деяниях» еще один народ, представители которого воевали против Рима совместно с персами — это сарацины (XXIV. 2. 4; XXV. 1. 3; 6. 9–10). Судя по сведениям Аммиана, сарацины предоставляли персам отряды легкой конницы (XXV. 1. 3). Присутствие в персидской армии сарацин тоже не было постоянным, т.к. Аммиан говорит об относительно недавнем появлении их отрядов у персов, да и то лишь по причине отказа императора Юлиана выдать причитающиеся им жалованье и подарки (XXV. 6. 10); в других же местах Аммиан прямо упоминает отряды сарацин как подразделения на службе у римских императоров (XIV. 4. 6; XXXI. 16. 5–6). Н.В. Пигулевская по этому поводу отмечала, что «в IV в. арабские племена Передней Азии, включая Аравийский полуостров, не находились в такой постоянной и тесной зависимости от Восточно-Римской империи и Ирана, как это имело место в последующие века. Они оказывали помощь и служили в качестве *auxilia* то одной, то другой стороне, но не было еще утвердившейся закреплённой позиции союза арабских племен в качестве буферного государства, подчиненного одной или другой державе» [17].

Таким образом, Аммиан Марцеллин называет, по меньшей

мере, четыре народа, воинские контингенты которых служили в войске Шапура II кроме самих персов. Это хиониты, албаны, сегестанцы и сарацины; присутствие в нем кушан и геланов находится под вопросом. Как нетрудно заметить, почти все они населяли области по соседству с сасанидской державой, т.е. не являлись подданными Сасанидов. Следует ли из этого, что представители других народов, проживавших на территории персидского государства кроме самих персов, не служили в сасанидской армии? Хотя источники не позволяют рассмотреть этот вопрос полностью и разносторонне, на него, скорее всего, следует дать отрицательный ответ. В источниках почти всегда говорится о значительной численности персидской армии (называются цифры в десятки и даже сотни тысяч воинов), и одним персам собрать такое войско было бы явно не под силу. Кроме того, длившиеся весь IV век практически непрерывные войны сопровождалась значительными потерями, восполнить которые можно было лишь с использованием людских ресурсов всей сасанидской державы, а не только Парса. Чем же в таком случае можно объяснить тот факт, что из всего многонационального сасанидского войска Аммиан особо выделяет сегестанцев? Это исключение, на наш взгляд, может быть объяснено особым положением Сегестана (Сакастана, Сеистана, Систана), оформившимся еще в парфянскую эпоху и выразившимся, например, в том, что он управлялся родственниками персидского шаханшаха [18]. По всей видимости, Аммиан знал о каких-то особенностях статуса Сегестана в составе Персидского царства, что и отразилось в его сочинении.

Таким образом, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, можно сделать вывод, что по своему составу войско Сасанидов было типичным примером переднеазиатской армии позднеантичного периода. Главной ударной силой в нем являлась тяжелая кавалерия, состоявшая из представителей знати; пехота же выполняла вспомогательные функции, играя второстепенную роль. Хотя Аммиан изображает сасанидское войско в основном персидским, все же по своему этническому составу оно было довольно пестрым и включало значительные воинские контингенты, сформированные из представителей подвластных и союзных персам народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt. Vol. 1 – 4. Lipsiae, 1978. Есть русский перевод: Аммиан Марцеллин. История / Пер. с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1 – 3. Киев, 1906 – 1908.
2. Gardthausen V. Die geographische Quellen Ammians. Leipzig, 1873. S. 511, 521.
3. Gardthausen V. Die geographische Quellen Ammians. Leipzig, 1873; Mommsen Th. Ammians Geographica // Hermes. Bd. 16. 1881. S. 602 – 363; Seeck O. Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus // Hermes. Bd. 41. 1906. S. 481 – 539.
4. Stein E. Geschichte des spätromischen Reiches. Bd. 1. Vom Römischen zum Byzantinischen Staate (284 – 476 n. Chr.). Wien, 1928. Э. Штайн, в частности, полагал, что Аммиан Марцеллин являлся «самым великим литературным талантом, появившимся на историческом небосклоне между Тацитом и Данте» (Ibid. S. 33).
5. Tompson E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947.
6. В отечественной историографии, за исключением статей В.И. Холмогорова (Римская стратегия в IV веке у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 87 – 97), В.С. Соколова (Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // Вестник древней истории. 1959. № 4. С. 43 – 62), В.Д. Нероновой (Аммиан Марцеллин о варварах // Ученые записки Пермского государственного университета. 1966. № 143. С. 71 – 101), З.В. Удальцовой (Мировоззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. 1968. Вып. 28. С. 38 – 58), А.П. Каждана (Аммиан Марцеллин в современной зарубежной литературе // Вестник древней истории. 1972. № 1. С. 223 – 232) и И.Е. Ермоловой (Об эпиклезе таврского божества у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. 1998. № 2. С. 129) специальные глубокие научно-исторические исследования, посвященные изучению творчества Аммиана Марцеллина, практически отсутствуют.
7. См. также: Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 290.
8. Лактанций. О смертях преследователей. VIII. 5.
9. Прокопий Кесарийский. Война с персами. I. 14. 25–26.
10. Тит Ливий. История от основания Города. XXVII. 49.
11. Panegyrici latini. 5. 3.
12. Eutropius. Breviarium historiae Romanae. X. 8. 2.
13. Синезий Киренский. О царстве. 16.
14. Геродот. История. VII. 205–207, 210, 211 и др.
15. Marquart J. Ebnāṣahr nach der Geographie des Pseudo-Moses Xorenac'i. Berlin, 1901. S. 36.
16. См. напр.: Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник

- древней истории. 1959. № 1. С. 134; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. С. 401. Однако некоторые исследователи возражают против такого отождествления (см. напр.: Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941. С. 35). Подробнее о гипотезах происхождения хионитов и эфталитов см.: История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н.э. М., 1963. С. 413 — 416.
17. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в VI — IV вв. М. — Л., 1964. С. 30.
18. Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire. Vol. 1. Berlin, 1924. P. 43; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. С. 288.

А. Н. Кирпичников

РУССКИЙ РАЗЛАД.

По материалам одной семейной хроники

Моя старшая дочь Лена нашла в своей квартире старый портфель с семейными документами, которые я считал пропавшими. Бумаги касались моей матери Марии Ивановны Кирпичниковой, погибшей в 1943 г. в блокированном Ленинграде.

Лето того военного года запомнилось грохотом постоянных разрывов. Немецкая армия, убедившись, что город не сдастся, с дьявольской жестокостью вела огонь из дальнобойных орудий, круша все подряд. Один из снарядов попал во двор военного завода № 181, который располагался на Выборгской стороне. Мать, заводской врач, в тот момент шла на обед. Осколки изрешетили женщину. Она умерла на операционном столе. Ее истерзанное тело, я, тогда школьник 6-го класса средней школы, увидел в коридоре больницы среди убитых в тот день. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами. В первый, самый страшный год блокады Ленинграда, - зиму 1941-1942 гг. - мать спасла меня и отца от голодной смерти. Будучи находчивой и энергичной женщиной, она за хлеб отдала все сколько-нибудь ценные вещи. Мы выжили, еще не зная, что скоро потеряем свою спасительницу.

Документы из найденного портфеля поведали о молодых годах Маши Кирпичниковой, в девичестве Олисовой, о которых она никогда не рассказывала. Причины этого молчания станут ясны ниже.

Маша Олисова. Петроград. Около 1916 г.

**Мария Ивановна Кирпичникова (урожденная Олисова).
Ленинград. 1920-е годы.**

**Семья эмигрантов из Петрограда.
В верхнем ряду, в центре - В.А.Олисова. Лондон. 1922 год.**

С.В.Колибаев в С.-Петербурге. Июнь, 2001 год.

Оказавшись, примерно в 1915 г., в Петрограде, Маша Олисова, по происхождению из крестьян Оковецкого уезда Тверской губернии, стала работать в одной из наиболее модных мастерских по шитью женской одежды, находившейся на Морской улице в доме 14 в центре города. Дом, где некогда была мастерская-одновременно магазин, сохранился поныне. Это представительное здание, построенное в первой четверти XIX в. по проекту известного архитектора В.П. Старова. Само расположение мастерской в этом доме рядом с Невским проспектом указывает на определенную состоятельность владельца портновского заведения. Им был Владимир Антипович Олисов, также выходец из крестьян Тверской губернии, приходившейся Маше дядей. Владимир Антипович оказался самым предприимчивым из четырех братьев своей семьи. "Выбился в люди" и основал дело, которое стало процветать.

Нам мало что удалось бы узнать о деятельности В.А.Олисова, если бы не публиковался необычайно подробный справочник "Весь Петербург". В этом ежегодном издании (с помощью сотрудницы Библиотеки Академии наук Н.А.Сидоренко) удалось отыскать сведения о том, что В.А.Олисов попал в столицу не позже 1899 г. (когда он упомянут впервые). В книге за 1903 г. он обозначен как "портной мастер", а в том же издании за 1914-1917 гг., как "дамский портной".

Грянула "великая октябрьская". Каким-то природным чутьем Владимир Антипович понял, что для него наступают плохие времена. Уже 9 ноября 1917 г. с новой женой и дочерьми Верой, Машей, Любой и Надей, родившимися в 1902-1908 гг. от первого брака, он уехал на юг страны в Ялту, а оттуда на одном из английских кораблей попал в Александрию, затем в Лондон, где и осел, как ему казалось, временно.

В день отъезда из Петрограда рачительный хозяин передал 19-летней "крестьянке" Марии Ивановне Олисовой нотариально заверенную доверенность на управление магазином-мастерской и "всеми торговыми и другими делами" в течении трех лет "от сего числа". Так неожиданно Маша Олисова оказалась управляющей частного предприятия, видимо, одной из первых "капиталисток" с тех пор как появилась советская власть. О дальнейшем мы узнаем из следующего документа, обнаруженного в старом портфеле. 7 марта 1918 г. Маша по ходатайству домового комитета освобождается от всеобщей трудовой повинности, так как "магазин находится под ее владением, а потому она ежедневно находится при магазине и заменить ее некому, ввиду нахождения в настоящее время хозяина Олисова на юге [России]". Бумага написана на бланке с надписью "W.Olissoff. Tailleur pour clames".

О дальнейшей судьбе заведения В.А.Олисова нетрудно догадаться. Скорее всего, еще до истечения трехлетнего срока доверенности оно было закрыто, а его бывший хозяин стал пожизненным эмигрантом, в дальнейшем британским подданным. Как знать, может быть своим отъездом из России он спас семью от грядущих репрессий 1930-х годов. Советская власть не прощала людям их "буржуазного" прошлого.

Переписка Марии Ивановны, после замужества в 1918 г., ставшей Кирпичниковой, со своим дядей продолжалась, кажется, до середины 1920-х годов. Иметь заграничных родственников становилось все более опасным. Увы, все письма были уничтожены. Уцелела лишь одна присланная фотография 1922 г., на которой мы видим респектабельное семейство. Слева направо стоят Люба, Вера, Мария, сидят - жена Мария Алексеевна Шарапова, Надя и родившаяся в Лондоне в 1921 г. Соня (еще двое детей Георгий и Петер, родившиеся в Лондоне в 1923 и 1928 гг., на снимке отсутствуют). Какие-либо подробности и адрес отправителя на фотографии отсутствуют.

В 1946 г., радуясь победе во Второй мировой войне вместе с "британским союзником", я написал письмо в радиокорпорацию Би-би-си с просьбой разыскать родственников. Не предвидел, что это письмо до адресата не дойдет, осядет в архиве спецслужб, а я подписал себе приговор, как неблагонадежному, подозрительному элементу. До 1984 г. меня, ставшего ученым-археологом, не выпускали за границу (лишь однажды "по недосмотру" был на научном конгрессе в Варшаве). На беседах чиновники разных ведомств говорили, что в Данию, например, ехать не стоит, т.к. она - член НАТО. В Болгарии "народная демократия" такова, что там свободнее, чем в капстранах, можно подойти на улице к советскому человеку и сходу его завербовать в агенты ЦРУ. Однажды мне прямо было сказано, что у меня в Дании (?) - родственники, а я это скрываю и, что об этом сообщили "органам" мои сослуживцы. Конечно, сослуживцы здесь были ни при чем. Использовали перехваченное письмо школьника и, чтобы в этом не признаваться, запутывали следы.

Ход мыслей сотрудников тогдашнего КГБ понятен. Во мне подозревали человека, втайне мечтавшего найти своих заморских родичей, остаться у них, а стало быть изменить Родине и тем подставить тех, кто бдит о безопасности государства. Лишь неведомые родственники не догадывались, что их нет-нет, да и вспоминают в некогда родной стране.

Прошли годы, тотальная слежка за людьми стала уходить в

прошлое. На меня "махнули рукой", стали выпускать за рубеж, где я почему-то не остался. Глядя на фотографию из старого портфеля, мне вновь захотелось узнать о судьбе тех, кого так страшилась называть мать и чьи тени, если так можно выразиться, преследовали меня много лет.

Встретившись как-то с директором Бюро Совета Министров Северных стран в С.-Петербурге Андерсом Хедманом, я упомянул о своем желании разыскать родственников. Он вызвался помочь. Сначала думали обратиться в консульство Великобритании в С.-Петербурге, но затем решили разыскивать их с помощью Интернета. Хотя фамилия "Олисов" казалась редкой, ее обладатель нашелся в Канаде. На запрос он ответил, что корни его - не тверские, а украинские. Искомая фамилия встретилась и у жителя Калифорнии. Привлек внимание еще один Олисов, который был указан как представитель фирмы "Triton Commercial System Ltd." в Новой Зеландии, без обозначения других данных. Адрес этого человека получили в посольстве этой страны в Москве. Через две недели сотрудник посольства Р.Стефенс прислал вежливое письмо с указанием сразу четырех Олисовых, проживавших в Австралии и Новой Зеландии. Всем им направили письма. Ответы не заставили себя долго ждать. Оказалось, что в людском море мы отыскивали желанных незнакомцев.

По полученной информации оказалось 19 продолжателей рода Владимира Антиповича, проживающих в Новой Зеландии, Австралии и Канаде. Мне удалось установить все имена и даты жизни трех поколений рода. Живущие утратили знание русского языка, но в большинстве сохранили свою фамилию и русские или близкие им имена: Николай, Алексис, Наташа, Антони, Софи, Виктория. В Англии представителей Олисовых не осталось, последний из них Георг - сын Владимира Антиповича, скончался там в 1999 г. Из людей на семейной фотографии 1922 г. оказалась жива только дочь В.А. Олисова Софья Владимировна Колибаев, живущая в Канаде. Она и дочь одного из сыновей "прародителя" - Петера Сьюзан Вэйрнкомб прислали мне подробные письма. О русском прошлом своей фамилии им мало что известно. Не сохранились записи и письма. Что касалось эмигрантской жизни Владимира Антиповича, то он, поселившись в Лондоне, стал меховщиком и помощью жены занимался изготовлением и продажей меховой одежды.

"Родители, - как пишет Софья Владимировна, - работали по много часов, они зарабатывали на то, чтобы отдавать долги и чтобы дети были сыты, одеты и имели крышу над головой". После чthonины главы семейства в 1940 г. младшие Олисовы постепенно

перебрались, кто в Канаду, кто в Австралию и Новую Зеландию, где жизнь в послевоенные годы была дешевле, чем в метрополии. О себе София Владимировна (ей ныне 79 лет) пишет, что к "ее удовольствию" родилась в Лондоне и Англию считает своей страной, хотя и не живет в ней последние 39 лет.

Сюзан Вэйрнкомб к цитированному письму добавляет, что после Второй мировой войны члены семьи "пошли своими отдельными путями и не поддерживали отношений друг с другом". Она приводит случай, когда переселившиеся в Сидней сестры Вера, Люба и Надя встретились с отцом Сюзан Петером, их однородным братом, то "не узнали отца, проверили его паспорт и отнесли к нему с большим подозрением, затем они увидели меня и воскликнули, что я очень похожа на их мать, успокоились и решили, что все в порядке".

О последних годах Надежды Владимировны, умершей в 1993 г. в возрасте 85 лет, Сюзан сообщает, что эта женщина на закате своих дней жила в Сиднее в прекрасном доме для престарелых, находившемся на берегу моря, "она была счастлива". Впрочем, это, похоже, догадка моей корреспондентки, редко посещавшей родственницу и узнавшей о ее смерти пост фактум, по телефону.

Таковы некоторые бесхитростные подробности о жизни моих, долгое время таинственных, родственников. Наша заочная встреча наконец состоялась с опозданием больше чем на полстолетия и иллюстрирует обстоятельства рассеяния по миру русского племени, в данном случае, не дворян, не знати, а простых людей. Сколько можно судить, современные Олисовы самодостаточны, живут "без излишеств", влились в структуры местных обществ: среди них - геологи, сотрудники коммерческих фирм, духовные лица. В самом факте переселения людей в разные страны, конечно, нет ничего предосудительного, если не считать того, что в условиях XX столетия, оно, увы, зачастую носило античеловеческий характер. Россия расточительно теряла множество своих сынов и дочерей и вместе с ними жизнеспособные силы. Этот ущерб еще долго будет сказываться.

Что же готовит нам наступившее столетие? Будет ли в нем меньше бессмысленных жертв, страданий, подозрительности, вынужденных скитаний по всему миру или просто бегства за лучшей долей?

Р. S. В июне 2001 г. мне неожиданно удалось встретиться с С.В. Колибаев, приехавшей в С.-Петербург как туристка. Она спросила: "Зачем Вы так настойчиво меня искали?". "Хотелось в человеческих отношениях узнать и восстановить истину", - ответил я.

М.Ю. Колпаков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕГИСТА ГИЙОМА ДЕ НОГАРЕ

Эпоха правления Филиппа IV Красивого (1285-1314) была важным этапом в развитии централизованного государства во Франции. Вдохновителями и проводниками политики усиления королевской власти были так называемые легисты. Термин «легисты» используется для обозначения персонала административных и судебных учреждений феодальной монархии, получившего юридическое образование и проводившего в жизнь принцип королевского верховенства; обычно они являлись выходцами из среды низшего дворянства, духовенства и горожан. В своих сочинениях они положили начало монархической теории, опираясь на римские нормы государственного права. Ими впервые была создана логически законченная концепция французской монархии проабсолютистского толка, которая явилась основой для развития монархической мысли второй половины XIV-XV веков [1].

Королевских легистов, преданных вознесшему их суверену и его интересам, современники ненавидели. Например, Ив из Сен-Дени писал, что грабительская финансовая политика проводится из-за дурных советов, а не по воле короля. Другой, анонимный автор, критиковал монарха за то, что он окружил себя людьми подобными язве, вилланам, ворами и разбойниками. Годфруа Парижский говорил о Филиппе Красивом как о легковерном человеке, находившимся в плохом окружении, а епископ Памье сомневался в его способности думать и говорить. Хотя нельзя считать короля марионеткой, так как он всегда сам подбирал себе советников, внимательно следил за исполнением своих распоряжений и никогда не позволял им самостоятельно принимать важные решения [2]. При этом Филипп, стремившийся подражать своему деду Людовику, сам разделял идеи о принадлежности к «святой» династии, необходимости сильной королевской власти и единого государства [3].

Хотя французский абсолютизм стал классическим для западноевропейского мира, его идеология на раннем этапе ее становления в отечественной историографии получила слабое освещение [4]. Среди зарубежных исследователей, внесших большой вклад в изучение монархических теорий XIII-XIV веков, необходимо

назвать Р. Шольца, в работе которого анализируются публицистические сочинения, отражающие противостояние королевской власти и римской курии эпохи Филиппа Красивого, и Ж. Кринена, изучавшего политико-правовые теории королевских легистов [5].

Одной из наиболее значительных фигур в ближайшем окружении Филиппа Красивого являлся Гийом де Ногаре [6].

Он родился в середине XIII века (точная дата рождения неизвестна, в качестве предполагаемой называется 1260 год) в местечке Сен-Феликс-де-Карман близ Тулузы. После получения юридического образования в Тулузе Гийом делает успешную карьеру в качестве преподавателя права в Монпелье. В 1294 году он перешел на королевскую службу, в течение двух лет занимает должности старшего судьи в Бокерском и Нимском сенешальствах. Именно тогда, когда Ногаре выполнял одно весьма деликатное поручение, произошла первая его встреча с Филиппом, после которой начинается стремительное восхождение этого лояльного престолу, активного и самолюбивого человека. Он получает должность королевского сенешала Бокера, в 1296 году становится членом королевского совета и, наконец, в 1299 году король лично посвящает Гийома в рыцари, тем самым аноблируя его.

Таким образом, жизненный путь Ногаре типичен для легистов XIII-XIV вв., многие из которых являлись выходцами с Юга, продвигались по королевской службе благодаря прекрасному знанию римского и канонического права и личной активности. Их преданность короне и служебное рвение возрастали еще больше, когда эти люди достигали высоких постов и получали рыцарское достоинство.

С 1300 года Ногаре являлся ближайшим помощником Пьера Флотта, тогдашнего хранителя королевской печати, погибшего в битве при Куртре. Он сопровождал Флотта во время поездки в Рим 1301 года, участвовал в расследовании дела Бернара Сессе, епископа Памье, которое принято считать первым громким инквизиционным процессом эпохи Филиппа Красивого. Флотт обвинял епископа в симонии, в богохульстве, в ереси, в блуде и кодовстве. Его слуг пытали для получения нужных показаний, а имущество Бернара было конфисковано. Затем Ногаре успешно осуществил ряд проектов Филиппа (например, вместе с Сен-Жюстом в 1306 году он провел конфискацию имущества евреев в Тулузе и Альби [7]), и, наконец, 22 сентября 1307 года достиг должности хранителя королевской печати. Наиболее значительными событиями, в которых он принял активное участие, были процессы Гишара, епископа Труа (1308-1313) [8], тамплиеров (1307-1314) [9], заседания Генеральных Штатов 1308 года [10]. С 1309 года его влияние в королевском совете уменьшается, так как

отчасти происходит переориентация политики Франции и решающую роль в ее проведении стал играть другой известный легист, пусть и не столь прекрасно образованный, Ангерран де Мариньи. Умер Ногаре в апреле 1313 года [11]. Преемники Филиппа Красивого покровительствовали его сыновьям — Раймонду и Гийому, и их потомкам, которые занимали заметные должности в королевской администрации и в армии.

Наиболее яркие события политической карьеры Гийома де Ногаре связаны с участием в борьбе Филиппа IV и Бонифация VIII. 12 марта 1303 года он выступил в Лувре с обвинительной речью против римского папы и заявил о необходимости созыва Собора, который должен будет осудить «преступника». Предпринятая попытка ареста Бонифация и все последовавшие за этим события получили известность как «инцидент в Ананьи» [12].

В конце марта легист для ареста папы отправляется в Италию в сопровождении Жана Муша, Ирикона и Гессерна. Всем посланцам были выданы верительные грамоты, согласно которым они имели право вести переговоры от имени короля, заключать необходимые для успешного исхода предприятия союзы и соглашения, получать помощь людьми и деньгами. Во Флоренции группа по кредитным письмам короля получила деньги, затем отправилась в замок Стаджа, принадлежавший семейству Францези. Ногаре организовал рассылку писем ко всем, кого счел в Италии противниками папы, с просьбами о помощи. Вскоре к замку стали стекаться недовольные политикой Бонифация или просто подкупленные люди. Из прибывших заговорщиков наиболее влиятельной персоной являлся Киарра Колонна. Летом 1303 года папа римский перебирается в г. Ананьи, где находился папский дворец. 2 сентября посланцам короля стало известно, что папа готовится 8 сентября отлучить Филиппа IV от церкви. Эта новость заставила Гийома де Ногаре выступить немедленно. 7 сентября отряд из 500-600 всадников, половина из которых была французскими рыцарями, осевшими в Италии со времен похода Карла Валуа, и 1000 пехотинцев под предводительством Ногаре и Колонны, под приветственные крики жителей входит в Ананьи. Но Бонифаций VIII, несмотря на то, что был захвачен своими противниками и подвергся оскорблениям, отказался отречься от римского престола и согласиться на созыв Собора. Кроме того, 9 марта общественные симпатии были уже на стороне папы, и нападавшие оставили город. Тем не менее, Бонифаций, согласно широко распространенному мнению так и не оправившись от потрясения, вскоре умирает.

События в Ананьи оказали сильное влияние на последующую деятельность легиста, поскольку новый папа Бенедикт XI в мартовое 1304 года снял все предъявленные обвинения с Филиппа IV и

семейства Колонна, но Ногаре был отлучен от церкви [13]. Смерть Бенедикта XI и избрание новым папой Клементя V, француза по происхождению, способствовала, в конечном счете, оправданию и королевского советника. На Вьенском Соборе (1311-1312) среди прочих было рассмотрено дело Бонифация VIII, короля Филиппа IV и его советников. Решение оказалось компромиссным: все прошлое (события в Ананьи и требование расследовать преступления Бонифация) предавалось забвению; «доброе рвение» короля было, якобы поддержано просьбами некоторых кардиналов; Ногаре получил полное отпущение грехов [14].

Гийом де Ногаре был изворотливым и лицемерным политиком, использовавшим методы политической борьбы, заимствованные из практики инквизиционных процессов и опыта Пьера Флотта: организация судебных разбирательств с использованием часто вымышленных обвинений (убийство, идолопоклонничество, содомия, хищения ростовщичество, алчность, колдовство, наведение порчи, сношение с дьяволом), шантаж, подкуп и манипулирование общественным мнением с помощью памфлетов. При этом королевский советник был уверен в собственной правоте и апеллировал к высшей справедливости. Например, по дороге в Ананьи он писал другу Этьену де Сюизи, что просит Бога остановить его, если задуманное предприятие не согласуется с божественной волей [15].

Перейдем от оценки политической деятельности Гийома де Ногаре к анализу его политических идей.

Подробный указатель приписываемых Ногаре сочинений и речей можно найти у Э. Ренана [16]. Принципиальными для понимания политических воззрений легиста являются: речь на заседании ассамблеи в Лувре от 12 марта 1303 года [17]; трактат 1303 года, обращенный к королю, о Бонифации VIII [18]; записка 1310 года, содержащая проект крестового похода на Восток [19]; опубликованные П. Дюшюи так называемые шесть «апологий» (третья и шестая в соавторстве с Гийомом Плезаном) [20]. Время написания второй апологии неизвестно, остальные созданы в 1310 году. Кроме того, в работе Дюшюи опубликованы и другие источники по делу Бонифация VIII [21].

Для сочинений и речей Ногаре, как и для творчества всех легистов, характерна цельность, четкость в изложении мыслей, сочетание юридической и дискуссионной лексики. Правда, сочинения легистов не пользовались широкой популярностью, так как эти люди олицетворяли ненавистную новую правовую систему королевского судопроизводства из-за откровенной пропаганды королевской политики

Преимущественное внимание в своем творчестве Гийом де

Ногаре уделил дальнейшему развитию двух политических теорий XIII века — «король является императором в своем государстве» (*rex est imperator in regno suo*) и «король не держит королевство ни от кого, кроме как от Бога и самого себя» (*le roi ne tient nului fors de Dieu et de lui*) [22].

Филипп Красивый, по мнению Ногаре, — «суверенный король» [23], единственный полноправный правитель Франции. Французский монарх — носитель высшей судебной власти («высшая власть в исполнении справедливости», «ангел Бога») [24]. Его прямой задачей и обязанностью является забота о чистоте и процветании церкви. Легист называет короля «защитником церкви», «поборником и столпом веры» [25]. Филипп держит свою власть от Бога («...забота и защита церкви была вверена Христом...») [26], по обычаю предков (Господин наш король — прямой потомок французских монархов, которые начиная с далекого предка господина нашего Пипина Короткого все были людьми богобоязненными, пламенными и стойкими защитниками истинной веры и Святой матери-церкви.) [27]. Все вышеперечисленное используется в качестве аргументов для обоснования независимости королевской власти от папского престола.

Но французский монарх не просто независим от папы. Он вдобавок обладает особым «королевским достоинством», к службе которого относится также истребление ереси [28]. А находящийся на римском престоле Бонифаций VIII, по мнению Ногаре, оказался еретик. Выступая 12 марта 1303 года в Лувре, хранитель королевской печати, обвинил папу в ереси и множестве других преступлений. Несмотря на имя («творящий добро»), он убил своего предшественника Целестина, виновен в симонии, разорении церквей, убийствах, ростовщичестве, алчности, покровительстве недостойным, нарушении церковной дисциплины. Кроме того, этот человек своими действиями ставит страну на грань раскола. Поэтому король может использовать против него даже военную силу («действовать военной рукой»), защищая государство и римскую церковь от возможных ответных действий «еретика» [29].

Далее королевский легист предлагает Филиппу и всем христианским государям арестовать преступника и доставить на суд Собора и низложить его [30]. Таким образом, Ногаре выступил против существовавшей с XII века церковной практики и первым высказал идею верховенства Собора как высшей судебной инстанции, но только для папы-еретика. А уже в другой политической ситуации прагматик Ногаре не видит необходимости в наличии независимости Собора от папы, предлагая Клименту V самостоятельно осудить покойного Бонифация VIII и тамплиеров. Окончательное представление о Вселенском Соборе как высшем

судебном и законодательном органе христианского мира будет сформулировано только в XV веке [31].

Никакое ограничение королевской власти в условиях противостояния французской монархии и папства невозможно. Напротив, всем подданным надо встать на сторону короля: «должно и можно подняться каждому христианину и католику, могущественному воину, ... а также частному лицу, если церковная и светская власти недостаточно эффективны...» [32]. Особо подчеркивается преимущественное право рыцарства участвовать в решении любых политических вопросов. Ногаре разделял традиционное мнение о рыцарстве как о важнейшем социальном институте. Легист с гордостью отмечает, что он не простой слуга Филиппа IV, а является рыцарем, возведенным в это звание королем [33].

Особое место отводит Ногаре обоснованию сакрального характера королевской власти.

Начиная с конца XIII века, эта идея активно внедряется в массовое сознание во Франции. В 1297 году происходит канонизация Людовика IX, что сразу делает Филиппа Красивого королем, принадлежащим к святой династии. В церковной практике получают широкое распространение молитвы за короля и проповеди, в которых пропагандируется чудотворная сила правителя. Так Гийом Соквильский около 1300 года произнес проповедь, в которой называет Филиппа сыном Давида, так как Давид — «сильная рука», а королевская рука исцеляет. «Всякий государь, наследующий французский престол, получает тотчас миропомазание и корону, а с ними особенную благодать и особый дар — исцелять страждущих одним прикосновением руки: посему из разных мест и многих земель приходят к королю несчастные, пораженные королевской болезнью» [34].

В шестой Апологии Гийома де Ногаре присутствует панегирик Филиппу, где подчеркиваются христианские добродетели короля, которые сближают его с дедом, Людовиком Святым. «Он всегда был строг и целомудрен — как до брака, так и вступив в него. Он всегда отличался особой скромностью и сдержанностью как в облике своем, так и в речах, ничем не проявляя ни гнева своего, ни неприязни к кому-либо, и всех любил. Он воплощение милосердия, доброты, сострадания и благочестия, истинно верующий христианин». Но особо важно указание на способность короля исцелять золотуху возложением рук: «господь творит его руками над страждущими чудеса несомненные (*apertaque miracula Deus infirmis, Deus per manus eius ministrat*)» [35].

В системе политических взглядов французских легистов эпохи Филиппа IV Красивого особое место занимает вопрос о

международном положении французской монархии, который включает в себя и проблему освобождения Святой Земли.

После падения в 1291 г. Акры на Западе начинается активное обсуждение идеи нового крестового похода, но папа Бонифаций VIII был поглощен борьбой с французским королем Филиппом IV, и только Климент V обращается к проблеме освобождения Святой Земли. Для этого в течение 1306 г. он пытался добиться заключения мира между Англией и Францией и урегулировать отношения между папством и французской короной. Анализ сохранившихся проектов показывает, что потенциальные участники похода, прикрываясь миссионерской целью, преследовали собственные узкие политические интересы.

В 1306 году появляются трактат «De recuperatione Terre Sancte» [36] провинциального нормандского легиста Пьера Дюбуа, адвоката из Кутанса, и две записки магистра ордена тамплиеров Жака де Моле [37].

Прикрываясь идеей крестового похода, Дюбуа предлагает конфисковать имущество монашеских орденов, члены которых не живут в монастырях, объединить рыцарские ордена, упразднить светскую власть пап, провести реформу духовенства. Для достижения всеобщего мира необходимо создать concilium generale из числа европейских стран, который бы охранял мир в Европе и являлся постоянным международным судом. Во главе этого органа должен встать король Франции. Возрожденная в результате похода объединенной армии европейских государств империя должна быть передана брату короля, Карлу Валуа, женатому на Екатерине де Куртене, наследнице латинских императоров. Средством закрепления христиан на Востоке выступает христианизация местного населения и приобщение его к европейской культуре. Для осуществления этого замысла необходима кардинальная реформа системы образования.

Магистр тамплиеров отрицает целесообразность создания объединенного ордена, заверяет папу, что дешевле в предстоящем походе воспользоваться услугами рыцарских орденов.

И только затем, во время процесса над тамплиерами, в 1310 г. с проектом крестового похода [38], откровенно направленным против тамплиеров, выступил Гийом де Ногаре. По его мнению, главными виновниками поражения в Святой Земле являлись тамплиеры [39], поэтому их имущество должно быть конфисковано и передано Филиппу Красивому, как руководителю нового объединенного похода христиан Европы. Кроме того, уместным будет передача королю земель других рыцарских орденов, и обложение налогом всего имущества и всех доходов церкви.

Подводя итог, необходимо отметить, что в системе политических взглядов Гийома де Ногаре системообразующими являются идеи королевского суверенитета и сакрального характера французской королевской власти. Проабсолютистский характер политической теории Ногаре усиливается положениями о невозможности ограничения королевской власти в условиях противостояния французской монархии и папства и необходимости всем подданным встать на сторону короля в этом конфликте. Исключительное положение Франции на международной арене, особый статус ее короля как главы среди всех светских правителей обосновывается принадлежностью Филиппа к святой династии, его уникальными христианскими добродетелями и чудотворной силой, его заслугами в борьбе против папы-еретика и защите христианской церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Малинин Ю.П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции (XIV-XV вв.). СПб., 2000. С. 140.
2. Favier, J. Les légistes et la gouvernements de Philippe le Bel. // *Journal des Savants*. 1969. P. 92-108; Favier, J. Philippe le Bel. Paris. 1978; Fawtier R. Les Capétiens et la France. Leur rôle dans sa construction. Paris. 1942; Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste. // *Etudes sur la politique religieux du règne de Philippe le Bel*. Paris. 1899.
3. Fawtier R. Les Capétiens et la France. Leur rôle dans sa construction. Paris. 1942. P. 48-67.
4. Социально-политические идеи легистов Филиппа IV (Ногаре, Плезиана, Дюбуа) рассмотрены Н.А. Хачатурян при анализе формирования теории сословного представительства и процесса возникновения сословной монархии. (См.: Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989.; Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976.; Из истории политической борьбы во Франции в начале XIV в. (трактаты легиста Дюбуа об уничтожении ордена тамплиеров). // *Средние века*. 1961. Вып. 20). Работы Л.В. Венкстерна посвящены, в первую очередь, изучению трактата «Об освобождении Святой Земли» Пьера Дюбуа. (См.: Венкстерн Л.В. К вопросу о формировании единого централизованного государства во Франции (Пьер Дюбуа. «De recuperatione Terre Sancte»). Автореферат дисс. на соискание ученой степени к. и. н. Иваново, 1953.; Идеи политической централизации в трактате легиста начала XIV века // *УЗ ИГПИ*, 1957, т. XI.; Французские легисты и их роль в политической централизации страны на рубеже XIII-XIV веков // *Средневековый город*. Саратов, 1989. Вып. 9. С. 154-160; Французский проект реформы образования начала XIV века // *Средневековый город*. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 56-62). Из авторов, анализировавших социально-политические идеи и представления во французской исторической и правовой литературе XIII века, следует

- отметить Г.Ф. Цыбулько. (См.: Цыбулько Г.Ф. Социально-политические идеи французских историков и правоведов XIII века: Автореферат дис. на соискание ученой степени к. и. н.: (07.00.03). СПб., 1994).
5. Scholz R. Die Publizistik zur Philipps des Schönhens und Bonifax VIII. Stuttgart. 1903; Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances en France. XIII-XV s. Paris. 1993.
 6. Существует несколько значимых работ, непосредственно посвященных Ногаре, в которых подробно анализируется жизненный путь легиста. См.: Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Histoire littéraire de France. Tome XXVII. Quatorzieme siecle. Paris. 1900. P. 233-371. или Renan E. Guillaume de Nogaret, l'igiste // Etudes sur la politique religieuse du regne de Philippe le Bel. Paris. 1899. P. 1-250; Holtzmann, R. Wilhelm von Nogaret, Rat und Grossiergelbewahrer Philipps des Schönen von Frankreich. Fribourg-en-Brigau. 1898; Louis, T. La vie privée de Guillaume de Nogaret. //Annales du Midi. XVI. 1904. P. 161-207.
 7. Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste //Etudes sur la politique religieuse du regne de Philippe le Bel. Paris. 1899. P. 107-108.
 8. Подробнее см.: Rigault A. Le proces de Guichard, eveque de Troyes (1308-1313). Paris. 1896.
 9. Достаточно подробную библиографию процесса тамплиеров можно найти в работе М. Барбера. (См.: Барбер М. Процесс тамплиеров. М., 1998. С. 465-478).
 10. Сохранилось письмо графа Валентинуа от 28 апреля 1308 года, в котором подтверждались полномочия Гийома де Ногаре как его депутата. (См.: Documents relatifs aux Etats Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel. Publ. par G. Picot. Paris. 1901. Document DCCCXVI. P. 587).
 11. Различные сообщения о времени и месте смерти Ногаре проанализированы Э. Ренаном. (См.: Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Etudes sur la politique religieuse du regne de Philippe le Bel. Paris. 1899. P.213-222).
 12. Подробнее см.: Mirepoix L. L'Atentat d'Anagni. Le conflit entre la Papauté et le roi de France. Drame européen. Paris. 1969.
 13. Dupuy, Pierre. Histoire du differrend entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, roi de France. Paris. 1655. P. 207-208, 227-229.
 14. Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Etudes sur la politique religieuse du regne de Philippe le Bel. Paris. 1899. P. 208-210.
 15. Journal des Savants. T. XV. 1917. P. 323.
 16. Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Etudes sur la politique religieuse du regne de Philippe le Bel. Paris. 1899. P. 232-239.
 17. Documents relatifs aux Etats Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel. Publ. par G. Picot. Paris. 1901. Document XIII. P. 28-35.
 18. Nogaret, de G. Mémoire a Philippe le Bel, sur les difficultés de la situation apres l'attentat dirigé contre Boniface VIII // Boutaric, E. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque imperiale. Paris. 1862. T. XX. Part.2. Document XVIII. P. 150-152.

19. Nogaret, de G. Mémoire de Nogaret sur la possibilité d'une croisade // Boutaric, E. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque imperiale. Paris. 1862. Т. XX. Part.2. Document XXVII. P. 199-205.
20. Dupuy, P. Histoire du différend entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, roi de France. Paris. 1655. P. 238-251; 251-269; 372-387; 304-315; 430-447; 515-521.
21. Там же. P. 237-238; 269-274; 274-275; 391-394; 413-427; 576-590.
22. Подробнее о возникновении этих политических формул см.: Грабарь С.Р. Священная римская империя в представлении публицистов XIV века // Средние века. Вып. I. М.-Л., 1941.
23. Holtzmann, R. Wilhelm von Nogaret, Rat und Grossiergelbewahrer Philipps des Schönen von Frankreich. Fribourg-en-Brisgau. 1898. Doc. II. P. 253.
24. Documents relatifs aux Etats Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel. Publ. par G. Picot. Paris. 1901. Document XIII. P. 31.
25. Dupuy, P. Histoire du différend entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, roi de France. Paris. 1655. Апология VI. P. 517.
26. Там же. Апология I. P. 239.
27. Там же. Апология VI. P. 518.
28. Documents relatifs aux Etats Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel. Publ. par G. Picot. Paris. 1901. Document XIII. P. 33.
29. Dupuy, P. Histoire du différend... Апология I. P. 246.
30. Documents relatifs aux Etats Généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel. Publ. par G. Picot. Paris. 1901. Document XIII. P. 32.
31. Грабарь В.Э. Вселенские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы XV в. // Средние века. Вып. II. 1946.
32. Dupuy, P. Histoire du différend... Апология I. P. 243-244.
33. Dupuy, P. Histoire du différend... Апология VI. P. 517-518.
34. Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 218-219.
35. Там же. P. 519
36. Dubois, P. De recuperatione terre sancte. Ed. Ch.-V. Langlois. Paris, 1891.
37. Барбер М. Процесс тамплиеров. М., 1998. С. 31-33.
38. Nogaret, de G. Mémoire de Nogaret sur la possibilité d'une croisade // Boutaric, E. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque imperiale. Paris. 1862. Т. XX. Part.2. Document XXVII. P. 199-205.
39. Там же. P. 199.

В. А. Дмитриев

РИМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ: ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Значение античной историографии для дальнейшего развития европейской исторической науки трудно переоценить. Это был первый опыт исторического познания, предпринятый в ходе развития европейской цивилизации, — и с первых же шагов опыт этот оказался очень удачным. Сначала греческие, а затем и римские мыслители обратили свой взор в сторону прошлого своих народов и стран и смогли осмыслить это прошлое с новых для своего времени позиций, свободных от предшествующих — мифологических — представлений об истории человечества.

Нельзя сказать, что вся античная историография представляет собой некое абсолютно единое и однородное явление. Историческое знание в Древнем Риме во многом отличалось от того, что существовало в Древней Греции. Но в то же время очевидным является тот факт, что римская система исторических знаний вобрала в себя многое из того, что уже было сделано греческими писателями-историками в предшествующий период. В данном отношении показательно то, что первые работы римских историков создавались на греческом языке, да и многие авторы римской эпохи либо получали греческое образование, либо сами являлись греками (в качестве примеров можно привести такие имена, как Полибий, Аппиан, Аммиан Марцеллин).

Если говорить непосредственно о римской историографии периода поздней Империи, то ее невозможно рассматривать вне связи с античной историографией в целом. Позднеримская историография [1] стала хотя и не высшим, но все же завершающим этапом в развитии античной системы исторических знаний, а потому вобрала в себя многое из того, что было создано историками предшествующих эпох. Для правильного понимания и осмысления творческого наследия римских историков периода домината необходимо иметь представление хотя бы о наиболее важных характерных чертах античного историко-литературного творчества в целом. Именно их рассмотрению и хотелось бы уделить первоочередное внимание.

Особенности античной историографии

Прежде всего, необходимо отметить, что сам подход к истории человечества у античных авторов был очень своеобразен. Большинство из них считало историю "наставницей жизни", а потому отношение к отбору событий для своих сочинений и их трактовка имели одну важную особенность: исторические данные, несоответствующие моральным принципам, пропагандируемым автором, и основной мысли произведения зачастую просто игнорировались; тот же материал, который соответствовал авторской идее, использовался подчас без серьезного критического осмысления и проверки. Все это иначе можно назвать морализаторской установкой античных авторов, поскольку с помощью своих произведений они стремились к усовершенствованию морального облика своих читателей или слушателей.

Для того, чтобы содействовать нравственному воспитанию читателей, античные историки должны были сделать свои сочинения привлекательными и интересными. С этой целью в работы на исторические темы зачастую вводились детали скорее художественного, нежели исторического характера: речи политических и военных деятелей, составленные самим автором, различные детали, драматизирующие описываемые события, разного рода суеверия и предсказания с приданием им характера факторов, определяющих исторический процесс или поступки людей, и т.п. В целом к историческому произведению в античную эпоху относились не как к научному исследованию, а скорее как к одному из

направлений литературно-художественного творчества [2]. Неслучайно поэтому, что работы античных авторов являются предметом интереса не только историков, но и филологов.

Свойственна была античной историографии и такая характерная черта, как уделение основного внимания местной истории — истории своего города, полиса, страны. Хотя античная историческая литература дает нам ряд замечательных примеров работ, посвященных региональной и даже всемирной истории (например, "История" Полибия), в целом для нее характерен интерес прежде всего к локальной истории.

Важным достижением античной историографии явилась разработка теории общественного прогресса. Наиболее глубоко эта концепция, по мнению специалистов [3], изложена Аристотелем в его учении о движении и изменении. На основе проработки этих категорий Аристотель смог создать своеобразную теорию общественного прогресса от семьи через общину к государству, господствовавшую в европейской науке вплоть до второй половины XIX в., когда вышла в свет работа Л. Моргана "Древнее общество" (1877 г.).

Другое важное методологическое достижение Аристотеля — учение о формах государственного устройства и закономерностях перехода от одной из них к другой.

Но, несмотря на то, что мысль о развитии общества достаточно рано прозвучала в античной историографии, вопрос об источниках исторического развития оставался открытым для всех античных авторов (как, в прочем, и для историков практически всех времен и народов), что порождало массу взглядов и предположений на сей счет. Хотя все античные историки признавали вмешательство в исторический процесс и влияние на него богов и других сверхъестественных сил, в остальном их взгляды на проблему движущих сил общественного развития отличались крайним разнообразием. Источниками развития человеческого общества чаще всего считались такие факторы, как воля и поступки отдельных личностей (Плутарх, Светоний), особенности государственного строя (Ксенофонт, Полибий), традиции и нравы предков (Катон Цензор, другие римские историки), географические условия и их особенности (Страбон), и др. Не была чужда античной историографии и идея о связи исторического развития с изменениями в сфере материального производства (Лукреций). Однако при всех своих разногласиях все античные авторы

склонялись к признанию судьбы, рока, случая главной конечной причиной всех происходящих в обществе процессов, которой подчиняются даже боги.

Еще одним важным результатом развития исторических знаний в эпоху античности стала идея о необходимости правдивого, объективного освещения исторических событий и, в связи с этим, о критике источников как обязательном условии точного и беспристрастного изложения тех или иных событий. Родоначальником этой линии в античной историографии принято считать Фукидида, впервые предложившего и использовавшего на практике критический метод изучения источников и стремившегося к полноте и правдивости в освещении событий прошлого [4]. Фукидида и его последователей объединяют в научное [5], или прагматическое [6] направление античной историографии; сторонников же моралистического, художественного подхода к освещению исторических фактов обычно относят к риторическому [7], или сократическому [8], направлению.

Таким образом, античная историография заложила целый ряд важных основ для развития всей последующей европейской исторической науки. Античными писателями-историками были впервые сформулированы и введены в научный оборот такие фундаментальные идеи, как теория социального прогресса, представление об источниках общественного развития, тезис о необходимости критического отношения к историческим источникам, и ряд других не менее важных положений.

Все, сказанное выше, в полной мере относится как к греческой, так и к римской историографии, хотя следует признать, что римлянам в какой-то степени было легче заниматься историческими изысканиями, ибо к моменту возникновения исторического жанра в древнеримской литературе (III в. до н.э.) греческими авторами уже была создана серьезная теоретическая база историко-литературного творчества, были определены его основные направления и жанры. Неслучайно сами римские историки в лице Саллюстия отмечали тот факт, что в римской историографии нет произведений, равных по своему уровню и значению работам греческих авторов [9]. Лишь в I в. н.э. римлянин Квинтиллиан с гордостью заявит о том, что теперь римская историография сравнялась с греческой, и назовет в этой связи имена Саллюстия и Тита Ливия [10].

Таким образом, лишь в императорскую эпоху в Риме появляется

историография, стоящая по крайней мере на одном уровне с историографией греческой. Действительно, деятельность большинства крупнейших римских историков — Тита Ливия, Корнелия Тацита, Светония Транквилла, Аммиана Марцеллина — приходится на период Империи. И это не простая случайность. Как раз на I — II вв. н.э., т.е. на время ранней Империи, приходится пик могущества римского государства. Именно в эти годы наблюдается расцвет в различных областях жизни Древнего Рима, получивший применительно к II в. н.э. наименование "золотого века Антонинов".

Но уже в конце этого периода, а в полную силу в III — IV вв., в римской культуре начинают преобладать признаки упадка и деградации. Это явление неразрывно связано с общим кризисом всей античной цивилизации, всех сфер общественной жизни — от экономики до духовной культуры. В этот период растет изолированность разных частей Империи, появляется и заявляет о себе в полный голос христианская церковь. Это происходит на фоне все более и более активных и постоянно усиливающихся вторжений варваров, отражать которые Рим был не в состоянии. Неудивительно, что в такой ситуации, когда рушились все традиционные ценности и устои римского общества и государства, развивается кризис и в области духовной жизни, а также мировоззрения в целом.

Не обошел этот кризис стороной и римскую историографию. Здесь он выразился в первую очередь в том, что происходит примитивизация историко-литературного творчества, отсутствуют новые подходы к освещению исторических событий, авторы переходят к удовлетворению достаточно низких запросов читательской публики периода домината, а Рим утрачивает статус общепризнанного культурного и научного центра Империи. Единственной фигурой, выделяющейся на этом, в общем-то, однообразно сером фоне, является личность Аммиана Марцеллина, последнего римского историка, которого с полным правом можно назвать "последним римлянином" в области историографии. За исключением Аммиана римская историческая литература не может похвастать крупными писателями-историками. Авторы этой эпохи чаще всего пассивно следовали по пути, намеченному предшественниками, либо создавали свои произведения на потребу широкой публике, не ставя перед собой цели создать что-то принципиально новое, продвинув тем самым вперед римскую историографию и культуру в целом.

Таким образом, римская, а, следовательно, и вся античная историография завершается в конце IV в. н.э. Ей на смену приходит историография христианская с совершенно иными установками, ценностями, подходами.

Перейдем к более пристальному рассмотрению последнего периода в развитии исторической мысли античности.

Биографический жанр в период поздней империи

Одним из наиболее популярных жанров в области исторической литературы в позднеримскую эпоху стал жанр биографии, чему в немалой степени содействовала популярность светониевских "Жизнеописаний". Примером сочинений, относящихся к биографическому направлению в римской историографии, является литературный памятник, известный под названием "*Scriptores Historiae Augustae*" – "Писатели истории Августов".

Это произведение представляет собой сборник биографий примерно тридцати римских императоров, составленных разными авторами и обобщенных неизвестным редактором. Биографии располагаются в хронологическом порядке и охватывают время правления императоров, начиная с Адриана и заканчивая Каром и его сыновьями, т.е. период с 117 по 284 гг. Утраченными оказались биографии императоров, правивших в 244 – 253 гг., т.е. от Филиппа Араба до Эмилиана включительно.

"Писатели истории Августов" являются крайним проявлением биографо-моралистического жанра в римской историографии, высшим достижением которого в предшествующую эпоху были "Жизнеописания двенадцати Цезарей" Гая Светония Транквилла. Это означает, что в "Писателях..." главное место отводится изложению занимательных курьезов, забавных историй анекдотов без соблюдения строгой хронологической последовательности в рамках биографии одного императора. У авторов отсутствует интерес к социальным, экономическим, религиозным вопросам; их внимание полностью сосредоточено на личностях императоров и свойствах их характера (как правило, отрицательных). В этих биографиях практически отсутствует представление об императорах как о крупных политических деятелях, вершащих судьбы Империи.

Задача авторов "Писателей....." заключалась, как это видно из содержания, в создании увлекательного рассказа о жизни императоров и их окружения. Этим обусловлено обильное использование пикантных и ошеломляющих читателя подробностей, при чем порой дело доходит до откровенной клеветы. Для придания видимости правдивого изображения действительности авторы биографий приводят и цитируют большое количество документов, чьих-либо свидетельств; если подходящих аргументов в их распоряжении нет, то они не останавливаются перед прямым вымыслом.

Что касается авторства, то оно установлено на основе содержания самих биографий и рукописной традиции [11]. Часть биографий была написана во времена Диоклетиана такими писателями, как Элий Спартиан, Юлий Капитолин, Вулкаций Галликан и Требеллий Полион. Некоторое время спустя, между 305 и 330 гг. написали биографии, вошедшие в данный сборник, Элий Лампридий и Флавий Вописк.

Биографии, как уже было сказано выше, расположены по хронологическому принципу. Очевидно, что образцом для авторов "Писателей истории Августов" являлись биографии двенадцати Цезарей Светония (по крайней мере, в отношении логики построения). Изложение биографического материала ведется в основном по той же схеме, которой придерживался и автор "Жизнеописаний двенадцати Цезарей", а именно: детство и юность; приход к власти и жизнь в период нахождения на троне; характеристика личностных качеств, поступков и т.п.; смерть, посмертные почести (если таковые были) и суждение о рассматриваемой личности. Видимо, все авторы "Писателей....." вращались в высших придворных кругах. Например, об одном из них — Флавии Вописке — известно из его же слов, что он был близок с префектом города Рима [12], а Вулкаций Галликан прямо называется в биографии Авидия Кассия "знатным" [13].

Можно с уверенностью сказать, что творчество авторов биографий носило просенатскую направленность. Об этом говорит тот факт, что деятельность императоров чаще всего оценивается, исходя из их отношения к сенату. По мнению биографов, заслуживает всяческих похвал тот император, который идет на встречу сенаторам и удовлетворяет их политические и другие интересы [14].

Как явствует из слов авторов "Писателей.....", их заказчиками

были сами императоры. Так, для Диоклетиана писали свои биографии Юлий Капитолин и Вулкаций Галликан, для Константина – Лампридий и тот же Капитолин [15]. В итоге за время правления Диоклетиана и Константина было создано значительное количество биографий императоров, написанных разными авторами. Из них и был составлен около 330 г. [16] тот сборник, куда вошли биографии, написанные шестью выше упомянутыми писателями. Критерии отбора биографий для этого сборника на сегодняшний день остаются неясными.

Источниками для авторов "Писателей..." являлись как документальные данные, письма, речи, сенатские послания и т.д., так и устные предания. Большую ценность представляет то, что в данном литературно-историческом памятнике есть много ссылок на авторов либо совсем нам неизвестных, либо известных в очень незначительной степени.

Для более ранних биографий главным источником являлась, по-видимому, работа Мариа Максима, недошедшая до нас. По крайней мере, его имя чаще всех остальных упоминается при ссылках на первоисточники — по подсчетам специалистов, двадцать восемь раз [17]. В то же время существует точка зрения, согласно которой в основе биографий более ранних императоров лежит произведение неизвестного выдающегося историка либо в виде сборника биографий, либо в виде анналов [18].

Биографии в "Писателях истории Августов" обычно классифицируются в зависимости от того, кому они посвящены. В первую группу включают биографии, посвященные частным лицам и написанные Требеллием Поллионом и Флавием Вописком. Другая часть биографий посвящена императорам. Внутри этой второй группы можно выделить две подгруппы: биографии с посвящением Диоклетиану и биографии с посвящением Константину. Третью группу биографий составляют биографии без посвящения.

В целом исследователями отмечается низкий уровень биографий как литературных произведений [19]. Ценность биографий как исторического источника также не достаточно высока из-за отмеченной выше недостоверности приводимых сведений. Тем не менее "Писатели истории Августов" могут вызвать серьезный интерес в том отношении, что в них воссоздана яркая картина быта и нравов того времени. Особенно интересны детали, касающиеся придворной жизни, а для специалистов-филологов — и допускаемые авторами простонародные и редко

встречающиеся в литературной речи выражения, что позволяет точнее представить разговорный латинский язык III — IV вв.

Интересно, что "Писатели истории Августов" были особенно популярны в средние века: до нас дошли две рукописи IX в., на которых и основывается текст "Писателей..." в современных изданиях.

К IV в. относится и творчество последнего более или менее значительного представителя биографического жанра в римской историографии — Секста Аврелия Виктора. О его жизни известно очень немного, да и то в основном из его же произведения. Он родился в деревне, на севере Африки, близ Карфагена, в семье мелких землевладельцев, имел необразованного отца. Благодаря занятиям научной деятельностью, Аврелий Виктор добился высокого положения в обществе [20]. При Юлиане Отступнике Виктор был назначен консуляром Паннонии Второй и за свои выдающиеся заслуги удостоился особых почестей: в Риме была установлена его бронзовая статуя [21]. Будучи в 388 — 389 гг. префектом города Рима, Виктор познакомился с Аммианом Марцеллином, благодаря чему его имя и попало в сочинение Аммиана.

Аврелию Виктору долгое время приписывалось авторство четырех сочинений: "*De Caesaribus*" ("О Цезарях"), "*Origo gentis Romae*" ("Происхождение римского народа"), "*De viris illustribus urbis Romae*" ("О знаменитых людях города Рима") и "*Epitomae de Caesaribus*" ("Извлечения из книги о Цезарях").

В настоящее время принято считать, что Виктору действительно принадлежит только первая из указанных четырех книг — "О Цезарях". Остальные же произведения, скорее всего, являются плодом творчества других писателей, т.к. между сочинением "О Цезарях", точно принадлежащим Виктору, и тремя другими выявлено слишком много различий и содержательного, и стилистического характера [22].

Произведение "О Цезарях", созданное около 360 г., содержит биографии римских императоров от Октавиана Августа (31 г. до н.э. — 14 г. н.э.) до Констанция II (337 — 361 гг. н.э.), т.е. охватывает период почти в четыре столетия. При этом можно заметить, что, хотя данное сочинение и достаточно невелико по объему, оно не есть простое и бессвязное извлечение из каких-либо крупных работ писателей предшествующей эпохи, чего можно было бы ожидать на первый взгляд. Историки римской литературы отмечают, что автор смог создать целостное повествование с

оригинальным стилем, в котором нашли отражение собственные взгляды писателя на освещаемые события [23].

Значительное место Аврелий Виктор отводит внешним деталям, анекдотам, моральным оценкам героев, что в целом характерно для биографического жанра в античной исторической литературе. Особенно бросается в глаза то уважение и внимание, которые автор оказывает императору Септимию Северу, являющемуся земляком Виктора [24].

Можно отметить также и религиозную терпимость и даже индифферентность автора — он нигде (даже в биографиях Диоклетиана и Константина) не упоминает о религиозных проблемах и конфликтах в Империи. Подобная же черта будет характерна и для Аммиана Марцеллина. Вероятно, в этом нашло свое отражение мировосприятие, характерное для людей периода кризиса и крушения античного мира.

В числе недостатков, присущих произведению Аврелия Виктора, следует назвать некоторые хронологические и фактологические ошибки и неточности, содержащиеся в его сочинении.

Из трех сочинений, приписывавшихся Сексту Аврелию Виктору, можно выделить "Извлечение из книги о Цезарях". Полное название этого сочинения выглядит так: "Книжка о жизни и нравах императоров, извлечение из книг Секста Аврелия Виктора, от Цезаря Августа до Феодосия". Но на самом деле лишь первые одиннадцать глав можно считать действительно извлечением из "Цезарей" Виктора. Остальные главы являются вполне самостоятельным произведением, представляющим собой извлечения из различных сочинений предшествующего или того же периода. В отличие от "Извлечений из книги о Цезарях", здесь отсутствует связное изложение — биографии императоров представляют собой отдельные и независимые друг от друга части; нет и моралистических сентенций, свойственных сочинению Аврелия Виктора.

Таким образом, в период домината жанр биографий императоров получает довольно широкое распространение и пользуется популярностью в читательской среде. Тем не менее, общий уровень позднеримских биографий был достаточно низок и явно уступал уровню, заданному Светонием в "Жизнеописаниях двенадцати Цезарей", созданных за два с половиной столетия до этого.

Бревиарии и эпитомы IV в.

В IV в. наиболее популярной формой исторических сочинений в Риме постепенно становятся бревиарии (сжатые изложения сочинений большого объема) и эпитомы (краткие извлечения из работ прежних историков). Подобные сочинения полностью соответствовали духовной атмосфере и запросам эпохи домината. В период кризиса III в. в Риме появляется новый правящий слой, недостаточно образованный, а потому несведущий в области литературы и истории, но испытывающий настоятельную потребность в информации о прошлом Рима, его славных традициях. Сочинения в форме бревиариев и эпитом их вполне устраивали.

В этом отношении прежде всего необходимо отметить деятельность Евтропия — автора "Бревиария от основания Города [т.е. Рима. — В.Д.]" ("*Breviarium ab Urbe condita*") в десяти книгах, из которых четыре последние посвящены эпохе Империи. Бревиарий Евтропия охватывает события тысячелетней истории Рима — от его основания до начала правления императоров Валента (364 — 378 гг. н.э.) Валентиниана I (364 — 375 гг. н.э.). При этом сам Евтропий зачастую пользовался не подлинниками сочинений римских историков, а их краткими переложениями.

Евтропий описывает главным образом события внешней и внутренней политики: войны, сражения, походы и т.п. Какая-либо сквозная идея в работе Евтропия отсутствует. При освещении римской истории республиканского периода Евтропий лаконичен, а комментарии к событиям скудны. С приближением повествования к завершающей точке изложение становится все более живым, а комментарии автора — более подробными и обстоятельными.

Бревиарий Евтропия содержит ряд фактических ошибок, которых он мог бы вполне избежать, т.к., будучи секретарем императора Валента, располагал архивными материалами.

Хотя произведение Евтропия не принадлежит к биографическому жанру, все же автор, подчиняясь, скорее всего, влиянию Светония, сосредоточивает основное внимание на фигурах отдельных императоров.

Интересно объяснение Евтропия относительно того, почему он остановился в своем изложении на событиях 364 г. и не пошел дальше: о современной ему эпохе, т.е. о правлении Валентиниана

I и Валента, "надо писать более высоким слогом", а потому её описание автор "откладывает до большей тщательности повествования" [25]. Видимо, Евтропий реально оценивал свои литературные таланты и возможности.

В целом можно сказать, что сочинение Евтропия, несмотря на все свои недостатки, было необычайно популярно и среди современников, и среди читателей последующих исторических эпох. Достаточно сказать, что "Бревиарий от основания Города" был трижды переведен на греческий язык — этого не знало ни одно произведение древнеримской литературы [26]!

Популярность работы Евтропия частично обусловлена и тем, что она на протяжении столетий оставалась общепризнанным учебником по римской истории [27].

К жанру бревиариев относится и краткий свод римской истории, составленный также секретарем императора Валента Секстом Руфом Фестом, под названием "Бревиарий деяний римского народа" ("*Breviarium rerum gestarum populi Romani*"). Он является еще более сжатым, чем бревиарий Евтропия.

Фест использует иной подход, нежели Евтропий: он дает краткий обзор истории расширения сферы римского владычества в его географическом аспекте. Особое место занимают в работе Феста события в Азии, где шли войны римлян с парфянами и персами. Как и Евтропий, Фест боготворит Валента: "Какими великими устами должно оглашать твои славные подвиги, непобедимый государь? Несмотря на то, что я отягчен годами и не силен в красноречии, я приготовлюсь к этому" [28].

В целом сочинение Феста стоит ниже по своим художественным качествам и исторической значимости даже по сравнению с бревиарием Евтропия. С.И. Соболевский называет сочинение Феста "ничтожным" [29].

Из авторов эпитом можно выделить Юлиа Обсеквента, создавшего "Книгу чудесных явлений" ("*Liber prodigiorum*") — извлечение из "Истории Рима" Тита Ливия, представляющее собой сжатое и сухое перечисление различных предзнаменований в римской истории. В уцелевшей части "Книги чудесных явлений" описываются события между 190 и 12 гг. до н.э. Главная задача Обсеквента — показать обилие счастливых предзнаменований, сопровождавших историю Рима и рост его могущества и славы, что говорит о языческом мировоззрении автора, а также о его надежде на возврат к старинным, отеческим традициям.

Время жизни Обсеквента точно определить невозможно, но ясно, что он жил до правления императора Гонория, т.е. до 395 г.

В целом же, хотя форма бревиариев и эпитом была весьма популярна в эпоху домината, ее господствующее положение говорит о снижении уровня литературно-исторического творчества в данный период времени, ибо ничего нового авторы подобных произведений создать не могли, да, видимо, и не стремились к этому.

Аммиан Марцеллин – последний представитель римской историографии

Личность и творчество Аммиана Марцеллина заслуживают особого внимания уже потому, что этот писатель смог возродить в римской историографии те традиции и идеи, которые, казалось, были забыты историками Рима в течение более чем двух столетий. Только Аммиан смог возвратиться к хронологическому принципу изложения истории, преодолев и отвергнув возобладавшие после смерти Тацита тенденции в римской исторической литературе, выражавшиеся в преобладании биографий, компендиев, бревиариев и эпитом. Во многом именно поэтому Аммиана считают продолжателем труда Тацита в частности и лучших традиций римской историографии в целом.

Сведения о биографии Аммиана Марцеллина современные исследователи получают из его собственного сочинения, а также из писем известного греческого ритора Либания, с которым Аммиан был одно время близко знаком.

Родился Аммиан около 330 г. в знатной греческой семье в Антиохии Сирийской [30]. Свой "путь почестей" он начал в 353 г., когда, избрав военную карьеру, поступил на службу в качестве протектора-доместика, т.е. члена личной гвардии императора. Под командованием магистра конницы Урсицина Аммиан побывал в Италии, Галлии и Месопотамии, где участвовал в боевых действиях и, в частности, в обороне крепости Амиды, красочно и увлекательно им описанной [31].

После гибели Юлиана в 363 г. Аммиан оставил военную службу и возвратился в родную Антиохию. Около 380 г. будущий историк перебирается в Рим, где и живет до конца жизни. Известно о его поездках в Египет, по Фракии и Пелопоннесу. Служа в армии,

а затем — живя в Риме, Аммиан изучил латинский язык, что дало ему возможность написать свое сочинение на латыни и сделать его тем самым доступным широкой читательской аудитории.

Сочинение Аммиана Марцеллина называется "*Rerum Gestarum Libri XXXI*" — "Деяния в 31 книге", или просто "Деяния". Иногда (в частности, в русском переводе) эта работа называется "История". Из тридцати одной книги сохранилось лишь восемнадцать последних — с XIV по XXXI, в которых излагаются сведения о событиях с 353 по 378 гг.; сам автор пишет, что свой труд он начал с правления Нервы (т.е. с 96 г. н.э.), а доведено сочинение до гибели Валента (378 г.). Таким образом, наиболее обстоятельно и подробно Аммиан изложил историю современной ему эпохи (в последних восемнадцати книгах охвачен период в двадцать пять лет, в то время как в тринадцати несохранившихся — двести сорок семь лет). Возможно, это связано с общей для римских историков традицией излагать историю недавнего времени или современности более подробно, а также с тем, что история императоров от Нервы до Гелиогабала (т.е. с 96 по 222 гг.) была подробно освещена в несохранившемся до нашего времени сочинении Мариа Максима, которое современники Аммиана читали с большим интересом, а потому он, быть может, не счел нужным еще раз заострить на этом внимание.

Сохранившаяся часть "Деяний" содержит, таким образом, описание событий, начиная с казни Констанцием II племянника Константина Великого Галла (книга XIV). Затем Аммиан последовательно излагает историю правления императоров Констанция (337 — 361 гг.), Юлиана (361 — 363 гг.) и Иовиана (363 — 364 гг.) (книги XV — XXV), Валентиниана I, Валента и Грациана (367 — 383 гг.) (книги XXVI — XXXI), иногда отклоняясь от основной линии повествования.

Для Аммиана свойственно стремление к соблюдению объективности в освещении исторических событий. Так, он утверждает, что "историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не бывшее" [32]. В другом месте Аммиан пишет: "Я обещал в труде своем дать истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью" [33]. Эдикты Констанция II Аммиан оценивает критически, отмечая, что в них император превозносит себя "до небес" и вообще опускается до прямой лжи [34]. Характерен для Аммиана и отказ от изложения мелких, второстепенных деталей, т.к., по его мнению, "мелочи такого рода

не согласуются с принципами исторического изложения, которое обыкновенно остается на уровне важнейших событий и не вдаётся в детали" [35]. К этой же мысли автор не раз возвращается и в дальнейшем [36].

Об источниках, использованных Аммианом Марцеллином, отчасти говорит он сам: "Я изложил последовательно как то, что довелось мне видеть, как современнику, так и то, что можно было выведать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе" [37].

Кроме того, много сведений было почерпнуто Аммианом из разного рода документов, донесений, официальных сообщений, указов императоров и т.п., а также работ ряда античных авторов — Страбона, Валерия Максима, Авла Геллия, Клавдия Птолемея, и др. [38].

К чести Аммиана весь собранный им материал был обработан и использован достаточно беспристрастно. Даже в характеристике своего главного героя — императора Юлиана — Аммиан добросовестно перечисляет ряд свойственных ему недостатков, посвящая этому списку довольно много строк [39]. Критикует он Юлиана не только за отрицательные черты его характера, но и за ряд политических действий, ошибочных с точки зрения автора. Так, например, Аммиан порицает Юлиана за антихристианские мероприятия во внутренней политике [40].

В связи с этим необходимо сказать несколько слов о религиозных взглядах Аммиана. Судя по всему, он был язычником, хотя открыто об этом нигде в тексте не говорится. В то же время ему свойственна религиозная терпимость, отразившаяся в приведенной выше характеристике Юлиана. Аммиан верит в предсказания, чудеса, волшебство, что вообще было свойственно людям эпохи перехода от античности к средневековью [41], и уделяет рассказам о них достаточно много места [42]. В целом из всех сил, властвующих над людьми, главной, по Аммиану, является судьба, или удача, — и здесь Аммиан не был одинок в силу своей принадлежности к античной историографии. В то же время он признает и воздействие на человеческие поступки какого-то безличного небесного божества, обладающего "вечной благодатью" [43]. Можно предположить, что в этом в определенной степени проявилось христианское влияние на мировоззрение Аммиана, что также было вполне закономерно в эпоху гибели античного мира и становления средневековой христианской цивилизации [44].

По своим социально-политическим убеждениям Аммиан Марцеллин был ярко выраженным сторонником сильной

императорской власти. Хотя он был греком по рождению, его не привлекают демократические и вообще республиканские традиции своих предков — он убежденный патриот Римской империи. И это вполне естественно — в этот период времени о возврате к республике уже никто даже не мог помышлять [45]. Императорская власть, по мнению Аммиана, требует от своего обладателя достаточно редких человеческих качеств: заботы о людях, умеренности, самообладания, милосердия, благоразумия [46].

Отношение Аммиана к народным низам враждебно, что не мешает ему критиковать и римскую аристократию — политически беспомощную, бесполезную для общества, погрязшую в пороках.

Как патриот Империи, Аммиан прославляет ее могущество — и прошлое, и настоящее — и славу римского оружия; для него является вполне приемлемым поголовное истребление врагов Рима, которые в глазах историка предстают шайками разбойников.

“Деяния” содержат большое количество не только чисто исторического материала, но и большое количество сведений из других областей знания, относящихся к географии, физике, биологии, философии, религии, этнографии и т.д. [47].

Необходимо отметить, что Аммиан отводит важное место не только описанию внешней политики Рима (что свойственно и другим римским историкам), но и событиям внутренней жизни Римского государства, давая при этом развернутую характеристику различным слоям римского общества и оценивая ситуацию в различных сферах римской жизни. Особое место Аммиан отводит рассмотрению проблемы нравственной деградации Рима, моральному упадку и разложению позднеримского общества [48]. По словам А.Г. Бокщанина, “ни один из античных авторов так ярко не показывает картину полного распада системы римского общества, как Аммиан, и этим его труд особенно ценен” [49].

Что касается манеры изложения у Аммиана, то она, по мнению специалистов-филологов, достаточно витиевата. Текст изобилует многочисленными метафорами, вычурными выражениями; общий тон сочинения — напыщенный, выдержанный в духе так называемого азианского красноречия [50]. Сам Аммиан достаточно самокритичен в отношении своего литературного стиля, ибо своим продолжателям (если бы таковые нашлись) он советует “дать своей речи более высокий полет” [51]. Видимо, сыграло свою роль греческое происхождение Аммиана, ибо он не совсем верно чувствует латинский язык, а потому подчас неверно строит фразы,

дословно заимствует целые обороты у древних авторов, применяет необычные эпиклезы в отношении упоминаемых богов [52] и т.д. В итоге у Аммиана возникает смешанный язык, который не соотносится ни с каким жанром и ни с какой эпохой [53]. Все это делает чтение в оригинале и перевод "Деяний" очень трудным для современного исследователя.

Подобные "литературные излишества" можно объяснить отчасти тем, что первоначально Аммиан читал написанное вслух перед аудиторией, что обуславливало необходимость приукрашивать излагаемый материал разного рода риторическими ухищрениями.

Сильное влияние на стиль Аммиана оказали и произведения Цицерона, которого он часто цитирует и которому подражает. Можно отметить также хорошую осведомленность Аммиана в области творчества Вергилия и других римских авторов. От Тацита же, продолжателем дела которого многие считают Аммиана, он унаследовал пессимистическое отношение к будущему Рима и морализм, а также драматизацию исторического повествования [54].

Бряд ли Аммиана можно однозначно и безоговорочно отнести к какому-то одному направлению в античной историографии. Для него характерны как высокая художественность изложения и риторизм исократического направления, так и объективность, беспристрастность в трактовке событий, свойственные прагматической, научной историографии. И это еще раз показывает, что Аммиан действительно является последним античным историком — и не только хронологически, но также по характеру своего мировоззрения, вобравшего в себя черты самых разных школ и направлений в античной историографии.

В заключение можно отметить еще одну характерную деталь: первый римский историк — Квинт Фабий Пиктор — будучи римлянином, писал свой труд по-гречески; последний же представитель римской историографии — грек Аммиан Марцеллин — создает произведение на латинском языке. Так замкнулся круг времен ...

Таким образом, Аммиан Марцеллин завершает собой плеяду не только римских, но и античных историков в целом. В это время в недрах античной цивилизации уже возникает христианская историография, которая, как отмечает С.Л. Утченко, была не только чужда, но и глубоко враждебна историографии предшествующего времени [55].

Римская историография прошла в своем развитии длительный путь. По времени он оказался даже более продолжительным по сравнению с историографией Древней Греции, ибо занял почти семь столетий — с III в. до н.э. по конец IV в. н.э.

Историческая литература Древнего Рима в перспективе сыграла немаловажную роль в становлении и развитии истории как области научных знаний.

При всех противоречиях между средневековой и античной цивилизациями многие произведения древнеримских писателей-историков продолжали пользоваться успехом и привлекать внимание читателей и в средние века, не говоря уже о последующих эпохах. Тем самым они в немалой степени способствовали преемственности в развитии научных знаний, во многом сохранив для мыслителей Нового времени образ мышления и методы исторического познания, существовавшие в античности.

Историческая литература эпохи поздней Империи не смогла в полном объеме использовать весь потенциал, созданный и накопленный историками предшествующего времени. Многие жанры и формы историко-литературного творчества были попросту забыты; другие же сохранились, но были наполнены содержанием крайне низкого качества и в научном, и в художественном отношении. Именно поэтому имена многих позднеримских историков представляют интерес почти исключительно лишь для узкого круга исследователей, специально занимающихся данной проблемой.

Только Аммиан Марцеллин, единственный и последний представитель историографии периода домината, смог возродить в своем творчестве лучшие традиции римской исторической литературы, которые, казалось, умерли с уходом с исторической арены Корнелия Тацита.

Аммиан нашел в себе силы не поддаться общей деградации и не пойти на поводу литературной и политической конъюнктуры своего времени. Благодаря этому ему удалось создать действительно важное и значительное произведение, ставшее последним крупным достижением римской художественной историографии.

Бесспорно, Аммиану в силу целого ряда причин как субъективного, так и объективного характера не удалось подняться до уровня своих великих предшественников — Тита Ливия и Тацита. Тем не менее значение его творчества достаточно велико, особенно

если учесть, что Аммиан Марцеллин оказался последним крупным древнеримским историком — не по времени, а по духу своего творчества.

В целом же период домината характеризовался упадком античной римской историографии, что было вполне закономерно в эпоху гибели великого, но отжившего свой век мира античности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Необходимо уточнить содержание понятия "позднеримская историография". В хронологическом плане оно не совпадает со временем существования поздней Римской империи, ибо после смерти в конце IV (или в начале V) в. Аммиана Марцеллина историография стала носить почти исключительно церковно-христианский характер, а писателями-историками являлись, как правило, христианские священнослужители. Несмотря на то, что формально Западная Римская империя и античный мир существовали до 476 г., древнеримская историография закончила свою историю несколько раньше. Таким образом, позднеримская историография — это период в истории римской исторической литературы с конца III по конец IV вв. н.э., для которого свойственны именно античные, а не христианские средневековые, подходы и установки.
2. См. об этом подробнее: Дуров В.С. *Художественная историография Древнего Рима*. СПб., 1993. С. 4; Тронский И.М. *Корнелий Тацит*. // Тацит К. *Сочинения в 2-х томах*. Л., 1969. Т. 2. С. 223.
3. *Историография античной истории*. / Под ред. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 14.
4. См.: Фукидид. *История*. I. 22. 2 — 4.
5. Утченко С.Л. *Римская историография и римские историки*. // *Историки Рима*. М., 1970. С. 19.
6. Дуров В.С. *Художественная историография...* С. 10.
7. Сергеев В.С. *История Древней Греции*. М., 1963. С. 3.
8. Дуров В.С. *Художественная историография...* С. 13; С.Л. Утченко называет это направление художественным, или художественно-дидактическим (Утченко С.Л. *Римская историография и римские историки*. // *Историки Рима*. С. 21).
9. Саллюстий. *Заговор Катилины*. VIII. 2 — 5.
10. См.: Дуров В.С. *Художественная историография...* С. 4.
11. В науке есть и другое мнение на сей счет (см.: *История Римской литературы*. / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассека, Ф.А. Петровского. Т. 2. М., 1962. С. 414. Прим. 4).
12. Флавий Вописк. *Божественный Аврелиан*. I. 1.
13. Вулкаций Галликан. *Авидий Кассий*.
14. Флавий Вописк. *Проб*. XI. 1-9; Требеллий Поллион. *Божественный Клавдий*. XVIII. 1-4; Юлий Капитолин. *Трое Гордианов*. XVII. 1-9 и др.

15. История римской литературы. Т. 2. С. 423.
16. На сегодняшний день назвать точную дату составления "Писателей истории Августов" не представляется возможным из-за возникших в среде ученых-источниковедов разногласий по поводу датировки этого произведения. Подробнее о дискуссии по вопросу датировке "Писателей истории Августов" см.: Бокщанин А.Г. Источниковедение истории Древнего Рима. М., 1981. С. 108.
17. История римской литературы. Т.2. С. 424.
18. Бокщанин А.Г. Источниковедение истории Древнего Рима. С. 109.
19. Дуров В.С. Художественная историография... С. 118; История римской литературы. Т. 2. С. 426.
20. Аврелий Виктор. О Цезарях. 20. 5.
21. Аммиан Марцеллин. История. XXI. 10. 6.
22. Подробнее об этом см.: Бокщанин А.Г. Источниковедение истории Древнего Рима. С. 110; История римской литературы, Т. 2. С. 427; Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 1947. С. 24.
23. История римской литературы. Т. 2. С. 428.
24. Аврелий Виктор. О Цезарях. 20. 5.
25. Евтропий. Краткая история от основания Города. X. 18.
26. Дуров В.С. Художественная историография... С. 119.
27. Машкин Н.А. История Древнего Рима. С. 24.
28. Цит. по: История римской литературы. Т. 2. С. 430.
29. История римской литературы. Т. 2. С. 430.
30. Аммиан Марцеллин. История. XIX. 8. 6; XXXI. 9. 14; XXXI. 16.9.
31. Там же. XIX. 2 — 8.
32. Там же. XXIX. 1. 15.
33. Там же. XXXI. 16.9.
34. Там же. XVI. 12. 70.
35. Там же. XVI. 1.
36. Там же. XXVIII. 1. 15; XXXI. 5. 10.
37. Там же. XV. 1. 1.
38. Дуров В.С. Художественная историография... С. 123.
39. Аммиан Марцеллин. История. XXV. 4. 16 — 21.
40. Там же. XXII. 10. 7; XXV. 4. 20.
41. Кнабе Г.С., Протопопова И.А. Культура античности. // История мировой культуры. Наследие Запада. М., 1998. С. 199.
42. См.: Аммиан Марцеллин. История. XIX. 12. 19; XXI. 1. 6 — 14; XXI. 2. 1 — 2; XXII. 12. 6 — 8; 14. 7 — 8.
43. Там же. XXV. 7. 5.
44. Кнабе Г.С., Протопопова И.А. Культура античности. С. 199.
45. Утченко С.Л. Римская историография и римские историки. // Историки Рима. С. 31.
46. Аммиан Марцеллин. История. XXX. 2. 18.
47. Подробнее об этом см.: История римской литературы. Т. 2. С. 432.

48. Аммиан Марцеллин. История. XXVIII. 4. 6 – 34; XXXI. 4. 9 – 11; 6. 5; 16. 1.
49. Бокщанин А.Г. Источниковедение истории Древнего Рима. С. 113.
50. История римской литературы. Т.2. С. 436; Утченко С.Л. Римская историография и римские историки. // Историки Рима. С. 31.
51. Аммиан Марцеллин. История. XXXI. 16. 9.
52. Ермолова И.Е. Об эпиклезе таврского божества у Аммиана Марцеллина. // Вестник древней истории. 1998. № 2. С. 129.
53. История римской литературы. Т. 2. С. 436.
54. Дуров В.С. Художественная историография... С. 126.
55. Утченко С.Л. Римская историография и римские историки. // Историки Рима. С. 32. Все же необходимо отметить, что при всей враждебности историографии Древнего Рима и историографии средневековой Европы, между ними существуют определенная преемственность и ряд общих черт.

МЕТОДОЛОГИЯ КЛАССИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА И ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вопросы эволюции исторической мысли французского Просвещения, её соотношения с методологией (принципами и способами научного познания) классического рационализма рассматриваются во многих исследованиях как зарубежных, так и отечественных авторов [1]. В советской историографии постоянное внимание к просветителям определялось прежде всего их ролью критиков абсолютизма, идеологов, подготовивших Великую французскую революцию. Но интерес к ним сохраняется и в постсоветской российской историографии, когда начала уходить в прошлое упрощённая, прямолинейная привязка их взглядов к социально-экономической обстановке предреволюционной Франции. В последнее десятилетие вышел ряд новых публикаций текстов на русском языке [2], российскому читателю стала доступна зарубежная литература, ранее не переводившаяся [3].

В литературе по проблеме широкое распространение получила характеристика подходов учёных — просветителей как «антиисторических». Она впервые появляется в трудах представителей консервативного крыла романтической историографии (Э. Бёрка, Ж. де Местра, Р. Шатобриана), возникшего в последнее десятилетие XVIII — начале XIX веков в борьбе с исторической мыслью Просвещения, как «протест против рационального и только абстрактно направленного мира идей Французской революции» [4]. Эта точка зрения, установившаяся в XIX столетии, перешла в труды многих учёных XX века. «XVIII век — век по преимуществу антиисторический», пишет Е.В. Тарле [5]. С определениями «антиисторическая эпоха», «антиисторический XVIII век» согласен и Б. Кроче [6]. Странники такого подхода концентрировали внимание на разрыве, противоположности между просветительским и романтическим направлениями исторической мысли.

Однако постепенно появляется и другая точка зрения. Суть её в том, что вопрос соотношения просветительской и романтической

историографий более сложен, речь может идти не о полном разрыве, а о взаимодействии и преемственности, отрицая (часто в категоричной форме) чисто рационалистические конструкции, историческая мысль романтизма в то же время усвоила многие достижения учёных — просветителей XVIII века. Например, А.Д. Люблинская пишет: «Энциклопедия послужила ...кладезем для историков первой половины XIX века, которые — наученные к тому же опытом Великой французской революции — сделали следующий шаг и открыли классовую борьбу в истории (О. Тьерри, Ф. Гизо)» [7]. Г.М. Фридлендер, соглашаясь с тем, что «в самом общем теоретическом виде такое представление [об антиисторизме просветителей — В.А.] отвечает истинному, реальному положению вещей», в то же время настаивает на том, что «в ряде важных моментов мышление просветителей отнюдь не было антиисторичным» [8].

Ранней хронологической границей исторической просветительской мысли во Франции можно считать последнее десятилетие XVII века. Оно ознаменовано выходом в свет «Исторического и критического словаря» (1695 — 1697) П. Бейля, первого крупного труда с ярко выраженными характерными чертами просветительской историографии. Завершается господство просветительской исторической мысли в годы Великой французской революции. Её последним значительным трудом стал трактат «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) Ж.А. Кондорсе. На протяжении «века Разума» во Франции работали такие выдающиеся учёные — просветители, занимавшиеся проблемами исторического процесса, как Ш.Л. Монтескьё, Вольтер, А.Р. Тюрго, Г. Рейналь, Г. Мабли.

В исторической мысли Франции этого столетия провиденциалистская трактовка исторического процесса неуклонно оттесняется на второй план, в церковь и на богословскую кафедру, хотя по-прежнему остаётся официальным объяснением мирового устройства. Богословы Сорбонны, оплота католицизма, опираясь на поддержку светских властей, неоднократно пытаются восстановить утраченные позиции, добиваются временных успехов (например, приостановки издания «Энциклопедии»), но в целом их попытки безуспешны. Преобладающими становятся рационалистические трактовки исторического процесса, теоретические построения классического рационализма, выведенные дедуктивным путём Р. Декартом, Б. Спинозой, Т. Гоббсом, Г.В. Лейбницем. Их гносеология формировалась под

влиянием достижений математики и естествознания. Наоборот, над конкретным историческим материалом эти философы практически не работали, если, конечно, не считать наблюдений над современной действительностью.

Классический рационализм при рассмотрении проблем истории общества исходил из следующих постулатов:

- разум (понимаемый, как ум, способность понимания и осмысления) является высшим началом и сущностью мироздания;
- природа, человек, общество устроены разумно, на основе «естественного» порядка, всеохватывающей системы причинно-следственных связей;
- разум является основой поведения людей, все их достижения рождены его всепобеждающей силой;
- общественные отношения, социальные институты строятся людьми разумно, осознанно, по соображениям целесообразности, исходя из заранее принятых решений;
- разум является основой познания, последним и верховным авторитетом, истинное знание достигается только посредством разума;
- разум противостоит религиозной вере, теологии, мистике, средневековой схоластике. Он должен быть освобождён от опеки церкви и феодальных властителей.

Для гносеологии классического рационализма характерна низкая оценка познавательных возможностей истории как отрасли знания, скепсис в отношении возможности верификации сведений содержащихся в исторических сочинениях, возможности установления действительных связей между фактами прошлого. «Копия с копии, как бы она ни была засвидетельствована самыми надёжными свидетелями, никогда не допускается на суде в качестве доказательства», — говорит один из участников диалога в трактате Лейбница «Новые опыты о человеческом разумении», начиная разговор о познавательных возможностях сочинений историков [9]. Философы — рационалисты, разрабатывая общеисторические схемы, с недоверием смотрели на нагромождения фактов, собранных их современниками — «эрудитами», занимавшихся конкретными историческими сюжетами. Близок к такому подходу и Бейль, в статьях своего словаря приводящий множество опровергающих друг друга фактов, пристрастных свидетельств мемуаристов, невежественных ошибок хронистов. В конце концов, скептик и пирронист Бейль убеждается и убеждает читателя в

невозможности освободить историческую истину от искажений, привнесённых современниками событий и последующими поколениями.

Действительно, многие социологические схемы, господствовавшие в «век Просвещения», не имеют ничего общего с историческими реалиями и с представлением о действительности, как развивающейся во времени (т.е. важнейшим принципом историзма).

Для французских историков — просветителей характерна убеждённость в универсальности и неизменности «родовой» («естественной») природы человека. На протяжении всего XVIII столетия не подвергалось сомнению положение естественно-правовой теории о том, что при создании человека в его природу был заложен некий естественный закон, вечный и неизменный, независимо от расы и нации, эпохи в которой живёт человек. Индивидуальная и общественная мораль рассматривались ими как неизменные и вечные. Поступки исторических лиц далёкого прошлого оценивались в соответствии с моральными нормами, ценностной шкалой, современной просветителям. Все идеи делились просветителями на «истинные», заложенные при создании мира в родовую природу человека, и «ложные», внедрённые в массовое сознание противниками разума и прогресса. Считалось, что заблуждения народной массы можно развеять путём своеобразной диффузии накопленных духовных богатств в массовое сознание. При этом не ставился вопрос: не являются ли и заблуждения людей так же отражением независимой от них действительности, упускалось объективно обусловленное социальное содержание иллюзорного сознания.

Не имело ничего общего с действительными историческими процессами и безусловно господствовавшее в просветительской исторической мысли, сыгравшее столь большую роль в антиабсолютистской борьбе положение о происхождении государства в результате «первобытного (общественного) договора». Это же можно сказать и о представлениях просветителей по проблеме происхождения религии и церкви, появившихся, по их мнению, в результате сознательной деятельности (обмана) священнослужителей. Из этого логически вытекала мысль о возможности такой же сознательной замены «ложной» религии «естественной», действительно соответствующей человеческой природе («религией разума», «религией чувства»).

Таким образом, присутствие, по крайней мере, элементов антиисторического подхода в трактовке французскими просветителями исторического процесса представляется несомненным. Обусловлено это конкретно-историческими причинами, общим уровнем развития в XVIII веке гуманитарного знания и истории, в частности. Назовём некоторые из этих причин.

В распоряжении французских историков XVIII века находился ограниченный фактический материал. Использование архивной источниковой базы не являлось обязательным для историка. Привлекает историк архивные источники или не привлекает, продолжало оставаться его личным делом. По-прежнему основными источниками исторического сочинения продолжали оставаться нарративные тексты (мемуары, записки путешественников, эпистолярное наследие и другие «свидетельства просвещённых людей прошлого»). Не опирающаяся на источниковую базу теория повисала в воздухе, место действительных связей и фактов занимали спекулятивные построения.

Вспомогательные исторические дисциплины находились на стадии становления. При этом основная работа по их разработке велась «эрудитами» — членами монашеских конгрегаций, придерживавшихся провиденциалистской трактовки исторического процесса, враждебных учёным — просветителям, в политическом плане лояльных абсолютизму. Основным критерием истинности сведений, извлекаемых историком из источников, оставалась их согласованность со «здравым смыслом», то есть совокупностью взглядов, представлений об окружающем мире, выработанных предшествующими поколениями в их повседневной практической деятельности. Критерием истинности, таким образом, являлась логическая (а не опирающаяся на конкретный анализ источника) вероятность исторического факта.

Главная цель трудов французских просветителей находилась вне объективного постижения прошлого, достижения исторической истины. «Истории была дана внешняя цель», — пишет Кроче, — «история рассматривалась лишь как материал для более или менее посторонних целей, отсюда проистекало равнодушие к её достоверности» [10]. На первом месте для просветителей стояла высокая воспитательная цель: «изменить способ мышления нации» (Дидро). Это обстоятельство решительным образом вело к антиисторизму, ибо воспитание читателя (от простолюдина до «просвещённого монарха») выдвигало на первый план не

кропотливую и педантичную работу с источниками, а создание простых и доступных рационалистических конструкций («религия – результат сознательного обмана», «государство – результат договора» и т.п.).

Исходя из воспитательной, поучающей функции исторического повествования, французские просветители считали возможным подправлять, вольно интерпретировать и даже додумывать (придумывать) исторические факты. Нередко точность изложения приносилась в жертву драматичности, занимательности, пропагандистским и политическим целям. Изложение просветителями истории некоторых стран Востока, прежде всего Китая, может служить примером такого подхода. Они умышленно идеализировали историю Китая, о которой в то время было очень мало известно в Европе, желая создать образцы «просвещённого» управления для монархов Европы. Политическая направленность подобных картин, очень далёких от реальной истории, ясна.

Переосмысляя всю предшествующую историю, подвергая критике (часто гиперкритике) взгляды всех предшествующих историков (от античности до раннего нового времени) французские просветители сосредоточили свои усилия на создании принципиально новых трактовок мирового исторического процесса, в области генерализирующей истории. При этом индивидуализирующая функция исторического познания отходила на второй план.

На исторических трудах французских просветителей лежит отпечаток их создания в век торжества механицизма, объяснения природного и общественного развития законами механики. Гигантские успехи механики, позволившие Ньютону дать универсальное объяснение явлениям природного мира, казалось, позволяли с её помощью дать столь же всеобъемлющее объяснение и процессов в жизни индивидуума и общества. Господствовало убеждение, что немеханическое движение (а следовательно, и развитие) в обществе отсутствует, а значит и науку о нём можно сделать не менее точной, чем математика. Для этого достаточно выявить и преодолеть ошибки сознания. «Социальная физика» рассматривала общество как совокупность человеческих атомов (индивидов), сближающихся и отталкивающихся друг от друга в результате воздействия «страстей». Её адепты были убеждены в возможности точного прогнозирования поведения отдельных личностей, социальных групп, а, следовательно, и развития общества

в целом. Следование принципам механицизма сужало возможности познания историками – просветителями реалий общественных отношений, несравненно более сложных, чем отношения в природе.

Придерживаясь в целом методологии классического рационализма, французская историческая мысль XVIII века, тем не менее, сумела выйти за её рамки. Наиболее талантливые историки французского Просвещения преодолевали антиисторизм естественно-правовой теории.

Прежде всего, это проявлялось в самом их интересе к истории как отрасли знания. Принципиальным отличием многих французских историков – просветителей (Монтескьё, Вольтера, Рейналя, Мабли) от теоретиков классического рационализма стало их внимание к конкретной исторической проблематике.

Для просветителей характерна убеждённость в необходимости изучения истории для познания мира. Негативизм создателей методологии классического рационализма в отношении познавательных возможностей истории был преодолен.

Просветителями провозглашается принцип «философской истории». Впервые термин введён Вольтером, требовавшим писать историю «философски» (en philosophe). Наиболее точно термин «философия истории» в понимании Вольтера можно интерпретировать как «научная и теоретическая история». «Не будет ...преувеличением утверждать, что идеей научной истории XIX век был обязан философии Просвещения» [11]. «Философская история» рассматривалась как альтернатива ранее господствующему типу исторического сочинения, описательного и фактологического. По мнению историков – просветителей, исследователь не должен слишком увлекаться фактами, перенасыщать свой труд деталями, мешающими читателю различить главные события и тенденции. Его основной задачей является поиск законов развития общества. При этом закон понимался как постоянное отношение между известными явлениями, вытекающее из природы этих явлений. Отсюда столь характерное для просветителей сосредоточение внимания на поиске проявлений общих законов в истории различных стран, а не на их особенностях.

В «Духе законов» Монтескьё ставит целью выявить законы, на основе которых возникают и развиваются социальные институты (государство, обычаи, право и т.п.) Он пишет: «Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им» [12]. По мнению историков-просветителей, историческое

событие, на первый взгляд случайное, на самом деле обязательно продиктовано неким законом, хотя, может быть, и непознанным. Ссылка учёного на случайность в качестве объяснения просто указывает на недостаток у него знания об изучаемом предмете. Принятие обязательности существования закона в свою очередь ставит перед историком задачу открыть, проследить причинно-следственную цепь, породившую событие. Монтескьё пишет об итогах Северной войны: «Не Полтава погубила Карла, он все равно погиб бы, если бы не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей» [13].

Среди историков широко обсуждалась проблема критики источников. Исключительно велика в этом роль Бейля, положившего начало во Франции просветительской исторической критике. Сам учёный, как уже говорилось, остался на позициях скептицизма, не вышел за пределы положений классического рационализма в отношении возможностей исторического познания. Но принятый им при работе с конкретным историческим материалом принцип обязательного предварительного сомнения в достоверности любого исторического факта, критического сопоставления всех доступных исследователю свидетельств о событиях и личностях прошлого оказался глубоко плодотворным, был воспринят и использован позднейшими французскими историками-просветителями, отказавшимися от крайностей пирронизма. Проблемам достоверности исторического факта, проверки подлинности источника, сопоставления содержащихся в нём сведений посвящены статьи «Энциклопедии», принадлежащие Д. Дидро («Факт»), Вольтеру («История»), Ж.-Ф. Мармонтелю («Критика (литература)» [14].

Французские историки XVIII века поднимались фактически до многофакторного подхода в объяснении исторического процесса. Наиболее далеко в этом отношении опередил современников Вольтер. Достаточно ознакомиться с его «Опытом о нравах», перепиской с И.И. Шуваловым по поводу сбора материалов для «Истории России при Петре I» [15], чтобы увидеть, что историк убеждён в необходимости изучения общества как системы, охватывающей все стороны его жизни (политики, социальных институтов, техники, культуры, религии и церкви, «духа времени» и т.д.). Впрочем, у Вольтера часто многофакторный подход возникает размыто, сумбурно, непоследовательно. В конкретных исторических

работах Вольтер часто не выполнял намеченную программу рассказа о всех сторонах истории общества, подобно предшественникам сосредотачивал внимание на деятельности отдельных выдающихся личностей.

Глубоко историчен тезис Монтескьё о том, что законы могут появиться и утвердиться только на стадии, когда дух народа подготовлен к ним предшествующим развитием [16]. Если большинство историков XVIII века рассматривали средние века, как «сон Разума», провал в историческом процессе, то среди просветителей были и мыслители, видевшие в средних веках нечто исторически обусловленное, неслучайное, необходимый и неизбежный этап на пути человечества к действительно разумному общественному устройству (Монтескьё). Средние века в последнем случае рассматривались как время духовного несовершенного детства человечества. Идея развития, выделение в истории человечества трёх стадий (дикости, варварства и цивилизации), закономерно и органически вытекающих одна из другой — ядро работы Тюрго «Последовательные успехи человеческого разума». Идее развития подчинены стадии развития человеческого разума и соответственно общества в труде Кондорсе «Опыт истории человеческого разума».

Подводя итог, следует сказать, что, находясь в целом под воздействием господствующей методологии рационализма, наиболее талантливые французские историки — просветители, работая над конкретным историческим источниковым материалом, сумели преодолеть некоторые положения классического рационализма в трактовке исторического процесса. Э. Трельч писал «Воззрение на мир и на ценности по существу ещё определены рационально и в соответствии с положениями естественного права, но конкретное [подчёркнуто мной — В.А.] представление об историческом прогрессе и о преодолённой неясности озаряет и одновременно оживляет рациональный культурный идеал, наполняет его сознанием ответственности действующего человека, чувством триумфа от победы культуры» [17].

Французские историки — просветители подготовили научную историографическую революцию начала XIX века, заложили основу окончательного утверждения в романтической историографии принципа историзма. Если Бейль ещё находится под влиянием представлений классического рационализма об истории, то Монтескьё и Вольтер выходят за их рамки. Не случайно говорили о влиянии, оказанном на них Вольтером, Монтескьё, Тюрго такие

мыслители первой половины XIX века, как Г. Гегель, А. Сен-Симон, О. Конт. Идея Вольтера об изучении общества как системы и главного предмета исторического познания воспринималась историками начала XIX века как общепринятая и бесспорная. Понимание истории как движения и самопознания разума было развито Гегелем. Начатое Вольтером, энциклопедистами, Тюрго изучение истории промышленности, хозяйственной жизни, техники получит мощное развитие в трудах историков экономического направления XIX века. Идея Монтескьё о создании единой для всех наций типологии форм государственного устройства будет продолжено в трудах основоположников социологии Сен-Симона и Конта.

Впрочем, мыслителям французского Просвещения так и не удастся окончательно устранить разрыв между изучением конкретного исторического материала и рационалистическими теориями развития человеческого общества. Последние (например, культ разума, вера в его неограниченные возможности) по-прежнему будут оказывать значительное влияние на социологические построения поздних просветителей, вплоть до Кондорсе. Окончательно этот разрыв будет устранён историками романтического направления.

Таким образом, представляется возможным говорить о выделении двух периодов господства методологии рационализма во французской исторической мысли: раннем (конец XVII — начало XVIII века) и позднем (середина и вторая половина XVIII века). Второй период можно рассматривать как переходный от классических рационалистических представлений об истории к историзму романтической историографии, где идея развития выступает как ключевая категория исторического познания. В свою очередь романтическая историография не есть разрыв (*rupture*) по отношению к просветительской, а продолжение (*continuite*) зародившихся в последней тенденций на новом уровне. На историческую мысль, помня о специфике духовной стороны общественной жизни, можно распространить положение А. Токвиля [18] о континуитете (преемственности) институтов послереволюционной Франции по отношению к «старому (дореволюционному) порядку».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lefebvre G. La naissance de l'historiographie. P. 1971; Charbonell Ch.-O. L' historiographie. P., 1981; Рокен Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. СПб., 1902; Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII – XIX веков (теории прогресса). Иваново-Вознесенск, 1925; Волгин В.П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748 – 1789). М. – Л., 1940; Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977; Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М. – Л., 1940; Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. Лекции. М. 1963; Люблинская А.Д. Историческая мысль в Энциклопедии // История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 233 – 255; Фридендер Г.М. История и историзм в век Просвещения // XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л., 1981. С. 66 – 81; Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987.
2. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М., 1994; Вольтер. Избранное. М., 1998; Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. СПб., 1999; Вольтер и Россия. М., 1999.
3. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993; Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994; Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.
4. Трельч Э. Указ. соч. С. 238.
5. Тарле Е.В. Национальный архив в Париже // Тарле Е.В. Сочинения. Т. 4. М., 1958. С. 594.
6. Кроче Б. Указ. соч. С.158.
7. Люблинская А.Д. Указ. соч. С. 255.
8. Фридендер Г.М. Указ. соч. С. 66.
9. Лейбниц Г.В. Сочинения. Т. 2. М., 1983. С. 479.
10. Кроче Б. Указ. соч. С. 151.
11. Барг М.А., Указ. соч. С. 315.
12. Монтескьё Ш.-Л. Избранные произведения. М., 1955. С.159.
13. Там же. С. 283.
14. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 18 – 19, 7 – 17, 58 – 59.
15. См.: Вольтер. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1998. С. 557 – 562.
16. Монтескьё Ш.-Л. Указ. соч. С. 411.
17. Трельч Э. Указ. соч. С. 21.
18. См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 1906.

Р. И. Иваняков

ОТТО фон БИСМАРК В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-х - 1950-х гг.

18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца в торжественной обстановке, в присутствии множества высших военных сановников было провозглашено образование Германской империи.

За несколько десятилетий до этого события, 1 апреля 1815 г., в небольшом поместье Шенгаузен родился человек, создавший эту империю — Отто фон Бисмарк. С 1862 до 1890 гг. он был вершителем судеб Германии и всей Европы. Но и до 1862г., а также после своей отставки Бисмарк оказывал большое влияние как на политику немецкого правительства, так и на общественное мнение Германии. Несколько европейских войн, создание империи, "культуркампф", борьба против социал-демократов и ряд других мероприятий "железного канцлера" оставили глубокий след в политической истории Европы, являясь неизменным предметом исследования мировой и отечественной бисмаркианы.

Уже сам факт образования в 1871 г. единой Германской империи поставил имя Бисмарка, наряду с именами Ришелье, Талейрана, Наполеона I, Кавура, на одну из высших ступеней мировой истории.

Наследие Бисмарка было столь значительно, что даже после смерти его имя часто связывалось с крупными политическими процессами и событиями, сотрясавшими Европу и мир в течение всего XX столетия.

В 1914 г. созданная Бисмарком империя развязывает Первую мировую войну за передел уже поделенного мира. С приходом в 1933 г. к власти в Германии НСДАП во главе с Гитлером, проводимая нацистами политика начинает увязываться с именем «железного канцлера». В самой же стране сформировалось общественное мнение будто бы Адольф Гитлер являлся проводником и последователем идей Бисмарка, что умело использовалось нацистской пропагандой в качестве идеологического обоснования политики фюрера. К концу века с именем Бисмарка связывается

второй процесс объединения Германии, начатый в 1980-х годах канцлером ФРГ Гельмутом Коелем и завершившийся созданием в 1990 г. объединенной Германии. Не случайно европейской пресса тех лет называла Г.Коля вторым "железным канцлером". Ведь даже судьбы этих людей, Г.Коля и О. фон Бисмарка, во многом сходны: объединение Германии и взлет личной популярности, а затем отставка и потоки грязи, выливаемые на них.

Все эти события и процессы явились стимулом для исследования личности самого Бисмарка и анализа его политики.

Личность Бисмарка давно привлекает внимание исследователей многих стран мира, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. Уже в середине 60-х годов нынешнего столетия существовало более шести тысяч названий книг и статей, изданных на пятнадцати языках [1], рассматривавших личность "железного канцлера" , а также его вклад в историю и политику Германской империи. С каждым годом научный интерес к этой исторической фигуре растет, увеличивается и количество исследований.

В отечественной историографии изучение личности Бисмарка начинается в последней трети XIX в. С тех пор в России стали публиковаться статьи и монографии, в которых изучены практически все аспекты деятельности этого человека. Причем, следует заметить, что в них виден явный перекокс: анализу внешней политики и дипломатии Бисмарка уделено гораздо большее внимание, чем внутривполитической деятельности канцлера. Последняя чаще всего рассматривается как средство достижения задач внешней политики.

Основной целью статьи является изучение всего комплекса развития отечественной бисмаркианы, основанной на анализе исторических работ, посвященных как самому Бисмарку, так и истории Германии в период нахождения его у власти на посту министра-президента, а затем канцлера Северо-Германского союза и Германской империи. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть основные историографические трактовки Бисмарка и его политики, сформировавшиеся в исторической науке России на протяжении исследуемого периода; выявить причины спада и усиления научного интереса к личности и политике Бисмарка в России; определить основные этапы изучения деятельности Бисмарка в России, дать их характеристику; проанализировать эволюцию взглядов отечественных историков на роль Бисмарка в истории Германии.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1920-х-1950-х гг., ознаменованных выходом работ наиболее известных отечественных исследователей.

Источниковую базу составляют разнообразные историографические источники, представленные в основном монографическими исследованиями и статьями по данной теме. В работе использовано также несколько вариантов переводов на русский язык *"Мыслей и воспоминаний"* Бисмарка, изданных в нашей стране в разные годы.

В целях наиболее полноценного исследования к анализу привлекались труды ряда зарубежных авторов. Несмотря на существование большого количества научных исследований, в отечественной историографии до сих пор отсутствует историографическая работа, рассматривающая весь комплекс вопросов, связанных с развитием отечественной бисмаркианы. Ряд авторов (в частности В.В. Чубинский) обращались к историографии данной темы, но их труды дают далеко неполную картину эволюции подходов к проблеме. Вопрос о создании подобного исследования остается актуальным и сегодня. Тем более, что споры о том, кем был Бисмарк - злым гением Германии или же человеком, воплотившим в жизнь многовековую мечту немцев об объединении страны, продолжают до сих пор.

В течении более десяти лет после Октябрьской революции российская историческая наука переживала наиболее сложный период своего развития, что сказалось на степени изученности многих актуальных тем зарубежной истории, в том числе и проблем германской истории.

Однако в 1920-е годы в нашей стране выходят в свет переводные исследования ряда зарубежных авторов, которые в последующие годы так или иначе повлияли на формирование взглядов советских историков и послужили базой для научного осмысления роли Бисмарка в мировой истории.

Так, в 1923 г. в русском переводе издается *"История Германии с конца средних веков"*, написанная известным германским социалистом Ф. Мерингом. Значительное место в этой работе, наряду с другими этапами истории Германии, уделено и проблеме германского единства, и периоду канцлерства Бисмарка. По мнению Меринга, историческая миссия Бисмарка состояла в том, чтобы руководить в наиболее сложное для монархии время. Автор обращает внимание на то, что в политике для этого человека не существовало в сущности никаких ограничений.

“Как во внутренней, так и в иностранной политике Бисмарк делал, что хотел” [2]. В работе освещена и проблема отношений Бисмарка и Лассалья, взаимно использовавших друг друга, по мнению Меринга, для достижения своих собственных целей.

Анализ развития международных противоречий в последней четверти XIX в. и внешней политики Бисмарка был представлен в работах А.С.Ерусалимского и В.М.Хвостова, вышедших в свет в конце 20-х - начале 30-х годов. В исследовании Ерусалимского (1928) [3] раскрыты обстоятельства военной тревоги 1875 г. Исследование же Хвостова (1934) [4] посвящено дипломатии Бисмарка, которая была направлена на изоляцию Франции и подготовку новой франко-германской войны.

Особую роль в осмыслении советскими историками проблем европейской дипломатии XIX в. играли издания зарубежных авторов, переведенные на русский язык и изданные в СССР. Так, в 1938 г. в СССР на русском языке выходит фундаментальное многотомное исследование “История XIX века” под редакцией французских профессоров Лависа и Рамбо, значительное место в котором уделено и интересующим нас проблемам, в частности личности О. фон Бисмарка. Так, характеризуя человеческие качества Бисмарка, авторы оценивают его как обладателя ярко выраженных юнкерских черт и как человека, основными чертами которого были “гибкость и сила ума”, а также “презрение к писанному праву и традиционной морали”. Они даже называли его «новым Ришелье». Именно благодаря своему дипломатическому гению Бисмарк сумел использовать сложившиеся благоприятные условия в интересах своего Отечества.

Анализируя отличие политики Бисмарка в 1848 г. от его действий в последующие годы, авторы считают что это было продиктовано исключительно политической конъюнктурой. В отношении “культуркампа” они заявляют, что культурная борьба была начата в результате особого влияния католической церкви в Германии, способной противостоять государству и правительству.

В конце 1930-х годов научный интерес отечественных историков к Бисмарку и его деятельности усиливается. Это связано с преодолением негативных тенденций в развитии отечественной историографии 1920-х годов и возрождением исторической науки в СССР, начавшемся с середины 1930-х годов, когда в учебных заведениях было восстановлено изучение и преподавание истории, правда под жестким идеологическим контролем коммунистической партии и государства.

В 1939 г. под редакцией академика Е. В. Тарле выходит учебное пособие для высших учебных заведений "*Новая история*" - труд, который носил не только учебный, но и обобщающий характер. Значительное место в этой коллективной работе, подготовленной известными учеными Академии наук СССР, было уделено и личности Бисмарка.

По мнению авторов, Е. В. Тарле и В. М. Хвостова, несмотря на свое юнкерское происхождение, Бисмарк являлся проводником многих национальных и экономических требований буржуазии (объединение Германии), которые во многом "совпадали с интересами прусской монархии" [34. Т1; 469]. В работе подчеркивается, что в осуществлении этих замыслов большую помощь канцлеру оказали некоторые лидеры рабочего движения, в частности Ф. Лассаль, в обмен на всеобщее избирательное право [34, Т.1; 471]. Подобную политику Тарле оценивает как своего рода германский бонапартизм. Конституционализм же Бисмарка рассматривается здесь исключительно как реализация целей буржуазии.

Главы, посвященные внутренней политике Бисмарка, написаны Хвостовым. По мнению автора, "культуркампф" как борьба против партикуляризма, была прекращена для того, чтобы за счет партии «Центра» усилить позиции правительства в антисоциалистической кампании.

Что касается внешней политики канцлера, то особое внимание авторы уделяют отношениям между Германией и Австрией и делают вывод о том, что этот союз был направлен против России. Хвостов также приходит к заключению о "тесной связи между внешней агрессией и внутренней реакцией, которая была характерна для политики Бисмарка" [5]. В отношении же причин отставки «железного канцлера» на первый план выдвигаются разногласия, существовавшие между ним и императором по рабочему и социалистическому вопросам.

Заметный след в отечественной историографии оставили и мемуары самого Бисмарка "*Мысли и воспоминания*", изданные в СССР в русском переводе в 1940 г. Изданные накануне Великой отечественной войны и снабженные вступительной статьей А. С. Ерусалимского "*Мысли и воспоминания*" качественным образом отличаются от прежних мемуаров князя, выпущенных на русском языке в 1899 г., под редакцией М. В. Станиславского [6] и под редакцией М. Полтавского [7]. Издание полных мемуаров Бисмарка,

без каких-либо комментариев переводчика-редактора стало значительным событием, повлиявшим на дальнейшее развитие советской бисмаркианы. Функцию комментариев выполняет вступительная статья А. С. Ерусалимского – “Бисмарк как дипломат”, где была дана наиболее полная его характеристика.

Изложение материала в издании 1940 г. существенным образом отличается от двух предыдущих изданий. Если в издании 1899 г. в основном преобладает проблемное изложение: издатели (редакторы) излагают проблему и сопровождают ее личными комментариями, то в “Воспоминаниях”, изданных под редакцией Ерусалимского использован проблемно-хронологическое принцип.

Недостаток ранних публикаций мемуаров Бисмарка состоял в том, что за проблемным изложением исчезала хронологическая последовательность. В них отсутствует ряд глав, содержащих описание событий, происходивших до 1848 г., а также после отставки канцлера. В издании же 1940 г. изложение материала построено по хронологическому принципу, что позволяет проследить эволюцию самого автора мемуаров.

Изучение личности Бисмарка продолжается и в фундаментальном труде Ерусалимского *“Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века”*, изданном в 1951 г.

Опираясь на широкий круг источников, в частности - мемуары (в числе которых воспоминания Витте, Мольтке, Вальдерзее, Бисмарка и других, а также ряд газет, среди наиболее часто используемых, можно назвать *“Alldutsche Blatter”*, *“Borsen Courier”*, *“Frankfurt Zeitung”*, *“Krezeitung”*, а также французской *“Le Temps”* и английской *“The Times”*), автор дает широкую панораму событий, одним из главных участников которых был и Бисмарк. Ерусалимский использовал также и документы, хранящиеся в архиве Внешней политики России МИД СССР и Центральном Государственном историческом архиве.

Исследователь достаточно много внимания уделяет первоначальному пути профессионального становления канцлера, по которому он шел долго и запутанно, чему способствовало “его рано пробудившееся честолюбие, которое не позволило ему примириться с подчиненным положением” [8]. Ерусалимский сравнивает Бисмарка с Талейраном, заявляя, что “обоим сопутствовал успех, оба хорошо умели скрывать свои мысли”, но

в тоже время отмечает, что "это были люди совершенно разного типа" [9].

Своеобразного мнения придерживается автор в отношении подписания конвенции Альвенслебена, которое было продиктовано, по его мнению, опасением вспышки восстания в польских провинциях Пруссии.

Во этой работе Ерусалимский заостряет внимание на двух основных вопросах: во-первых, на колониальной политике Бисмарка, а во-вторых, на деятельности Бисмарка после отставки.

Анализируя колониальную политику Германии, автор рассматривает некоторые особенности взаимодействия Бисмарка с другими великими колониальными державами. В частности, он приводит примечательное высказывание Бисмарка во время противостояния с Англией, заявившего, что Египет - "это моя [Бисмарка] палка против Англии" [10].

Подводя итоги деятельности Бисмарка на посту канцлера, Ерусалимский отмечал, что после своей отставки он "объединил вокруг себя почти весь лагерь аграриев, выступавших с требованиями ограничения импорта сельскохозяйственной продукции в Германию из России и Австро-Венгрии" [11]. Политике Бисмарка в отношении другого союзника Германии - Турции автор уделяет незначительное внимание.

Следующим шагом в изучении Германии эпохи Бисмарка явился выход в свет фундаментального обобщающего труда "*Истории дипломатии*" (в 3-х томах), созданной коллективом авторов под редакцией В. П. Потемкина. Главы по истории Германии интересующего нас периода были подготовлены Е. В. Тарле и В. М. Хвостовым.

Первый том был издан в 1941 г., затем после непродолжительного перерыва - в 1945 г. выходит второй том. При подготовке этого издания были использованы разнообразные источники, в числе которых документы, письма и мемуары политических и государственных деятелей второй половины XIX в. Среди исследований, используемых авторами «*Истории дипломатии*», можно назвать широкий спектр работ зарубежных и отечественных ученых, и прежде всего труды С.С.Джунковского, А. И. Молока и С. Татищева («Внешняя политика императора Николая I.» - СПб, 1887). Особое место занимают сочинения классиков марксизма-ленинизма. Во втором томе использованы также работы Ерусалимского, Хвостова и Сказкина. Значительное

место в них уделено анализу германской дипломатии и роли, которую играл в ней Отто фон Бисмарк.

Так, рассматривая процесс объединения Германии Тарле сходитя во взглядах с Ерусалимским, заявляя, что Бисмарк, поняв неизбежность объединения страны, стремился провести его "сверху". Переходя к анализу вопроса о бисмарковских войнах, автор утверждает, что настроенный воинственно Бисмарк "не желал мирного раздела" [12] герцогств с Австрией, а стремился только к военному решению проблемы.

Максимальное внимание авторов «Истории дипломатии» уделено именно дипломатическим аспектам политики Бисмарка. По поводу колониальной политики канцлера Хвостов заявляет, что Бисмарк долгое время относился к вопросу о колониях сдержанно и даже холодно, обосновывая это его нежеланием "рисковать конфликтом с Англией из-за колоний", [13] но затем под давлением буржуазии Бисмарк меняет свое отношение к данному вопросу.

Подобное обоснование колониальной политики Бисмарка позднее будет поддержано большинством других отечественных историков.

В 1941 г. выходит работа В.Г.Ревуненкова — *"Приход Бисмарка к власти"*, в которой автор использовал широкий спектр источников (от мемуаров Бисмарка, Роона, Герлаха до дипломатических писем и отчетов). Основное внимание исследователя сосредоточено на периоде 50-х — начала 60-х годов XIX в., когда произошел политический кризис в Пруссии, в результате которого, как известно, Бисмарк и был назначен главой правительства. В книге рассматривается один из малоизученных вопросов, а именно — становление личности Бисмарка, его путь к власти.

Считая, что Бисмарк сыграл, несомненно, выдающуюся роль во всей истории Германии, Ревуненков отмечает, что он был выдвинут на политическую арену немецким юнкерством и являлся проводником интересов именно этого сословия. "Да и действовать Бисмарк смог только тогда, когда для этого созрели соответствующие общественно-политические условия, без наличия которых весь его "гений" пропал бы впустую" [14].

По мнению автора, уже в 1861 г. Вильгельм хотел предложить Бисмарку пост министра внутренних дел, но его испугала внешнеполитическая программа последнего. Затем, будучи уже посланником в Петербурге, он вновь имеет возможность войти в правительство, заняв пост министра-президента, но из-за

несогласия Вильгельма с его антиавстрийской политикой "Бисмарк отказался стать министром-президентом" [15].

Основными причинами назначения Бисмарка министром-президентом Пруссии автор считает несогласие парламента с военной реформой, а также "большим социальным конфликтом между юнкерством и всеми остальными классами общества" [16].

В 1948 г. публикуется работа Ф.А.Ротштейна "*Из истории прусско-германской империи*", в которой не рассматривается ни личная жизнь Бисмарка, ни обстоятельства его назначения на пост министра-президента, ни события, последовавшие после 1871 г. и связанные с провозглашением Германской империи. Это исследование ограничено лишь внешней политикой и дипломатией Бисмарка на посту министр-президента Пруссии и канцлера Северо-Германского союза.

В работе в крайне ограниченном объеме используются мемуары самого Бисмарка, Мольтке и других современников канцлера.

Автор по-новому подходит к некоторым аспектам деятельности канцлера. Так, интересны рассуждения автора о патриотизме Бисмарка, которым тот всегда очень гордился. Ротштейн полагая, что во многом мнение о Бисмарке-патриоте сильно преувеличено, подтверждает его согласие на возможные "территориальные компенсации между Мозелем и Рейном" [17] Франции. Анализируя проблему влияния внутренней политики Бисмарка на внешнюю, Ротштейн рассматривает всеобщее избирательное право как "лучшую гарантию консерватизма" [18] с целью отвлечь массы от вмешательства в проведение правительством внешней политики.

Описание отдельных вопросов истории Германской империи получило продолжение в исследованиях, появившихся в 1950-е годы. В частности, в работе Е.И.Рубинштейн "*Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX — начале XX века*", вышедшей в свет в 1953 г., рассматривается проблема ассимиляции польского населения восточно-германских провинций. Рубинштейн использует тот же круг источников, что и другие авторы, работавшие в этот период. Причем, в их числе - не только материалы немецкой прессы, но также публикации польской, российской и советской периодической печати, в той или иной степени освещавшие данный вопрос. При анализе проблемы автором были привлечены и исследования ставших к тому времени

уже известными в научном мире отечественных авторов: Ерусалимского, Ротштейна, Тарле и др.

Автор показывает, что политика Бисмарка в отношении польского населения была обусловлена опасением поддержки им клерикальных кругов, а также стремлением установить связи с партикуляристскими элементами в Германии. Первоначально же антипольская компания проводилась под флагом "преследование католиков" [19]. В работе характеризуется ряд мероприятий, проводимых Бисмарком в ходе реализации своей программы. Автор отмечает при этом, что своими мероприятиями Бисмарк только усилил позиции клерикалов.

Имя Бисмарка упоминается также в связи с "Союзом содействия германизации в восточных провинциях", созданному "при непосредственном участии пребывавшего в отставке престарелого Бисмарка" [20].

В 1957 г. выходит еще одна работа, посвященная отдельной проблеме. Это работа Л. Роотс *"Шлезвиг-гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863-1864 годах"*. В ней автор доказывает, что "Бисмарк выступил в качестве выразителя интересов нового, обуржуазившегося юнкерства, весьма заинтересованного в объединении Германии" [21].

В активной внешней политике Бисмарк усматривал "главное средство разрешения всех внутренних вопросов" [22]. Исходя из этого утверждения и строилась вся внешнеэкономическая деятельность Бисмарка. Все войны, произошедшие в период нахождения Бисмарка у власти, по мнению автора, были изначально предопределены Бисмарком, как неизбежные и необходимые.

В отношении компенсаций Франции немецкими землями Роотс не поддерживает мнение Ф. А. Ротштейна, заявляя, что подобное утверждение (о предоставлении компенсаций) содержится только в донесении Флери Наполеону III. Автор показывает, что, несмотря на то, что объединение Германии происходило по-юнкерски, Бисмарк все же "делал прогрессивное историческое дело" [23].

В 1959 г. выходит еще один коллективный труд *"Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 года"*, в которой рассматривается и тот период истории Германии, который был непосредственно связан с именем Отто фон Бисмарка.

Так, в частности Бисмарк упоминается в ней прежде всего в связи с описанием событий революции 1848 г., среди противников

которой наряду с именами Герлахов и генерала Рауха мы встречаем и его имя.

По утверждению К. М. Кривогуза, автора глав, описывающих этот период, Бисмарк пытался "использовать немецкое рабочее движение в своих целях", но ему это не удалось, хотя "в рабочих союзах, созданных буржуазией, орудовали агенты Бисмарка" [24].

Причем Кривогуз придерживается особого мнения по вопросу о причинах реформ 70-х годов, призванных "упрочить юнкерско-буржуазный строй Германии и полностью завершить объединение страны" [25]. До этого в работах использовались несколько иные трактовки и обоснования "культуркампа". В частности, в работе Рубинштейн эта реформа рассматривается исключительно как борьба против католицизма в Германии, но автором не исключалось и желание Бисмарка ослабить партикуляризм в некоторых областях Германии.

Кривогуз делит весь процесс нахождения Бисмарка у власти после образования империи на два этапа: I. — 1871-1878; II. — 1878-1890. Однако четкого обоснования, по какому принципу было произведено это разделение, он не дает. По всей видимости, первый этап характеризуется борьбой против католического влияния или "культуркампа", второй — переносом внимания на борьбу против рабочего и социалистического движения и принятия "исключительного закона".

В области колониальной политики Бисмарк рассматривается как лицо второго плана. Все мероприятия в области колоний, как считает Кривогуз, проводила буржуазия, а Бисмарку лишь оставалось юридически закреплять завоеванное ею.

Автор более четко и ясно, чем его предшественники, называет причину отставки Бисмарка. По его мнению, "к началу 90-х годов ни европейская, ни колониальная политика Бисмарка не удовлетворяли германскую буржуазию и промышленность" [26], и он был вынужден оставить свой пост.

Вопрос об отношении России к проводившемуся Бисмарком объединению Германии рассматривается в работе Л. И. Нарочницкой *"Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии "сверху"*, изданной в 1960 г.

Автор показывает, что Бисмарк сумел добиться благожелательного нейтралитета со стороны России благодаря тому, что Россия рассматривала его как оплот реакции, а также "путем угрозы ей усиления революционного движения в Гольштинии и

Германии". Затем, используя внутренние финансовые трудности России и спекулируя в вопросе о Дунайских княжествах, Бисмарк поддерживал это отношение России к своим реформам.

В то же время Нарочницкая считает, что "царское правительство недоверчиво относилось к уверениям Бисмарка в миролюбии прусской политики" [27]. Благоприятное отношение России к Бисмарку было существенно поколеблено во время переговоров Бисмарка с венгерскими эмигрантами. Россия усматривала в этом поддержку революционного движения.

* * *

За десятилетия в отечественной бисмаркиане определился целый ряд проблем, к которым было привлечено внимание практически всех авторов. Второй период историографии Бисмарка также не был исключением из правил. Наиболее популярными и широко дискутируемыми в научном мире вопросами являлись вопросы о причинах подписания мира с Австрией и позиция Бисмарка в отношении аннексии Эльзаса и Лотарингии у Франции в 1871 г. Очень широкое освещение получил также вопрос об отношении Бисмарка к России. Исходя из этого, есть смысл вынести вышеуказанные проблемы за рамки анализа отдельных исследований, с тем чтобы более предметно представить авторские концепции. Остановимся на каждой из этих проблем отдельно.

В 1866 г., после битвы при Садовой Бисмарк внезапно выдвигает командованию армией и Вильгельму требование о прекращении боевых действий против Австрии и подписании скорейшего мира с ней на достаточно легких условиях. Казалось бы, малозначительное событие, но, как известно, в политике мелочей не бывает, тем более, если ею руководит Бисмарк. За подобными требованиями могли скрываться только долговременные стратегические планы. В современной исторической науке развернулись обширные дискуссии по данному вопросу, отраженные в работах Ф. А. Ротштейна, Л. И. Нарочницкой, А. С. Ерусалимского и в работах Е.В.Тарле.

Практически все эти авторы заявляют о желании Бисмарка "пощадить Австрию, для того, чтобы со временем сделать ее своим другом [читай — союзником]" [28]. Об этом пишут и Л. И. Нарочницкая и в А.С.Ерусалимский. Только Тарле, ссылаясь на Гогенлое, заявляет, что "одним из основных мотивов его [Бисмарка] осторожного отношения к Австрии было опасение, как бы в разгромленной стране не началась революция" [29].

Причем, Нарочницкая, уточняя, против кого направлен подобный союз, пишет: "в целях будущего сотрудничества с Австрией против России и славянских движений..." [30]. Ерусалимский заявляет то же самое: "*Союз [с Австрией] был направлен исключительно против России*" [31]. Хотя в более ранней своей работе "Бисмарк как дипломат", опубликованной в качестве вступления к "Мыслям и воспоминаниям" Бисмарка в 1940 г., он об этом не упоминает.

Ответ можно найти также в международной обстановке и во внешней политике, но уже нашего времени. Именно в 1939-1940 гг., после заключения советско-германского пакта о ненападении, отношения СССР с Германией нормализуются, что, видимо и сказалось на вышеуказанных работах.

Еще одним вопросом, ставшим дискуссионным, стал вопрос о роли Бисмарка в аннексии Эльзаса и Лотарингии. По мнению А. С. Ерусалимского, на аннексии Эльзаса и Лотарингии настаивал генеральный штаб, и Бисмарку, несмотря на то, что он был против подобного шага, пришлось согласиться [32].

Иной подход характерен для Кривогуза. По его убеждению, Бисмарк идет на аннексию, т.к. "сознательно стремится создать очаг будущих франко-германских конфликтов" [33]. Этого же мнения придерживается и В. М. Хвостов [34].

Но наиболее дискуссионной является проблема отношения Бисмарка к России. Изучение данного вопроса также можно разделить на два этапа. С конца 1939 по 1941 гг. в работах отечественных историков совершенно не анализируется негативное отношение Бисмарка к России. Скорее - наоборот. Так, Ерусалимский придерживается заявленного самим Бисмарком мнения о том, что "у Пруссии нет никаких оснований воевать с Россией и что даже победоносная война против России в конечном счете принесет Пруссии в будущем огромный политический ущерб" [35].

Однако после 1945 г. к данный вопрос рассматривается с иных позиций. Многие историки стали все чаще обращать внимание на жесткие и даже агрессивные заявления "железного канцлера" в отношении России.

Наиболее последовательно эту мысль развивает В. М. Хвостов во втором томе "Истории дипломатии", вышедшем в 1945 г. По мнению автора, "Бисмарк ненавидел Россию и боялся ее". Но именно потому, что Россия внушала ему страх, он придавал исключительное значение поддержанию так называемых "традиционных дружественных отношений с Россией" [36].

Ненависть Бисмарка обострялась постоянным срывом Россией реализации его планов в отношении Франции. На сближение с нею он шел только с целью обеспечить себе русский нейтралитет в случае войны с Францией и не допустить их сближения. Практически без изменений подобную мысль повторяют в своих исследованиях Л. И. Нарочницкая, А. С. Ерусалимский и И. М. Кривогуз.

* * *

Повышенный научный интерес к Бисмарку в СССР на рубеже 30-40-х годов нынешнего столетия был вызван главным образом приходом в 1933 г. к власти в Германии А. Гитлера и установлением там нацистского режима. Именно с этого времени Германия начинает проводить активную внешнюю политику, в основном — экспансионистского и даже агрессивного характера. Подобный международный курс "третьего рейха" многие зачастую связывали с именем Бисмарка. Нередко встречались сопоставления между Отто фон Бисмарком и Адольфом Гитлером. Причем, Гитлер изображался продолжателем политики "железного канцлера".

Активная исследовательская работа историков была прервана на некоторое время в 1941 г. начавшейся Великой Отечественной войной. Но уже после войны начинается массовый выход исследований по данной тематике, вызванный появлением большого количества архивных документов, попавших в руки советских германистов в качестве трофеев после капитуляции Германии. По характеру все публикации этого периода можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это мемуары самого Бисмарка "Мысли и воспоминания", изданные в 1940 г. под редакцией А. С. Ерусалимского.

Во-вторых, появился ряд коллективных работ по истории Германии, среди которых прежде всего следует назвать, такие как "История дипломатии" и "Очерки истории Германии...".

В-третьих, это обобщающие работы и монографии отдельных авторов по истории Германии (труды Ерусалимского, Л.И.Нарочинской, В.Г.Ревуненкова, Л.Роотс, Ф.А.Ротштейна и Е.И.Рубинштейн).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография.. М. 1988. С. 3.
2. Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. М. 1923. С. 206.
3. Ерусалимский А.С. Военная тревога 1875 года. // Ученые записки института РАНИОН. 1928. Т.6.
4. Хвостов В.М. Кризис внешней политики Бисмарка. // Историк-марксист. 1934. Т.5.
5. Новая история. Ред. Тарле Е. В. Т. 2. М. 1939. С. 76.
6. Бисмарк О. Из мемуаров. Мысли и воспоминания. Спб., 1899.
7. Бисмарк О. Мемуары князя Бисмарка. Спб., 1899.
8. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3-х томах. Т. I. М. 1940. С. VIII.
9. Там же. С. XIII.
10. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М. 1951. С. 101.
11. Там же. С. 77.
12. История дипломатии. Т. 1. М. 1941. С. 482.
13. История дипломатии. Т. 2. М. 1945. С. 72.
14. Ревуненков В.Г. Приход Бисмарка к власти. Л. 1941. С. 8.
15. Там же. С. 82.
16. Там же. С. 110.
17. Ротштейн Ф.А. Из истории прусско-германской империи. М. 1948. С. 95.
18. Там же. С. 91.
19. Рубинштейн Е.И. Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX - начале XX века. М. 1953. С. 31.
20. Там же. С. 40.
21. Роотс Л. Шлезвик - гольштинский вопрос и политика европейских держав 1863-1864. Таллин. 1957. С. 46.
22. Там же.
23. Там же. С. 221.
24. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 года. М., 1959. С. 218.
25. Там же. С. 238.
26. Там же. С. 247.
27. Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х гг. XIX века за объединение Германии "сверху". М. 1960. С. 91.
28. Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 107.
29. История дипломатии. Т. 1. М. 1941. С. 502.
30. Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 117.
31. Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 127.

32. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3-х томах. Т. I. М. 1940. С. XXVIII.
33. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 года. М. 1959. С. 228.
34. История дипломатии. Т. 1. М. 1941. С. 525.
35. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3-х томах. Т. I. М. 1940. С. XIX.
36. История дипломатии. Т. 2. М. 1945. С. 11.

Д.М.Нечипорук

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В 90-е годы XX века в изучении истории англо-американских связей в годы борьбы с фашизмом произошли серьезные перемены. Данное время напрямую связано с окончанием «холодной войны». После распада Советского Союза были устранены многие препятствия, мешавшие отечественным историкам полноценно исследовать, как упомянутый вопрос, так и историю второй мировой войны в целом. Кроме того, именно на это десятилетие приходится знаменательная дата — 50-летие Победы над фашистской Германией. Неслучайно, что в 1995 году в отечественной историографии наблюдается значительный рост интереса к проблемам истории войны, получивших недостаточное или слишком тенденциозное освещение в прежние годы, а подчас и просто обходившихся стороной в советской исторической науке.

Разработка новых тем и преодоление старых штампов и стереотипов совпало с открытием ранее недоступных российских и зарубежных архивов. Историки из бывшего Советского Союза и западных стран, прежде всего США и Великобритании, еще недавно находясь в состоянии острого идеологического противостояния, отказываются от конфронтации и, объединив свои усилия, пытаются беспристрастно разобраться в причинах, ключевых событиях и результатах второй мировой войны [21]. Тем не менее, кардинальной переоценки истории англо-американских отношений не произошло. Многие прежние суждения и выводы, касавшиеся взаимоотношений США и Англии, сохранили свою актуальность и на сегодняшний день. Как мы увидим далее, главным достижением отечественной историографии 90-х годов является не переосмысление заново истории западных союзников (что, несомненно, более актуально для истории Великой Отечественной войны и истории советско-английских и советско-американских отношений), а разработка слабо изученных ранее проблем, что, как уже отмечалось, связано с возможностью использовать некогда засекреченные архивные материалы.

В 1994 году в США историки России, США и Великобритании выпустили сборник «Allies at war», который посвящён важнейшим аспектам второй мировой войны с привлечением новых документов из Архива внешней политики РФ, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Национального архива США и Государственного архива Великобритании.* Годом позже книга, приуроченная к 50-летию Победы, была издана и в России. Видное место в работе занимают проблемы англо-американских отношений. Т.А. Уилсон исследует структуру, стратегию и принципы руководства англо-американским блоком [21, с.109-133]. Данный вопрос, на наш взгляд, в отечественной историографии получил освещение в трудах Л.В.Поздеевой [17], И.С. Лютова и А.М. Носкова [11]. Британский ученый Р.Дж. Овери сосредотачивает свое внимание на вопросах торгового сотрудничества в годы войны [21, с.229-241], также затрагивавшийся в советской исторической науке благодаря работам К.И. Лукашева [10] и Л.В. Поздеевой [16].

Отечественные исследователи М.М. Наринский и Л.В. Поздеева в статье «Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии» обращаются к неисследованной в отечественной историографии теме отношения друг к другу рядовых американцев и рядовых англичан в годы войны.

В своем очерке авторы прослеживают историю эволюции общественного мнения Англии и США в 1939-45 гг. Так, оказалось, что, несмотря на общность языка, традиций, культуры в Соединенных Штатах и Великобритании в первые годы войны наблюдалась тенденция к обоюдной неприязни, проявлению англофобии у американцев или неприятие духа изоляционизма среди англичан [21, с.338, 341]. Сочувствие и симпатия у родственных народов, по мнению М.М. Наринского и Л.В. Поздеевой, стали преобладать после начала Битвы за Англию и принятия закона о ленд-лизе [21, с.338, 342]. В дальнейшем позитивный образ союзника все больше набирал свою популярность у жителей обеих стран [21, с.340, 342], что, однако, не исключало неприятие тех или иных действий, которые предпринимали США и Англия на протяжении войны (например, недовольство англичан политикой Вашингтона в связи с поддержкой последним адмирала Дарлана)[21, с.339].

В другом сборнике статей «Вторая мировая война: актуальные проблемы» учёные осветили ряд плохо разработанных вопросов, напрямую связанных с историей англо-американских отношений [13].

В очерке В.Л. Малькова прослеживается история западных спецслужб в годы второй мировой войны. Автор отмечает, что до лета 1940 г. США и Англия не имели никаких контактов по линии разведки [13, с.184]. Во время секретной миссии У. Донована в Англию по прямому поручению Рузвельта, по мнению В.Л. Малькова, было положено начало координации действий союзников в этом деле [13, с.184-185]. Благодаря организационной помощи англичан в США в июле 1941 г. появилось Управление Координатора информации (УКИ) [13, с.185]. Большую помощь оказали англичане также в обучении «своих менее опытных американских коллег премудростям борьбы с немецкой, итальянской и японской контрразведками и нацистским режимом на оккупированной территории Европы» [там же]. Однако, несмотря на успешные совместные действия разведки и контрразведки (дешифровка текстов, нейтрализация германских мини-подлодок, осуществление руководства движениями сопротивления в Албании, Югославии, Дании, Бельгии, Польше и т.д.), В.Л. Мальков не преувеличивая значение тесного взаимодействия разведок США и Англии, обращает внимание и на разногласия спецслужб и их действий в Греции, Румынии и Иране [13, с.189-190]. Особо ревностно обе стороны (главным образом США) стремились сохранить лидирующие позиции «в стратегически важных областях новейшей технологии и военной техники» [13, с.190].

В том же 1995 году появляется обстоятельное исследование В.Л. Малькова о «Манхэттенском проекте». Ученый, используя огромный массив недавно рассекреченных архивных документов из Национального архива США, архивных фондов библиотеки Конгресса, Архива внешней политики РФ, рукописного фонда библиотеки Принстонского университета, исследует историю создания атомной бомбы сквозь историю американо-советских и англо-советских отношений. Историк также задается целью проследить истоки и предпосылки «холодной войны», разобраться в причинах возникновения конфронтации между союзниками.

Вопросам англо-американского сотрудничества В.Л. Мальков уделяет меньше внимания, чем вышеназванным проблемам. Однако, это не помешало автору обрисовать в работе достаточно полную картину англо-американского взаимодействия в процессе разработки атомной бомбы в отличие от более ранних работ по этому вопросу С. Мадзоевского [12] и В.Г. Трухановского [22].

В.Л. Мальков, как и вышеназванные исследователи, признает наличие острого англо-американского соперничества в области

атомной энергии, но, тем не менее, не склонен слишком сильно переоценивать данное обстоятельство. По мнению историка, Рузвельт не стремился к монопольному обладанию ядерным оружием за счет британского союзника, как это предлагали сделать некоторые участники «манхэттенского проекта» со стороны США [14, с.22-28]. Лидирующая роль Соединенных Штатов в атомной сфере, которая четко обозначилась в 1943 году, по мысли В.Л. Малькова, не означала отказа от «безоговорочного признания правительством США исключительного права обеих стран (США и Англии - Д.Н.) на совместное владение атомными секретами», что и было подтверждено Квебекским соглашением [14, с.31]. Более того, Рузвельт согласился с идеей Черчилля использовать атомную бомбу как оружие сдерживания коммунизма, что, по мнению автора, надо расценивать как издержки тактики американского президента, чем стратегии, так как последняя была в целом направлена на развитие отношений с СССР [там же]. Создание ядерного оружия летом 1945 году, на взгляд В.Л. Малькова, привело к увеличению влияния США в англо-американском союзе, а также помогло создать Трумэну свой образ «спасителя» западной цивилизации «перед лицом грозного вала, надвигавшегося с Востока» [14, с.117].

Н.И. Егорова в монографии "Изоляционизм и европейская политика США (1933-1941 гг.)" исследует степень влияния изоляционизма на дипломатию администрации Ф.Рузвельта [2].

В 1939-1941 гг. изоляционизм, по убеждению автора, находился на стадии утраты своего влияния [2, с. 222]. Однако их позиции в это время были достаточно сильны и сторонники нейтралитета «по-прежнему бдительно следили за тем, чтобы оборонительные мероприятия носили односторонний характер, не вели к союзническим отношениям с Великобританией и не спровоцировали вовлечение США в европейскую войну» [2, с.158]. Поэтому президент на первых порах крайне осторожно и осмотрительно предпринимал любые шаги, которые можно было бы истолковать как смену внешнеполитического курса [2, с.130]. Реально расширить помощь Англии Рузвельт смог только после президентских выборов 1940 г. Как отмечает автор, благодаря «беседе у камелька», прозвучавшей по радио 29 декабря 1940 г., Рузвельт сумел подготовить общественное мнение «к новым шагам администрации по расширению помощи Англии» [2, с.192]. Окончательно, по мнению Н.И. Егоровой, позиции изоляционистов были подорваны с принятием закона о ленд-лизе [2, с.202].

Оценка значения ленд-лиза для англо-американских отношений у Н.И. Егоровой совпадает с точкой зрения Л.В. Поздеевой. Н.И. Егорова считает, что законопроект предполагал осуществление «краткосрочных и долгосрочных интересов США», идущих вразрез с интересами Англии, давал прямую «возможность нажима на Великобританию с целью ликвидации ее системы имперских преференций в торговле и дискриминационных тарифов в отношении американских товаров, а также другие выгоды» [там же; сравни: 16, с.55].

Труд Н.И. Егоровой, как и книга В.Л. Малькова опирается на широкую источниковую базу. Автор использовал публикации документов Конгресса, архивные материалы Ф. Рузвельта в Гайд-парке, коллекцию «устной истории» в Колумбийском университете и другие источники.

50-летие Победы широко отмечалось и на страницах ведущих российских исторических журналов. Непосредственно истории англо-американских отношений в годы второй мировой войны уделили внимание два периодических издания: «США: экономика, политика, идеология», «Новая и новейшая история».

В.В. Ларионов в своих статьях, посвященных Дню Победы, дает анализ англо-американской стратегии в последние годы войны [7; 8].

Автор вслед за военными историками В.М. Кулишом [5], В. Секистовым и Г. Коротковым [20] критически оценивает коалиционную стратегию западных союзников, называя ее «неторопливой, экономной, а временами и лицемерной» [8, с.7]. По мнению В.В. Ларионова, вклад Англии и США «в общее дело победы» был весьма скромным и ограниченным по сравнению с вкладом СССР, отмечая, что «действия англо-американского флота, налеты стратегической авиации, разного рода подрывная пропаганда и диверсии - основные методы борьбы с фашистским блоком в 1941-1944 г.г. - не оказали серьезного непосредственного влияния на экономическое и военно-политическое положение гитлеровской Германии» [8, с.9].

США и Великобритания, как отмечает В.В. Ларионов, с одной стороны преследовали единые цели в войне (устранить Германию как конкурента с мировых рынков, ослабить Советский Союз, затягивая открытие второго фронта), с другой стороны - испытывали острые разногласия «на почве столкновения национальных интересов и применения различных путей и способов достижения целей», что оказывало прямое влияние на

«содержание их национальных стратегий» [8, с.10]. Таким образом, по мнению автора, англо-американский блок, осуществляя свои особые планы в войне, сыграл значительно меньшую роль в разгроме фашистской Германии, чем Советский Союз.

Как видно из рассмотренных статей историк по-прежнему придерживается точки зрения, доминировавшей в советской историографии об империалистическом и подчас антисоветском характере действий Вашингтона и Лондона, которые затягивали окончательную победу над фашизмом.

Документальный очерк Г.П. Кынина «Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1941-1945 г.г.», опубликованный в журнале «Новая и Новейшая история», не дает каких-либо принципиально новых оценок и сведений об англо-американской позиции по германскому вопросу [6]. История политики США и Англии по отношению к послевоенному будущему Германии, излагаемая в данной статье, уже получила подробное освещение в трудах П.А. Николаева [15], Н.С. Лебедевой [9], А.И. Коновалова [4].

В 90-е годы из-под пера историка В.Т. Юнгблуда выходит несколько работ по истории американской дипломатии, в которых значительное место уделяется развитию англо-американских отношений во время второй мировой войны.

В статье «Гарри Гопкинс», помещенной в журнале «Вопросы истории», В.Т. Юнгблуд высоко оценивает деятельность помощника президента, сумевшему в начале 1941 г. установить в Лондоне доверительные отношения с заокеанским партнером [24, с. 61]. Неслучайно, что Черчилль после нескольких встреч с Гопкинсом увидел в нем важный «дополнительный канал связи с Рузвельтом» [там же].

Гопкинс, по мнению автора, исходил из принципа «первоочередности сотрудничества с Великобританией», что позволило американскому дипломату в годы войны решить совместно с Англией широкий круг военных и политических вопросов [24, с.67-68]. Как отмечает В.Т. Юнгблуд, Гопкинс, тем не менее, в своих действиях всегда «стремился руководствоваться, прежде всего, собственным, реалистическим пониманием национальных интересов США», а не позицией британского союзника [24, с.61].

В книге «Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия» В.Т. Юнгблуд продолжает исследовать вклад видных американских

дипломатов в создание и развитие англо-американского союза в годы войны [23].** Как и в статье, посвященной Г. Гопкинсу, автор в своих очерках отмечает высокий профессионализм и достаточно успешные действия и инициативы А. Гарримана, Э. Стеттиниуса и С. Уэллеса в сплочении уз антигитлеровской коалиции и англо-американского блока, в частности [23, с. 126, 163, 189-190].

В.Т. Юнгблуд совсем иначе оценивает миссию С. Уэллеса в Европу, нежели отечественная историография 40-х-80-х годов, в которой турне дипломата неизменно рассматривалось как провальное и безрезультатное [1, с.69]. И. Беглов полагал, что суть миссии в стремлении США «выступить в качестве арбитра» между воюющими державами, предложить им очередной вариант политики умиротворения, с тем, чтобы выдвинуться на первые роли в европейском мире, оттеснив Англию на второй план [1, с. 59]. По мнению В.Т. Юнгблуда, подобная точка зрения не отражает смысл происходившего и содержит немало противоречий.

Автор отмечает, что к началу 1940 г. Рузвельт, осознав всю опасность нацистской политики, активно вел подготовку страны к войне (что выразилось в смягчении закона о нейтралитете, введении на границе боевого патрулирования кораблей) и уже не думал о компромиссном мире, «который сохранил бы нацистов у власти» [23, с.126]. По мысли историка, «Рузвельт как опытный режиссер, совместно с искусным исполнителем Уэллесом «инсценировали видимость провала миссии», для того «чтобы сделать все возможное для отсрочки военного наступления немцев в Европе и использования передышки для укрепления вооруженных сил США и их наиболее вероятных союзников» [там же].

Таким образом, поездка Уэллеса в Лондон, по мнению автора, не «являлась попыткой реанимировать политику умиротворения», а, наоборот, означала, что в Вашингтоне после «неудачной миссии» начнут делать все возможное для «устранения препятствий на пути сближения всех противников Гитлера» [23, с.126-127].

На наш взгляд, точка зрения В.Т. Юнгблуда, с учетом последующего хода развития англо-американских отношений в годы войны, более адекватно отражает историческое значение миссии Уэллеса, чем мнение, высказанное в статье И. Беглова.

В обзорной статье «Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль: два лидера в одной войне» В.Т. Юнгблуд анализирует влияние глав государств на англо-американские отношения в период второй мировой войны.

Историк, обращая внимание на личную дружбу и взаимную симпатию Ф. Рузвельта и У. Черчилля, отмечает, что при всей прочности персональных контактов «разногласий было более чем достаточно» [25, с.166]. Так, разные взгляды на будущее послевоенного мира, по мнению В.Т. Юнгблюда, предопределили распределение ролей в англо-американском союзе. Рузвельт, мысливший более глобальными внешнеполитическими категориями, охватывавшими весь мир, в отличие от Черчилля, главной задачей которого было «удержать Британию на том уровне влияния, на котором она оказалась в пору своей имперской славы», по праву занял в ходе войны ведущую роль в англосаксонской коалиции [25, с.171-172].

В своих трудах В.Т. Юнгблюду во многом по-новому подходит к осмыслению англо-американских отношений, выдвигая на первый план не только национальные интересы обоих государств, приводившие к острому соперничеству внутри блока, но и осознание «общей цели - необходимости вести войну до окончательной победы» [25, с.166].

Академик Г.Н. Севостьянов в своих статьях сосредотачивает свое внимание на исследовании англо-американских конференций в Квебеке в 1943 и 1944 г.г., история которых недостаточно освещена в отечественной историографии [18; 19]. Автор анализирует работу конференций в прямой связи с военными действиями на восточном фронте и политикой советской дипломатии в эти годы.

По мнению Г.Н. Севостьянова, на встрече в Квебеке в 1943 г. западные союзники уже не могли не считаться с событиями, происходившими на советско-германском фронте. Поэтому американская делегация твердо заявила о намерении открыть второй фронт в 1944 г., несмотря на энергичные возражения Черчилля в первые дни конференции [18, с. 142]. Решительность, с которой отстаивали свою точку зрения американские военные, по убеждению историка, вынудила британского премьер-министра согласиться с высадкой англо-американских войск на севере Франции [18, с.143]. США и Англия, согласовав план открытия второго фронта, по мнению Г.Н. Севостьянова, исходили, прежде всего, из того факта, «что Красная Армия быстро продвигается на запад и влияние СССР в освобожденных от немецкой оккупации европейских государствах становится все более мощным» [18, с.148].

Множество других вопросов, обсуждавшихся на встрече (признание ФКНО, послевоенное устройство Германии, будущая

судьба колоний Британской империи и т.д.) не были согласованы окончательно именно поэтому квебекские решения «отличались неопределенностью» [18, с. 154]. Как считает Г.Н. Севостьянов, все принятые военные постановления определялись исключительно политическими соображениями, иногда отличными от интересов Советского Союза [18, с.155]. С другой стороны, как указывает историк, «без СССР нельзя было принимать решения по многим международным вопросам» [там же].

В статье «Вторая Квебекская конференция 1944 г.» Г.Н. Севостьянов, подробно и последовательно излагая ход конференции, приходит к аналогичным выводам, что и в первой статье. Работа конференции, по мнению историка, ясно показала, что «без участия СССР невозможно принимать решения по важнейшим вопросам мировой политики» [19, с.164]. Например, вопросы послевоенного устройства Европы (германский вопрос, будущее Польши) не нашли своего окончательного разрешения на конференции, так как требовали дополнительного согласования с СССР [19, с. 163].

Исследователь отмечает, что на встрече в Квебеке у Рузвельта и Черчилля по многим проблемам «выявились разные подходы и взгляды» [там же]. Если спорный вопрос был принципиальным, то, как считает Г.Н. Севостьянов, «английской делегации приходилось идти на компромиссы и уступать, ибо соотношение сил было в пользу США» [19, с.157].

Биографическое повествование Р.Ф. Иванова «Дуайт Эйзенхауэр. Человек, политик, полководец» - одна из последних работ, где рассматривается история англо-американских отношений в годы второй мировой войны. По сравнению с первым изданием, вышедшим в 1983 году, новая работа историка дополнена солидной источниковой базой, рассекреченными в недавнем прошлом документами. В первую очередь, это относится к документам из Архива внешней политики РФ и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории.

Историк дает высокую оценку военной деятельности американского генерала в годы войны. По мнению Р.Ф. Иванова, Эйзенхауэр внес крупный вклад в разгром фашистской Германии, успешно командуя «вооруженными силами западных союзников во время операций в Северной Африке, Италии, во Франции», а, также успешно решая «многочисленные спорные проблемы, которые возникали между английскими и американскими вооруженными силами» [3, с.79, 155].

Автор, тщательно проанализировав характер военных

операций Эйзенхауэра в годы войны, пришел к выводу о том, что генерал неукоснительно проводил в жизнь военную стратегию англо-американского блока, показав себя в ряде случаев политиком-реалистом при обсуждении вопросов открытия второго фронта в Нормандии, штурме Берлина и т.д. [3, с.155].

* * *

В 90-е годы на изучение отечественной историографией англо-американских отношений повлияло целый ряд факторов. Во-первых, с прекращением «холодной войны» у историков появляется возможность широко использовать ранее недоступные архивные материалы. Данный факт напрямую связан с начавшимся процессом рассекречивания архивных документов, как за рубежом, так и в нашей стране. В 90-е годы отечественные историки продолжали исследовать англо-американские отношения, уже опираясь на достаточно обширную источниковую базу. Это в полной мере относится к работам Н.И. Егоровой, Л.В. Малькова, Р.Ф. Иванова и других историков.

Во-вторых, необходимо отметить, что большинство специалистов сосредоточили свое основное внимание либо на плохо освещенных ранее, либо на совсем неизученных проблемах истории англо-американских отношений в отечественной литературе, что, в свою очередь, также сопровождалось вовлечением в научный оборот новых источников и неизвестных ранее данных и фактов (работы В.Л. Малькова, М.М. Наринского, Л.В. Поздеевой, В.Т. Юнгблода, Г.Н. Севостьянова и других) Наконец, в-третьих, интерес к истории второй мировой войны, в том числе и англо-американским отношениям сильно возрос в связи с празднованием 50-летия со Дня Победы над фашистской Германией. Историки бывших стран-участниц антигитлеровской коалиции, отбросив прежние идейные разногласия, предприняли попытку заново осмыслить исторические события второй мировой войны [21, с.19-20].

По-прежнему, множество вопросов (и это несмотря на внушительное число исследований) ещё ждут своего обстоятельного исследования. На наш взгляд, следует обратиться к следующим аспектам истории англо-американских отношений в годы второй мировой войны:

1. История англо-американских конференций в Вашингтоне, Каире и влияние принятых на них решений на дальнейший ход войны.
2. История совместных разведывательных операций и

вопрос координации действий английской и американской разведок во второй мировой войне.

3. Вопросы функционирования системы ленд-лиза во взаимоотношениях союзников.

4. Экономическое взаимодействие США и Великобритании, проблемы совместного производства и торговли.

5. Англо-американская политика в Средиземноморье и на Балканах в годы второй мировой войны.

Таковы основные черты отечественной историографии англо-американских отношений периода второй мировой войны в 90-е годы XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беглов И. Миссия Уэллеса в Европу // Вопросы истории, 1949, № 6.
2. Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933-1941 г.г. М., 1995.
3. Иванов Р.Ф. Дуайт Эйзенхауэр. М., 1998.
4. Коновалов А.И. Позиция США по германскому вопросу на Квебекской конференции в сентябре 1944 г. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1985.
5. Кулиш В.М. История второго фронта. М., 1971.
6. Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1941-1943 г.г., 1944-1945 г.г. (обзор документов) // Новая и новейшая история, 1995, № 1, № 4.
7. Ларионов В.В. К 50-летию Победы: Последние километры к Победе / / США: экономика, политика, идеология, 1995, № 4.
8. Ларионов В.В. Сокрушительное поражение фашизма в Европе // США: экономика, политика, идеология, 1995, № 5.
9. Лебедева Н.С. Касабланская конференция и принцип безоговорочной капитуляции // Американский ежегодник. М., 1978.
10. Лукашев К.И. Основные вопросы военной и послевоенной внешнеторговой политики США. М., 1947.
11. Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников. М., 1989.
12. Мадзоевский С. Квебекское соглашение. Англо-американские противоречия в области атомного оружия // Международная жизнь, 1958, № 5.
13. Мальков В.Л. Разведка союзников в годы войны // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995.
14. Мальков В.Л. "Манхэттенский проект". Разведка и дипломатия. М., 1995.
15. Николаев П.А. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе. М., 1964.

16. Поздеева Л.В. Англия и закон о ленд-лизе 1941 г. // Новая и новейшая история, 1961, №4.
17. Поздеева Л.В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны (1941-1945 гг.). М., 1969.
18. Севостьянов Г.Н. Квебекская конференция 1943 г. // Новая и новейшая история, 1996, №2.
19. Севостьянов Г.Н. Вторая Квебекская конференция 1944 г. // Новая и новейшая история, 1997, №1.
20. Секистов В., Коротков Г. Второй фронт войны в Европе // Военно-исторический журнал, 1972, № 7.
21. Союзники в войне, 1941 - 1945. М., 1995.
22. Трухановский В.Г. Проблема ядерного оружия в английской политике в годы второй мировой войны // Вопросы истории, 1984, № 5.
23. Юнгблюд В.Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб., 1996.
24. Юнгблюд В.Т. Гарри Гопкинс // Вопросы истории, 1996, № 11-12.
25. Юнгблюд В.Т. Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль: два лидера в одной войне // Метаморфозы истории. Альманах. Выпуск 1. Вена - СПб. - Псков, 1997.

* В сборнике представлены такие видные специалисты по истории второй мировой войны, как Ч.С. Александер, Л.Гарднер, У.Ф. Кимболл, М. Столер, Т.А. Уилсон (США); А. Данчев, Ж. Харрис, Р.Дж. Овери, Д. Рейнолдс (Великобритания). С российской стороны участвовали О.А. Ржешевский, Л.В. Поздеева, А.О. Чубарьян, М.М.Наринский.

** одна из глав монографии также посвящена дипломатии Г. Гопкинса.

О.А.Иванов

СЕВЕРОИРЛАНДСКАЯ ПРОБЛЕМА И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ИСТОРИКАМИ (1980-1990-е гг.)

 североирландская проблема уже долгое время является фактором, отрицательно влияющим на социально-экономическую и политическую жизнь как Ирландии, так и Великобритании. Эта проблема многосторонняя по своему содержанию: с одной стороны, Северная Ирландия сегодня - неотъемлемая часть Великобритании, с другой стороны - исторически сложившаяся часть Ирландии. Еще один аспект проблемы - дискриминация католического меньшинства в Ольстере и террор католических и протестантских экстремистов. Таким образом, в североирландском вопросе отражены многие острые проблемы, которые приобретают сегодня международный, глобальный характер: сепаратизм и право наций на самоопределение, терроризм, дискриминация населения по религиозному и национальному признакам.

Североирландская проблема возникла еще на рубеже XVI – XVII вв., но окончательное оформление она получила в 1921 г., когда по англо-ирландскому договору южная часть Ирландии получила право доминиона, а северо-восточная часть осталась в составе Англии.

Необходимо отметить, что существуют два неидентичных понятия: «Ольстер» и «Северная Ирландия». Ольстер - одна из четырех провинций Ирландии, состоящая из 9 графств. По договору 1921 г. в состав Англии вошли только 6 графств, которые и получили название Северная Ирландия, остальные 3 графства остались частью ирландского доминиона. В историографии принято считать равнозначными понятия Ольстер и Северная Ирландия, "североирландская проблема" и "ольстерский вопрос" Особое значение имеет понятие "ольстерский кризис" - это этап в истории Северной Ирландии, временные рамки которого - 1968 – 1972 гг.

Попытки решить североирландскую проблему предпринимаются в течение более чем 80 лет, причем как мирным, так и военным путями.

Объединить Ирландию силой оружия – такую задачу поставила перед собой Ирландская республиканская армия (ИРА), организация, опирающаяся на католическое население. Английское правительство долгое время делало так же ставку на силовое решение проблемы, направляя в Ирландию все новые экспедиционные войска.

Однако, наряду с этим, предпринимались попытки решить ольстерский вопрос и политическим путем. Переговоры между правительствами, политическими партиями Ирландии, Северной Ирландии и Великобритании привели к частичному решению проблемы к февралю 2000 г.

В результате анализа проблемы в истории Северной Ирландии можно выделить следующие периоды:

1. 1919 – 1923 гг. Англо-ирландская и гражданская войны. Поражение республиканского движения и окончательное оформление раздела страны.

2. 1923 – 1954 гг. Формирование юнионистского режима в Северной Ирландии. Развитие политической и экономической самостоятельности Ирландии, обретение ею независимости. Периодическая активизация деятельности ИРА, отсутствие попыток разрешения североирландской проблемы мирным путем.

3. 1954 – 1968 гг. “Кампания на границе” - ставка на объединение Ирландии вооруженным путем. Усиление дискриминации католического меньшинства в Северной Ирландии; оформление Ассоциации борьбы за гражданские права.

4. 1968 – 1972 гг. Ольстерский кризис. Ввод крупного контингента британских войск, усиление репрессивного аппарата. Активизация деятельности ИРА и ее раскол. Ликвидация юнионистского режима - введение прямого правления Великобритании.

5. 1973 – конец 1990-х гг. Осознание необходимости проведения реформ в Северной Ирландии. В 80-е гг. намечаются тенденции к мирному урегулированию проблемы. В 90-е гг. подписан ряд соглашений, которые позволили нормализовать в какой-то степени положение в Ольстере и открыть перспективы для полного разрешения проблемы.

* * *

Начало научного осмысления проблемы Северной Ирландии относится к 1950-1960-м гг. В этот период изучается национально-освободительная борьба ирландского народа, республиканское движение, социально-экономический и политический аспекты развития Ирландии. Сама североирландская проблема понимается только как проблема раздела страны.

С 1970-х гг. историки особое внимание начинают обращать на положение католического меньшинства в Ольстере, на дискриминационную политику английского правительства, проводимую в отношении него. Изучаются истоки и причины раскола Ирландии, англо-ирландская война 1919-1921 гг. и гражданская война 1922-1923 гг., история ИРА. Рассматривается влияние религиозного фактора на развитие конфликта, освещается политическая жизнь и экономическое развитие Ирландии в первые послевоенные годы.

1980 — 90-е гг. можно охарактеризовать как период более глубокого изучения североирландской проблемы. Этому способствовало привлечение дополнительных источников и материалов, в том числе результатов психологических и социологических исследований. Расширяется проблематика работ, появляются новые подходы к изучению вопроса. Происходит осмысление ольстерского кризиса и политики Великобритании после введения прямого правления. Историки в 1980 — 90-е гг. имеют возможность анализировать эти аспекты с учетом их более длительного развития по сравнению с предыдущим периодом.

В 1980 г. вышла работа "История Ирландии", в которой с марксистско-ленинских методологических позиций освещается ирландская история с древнейших времен до 70-х гг. XX века.

Одной из основных задач книги является изучение борьбы ирландского народа за независимость и национальное самоопределение. Исходя из этого, авторы рассматривают социально-экономическое и политическое развитие страны в неразрывной связи с национально-освободительным движением.

Большое внимание уделяется выделению истоков и причин раздела Ирландии и возникновению острых социальных и политических конфликтов в Северной Ирландии.

Англо-ирландская война 1919-1921 гг. и гражданская

война 1922-1923 гг. оцениваются как два неразрывно связанных между собой этапа ирландской национально-освободительной революции, которая имела также, по мнению авторов, антиимпериалистический характер [1].

В книге дан подробный фактический материал по боевым действиям и развитию политической ситуации за 1919 – 1923 гг. В истории Ирландии 1920 – 1950-х гг. авторы выделяют два периода: 1923 – 1931 гг., когда власть в стране осуществляла партия Кумман на Гэл, и 1932 – 1957 гг.

В работе отмечаются многие негативные моменты в политике Кумман на Гэл, прежде всего в экономической и социальной сферах, которая тормозила развитие страны и вызывала недовольство широких слоев населения. Результатом этого стала победа на выборах 1932 г. партии Фиана фойл.

При рассмотрении периода 1932 – 1957 гг. основное внимание уделяется экономическим преобразованиям, борьбе с фашизмом и деятельности ИРА.

Историю Ирландии конца 50-70-х гг. авторы изучают с точки зрения развития экономики, внешнеполитической деятельности и рабочего движения. Особым вопросом выделяется ольстерский кризис. Его хронологические рамки определяются как 1968- конец 70-х гг. (последняя дата связана с опубликованием работы в 1980 г). Хотя непосредственно кризисом можно считать только события 1968 – 1972 гг., авторы работы "История Ирландии" делают вывод, что введение прямого правления не только не привело к разрешению ситуации, но еще больше ее усугубило [2].

Выход из кризиса авторы видят в осуществлении программы КПИ, которая предложила сплотить рабочих католиков и протестантов и сделать их движущей силой в борьбе за демократию. Экономическое сближение Севера и Юга и создание общеирландского внутреннего рынка также должно было способствовать, по мнению лидеров КПИ, решению проблемы [3].

В целом в работе подробно освещена история Ирландии в рассматриваемый период, но недостаточным является анализ фактического материала. В основном он ведется с точки зрения соответствия процессов развития страны социалистическим идеалам, которые были выдвинуты приверженцами марксизма-ленинизма.

В 1980-1990 гг. продолжает свою работу по изучению проблемы Е.Ю.Полякова. В 1982 г. вышла ее работа "Ольстер: истоки трагедии", в которой она рассматривает исторические корни ольстерского вопроса начиная с XVII в. Автор приходит к выводу, что истинные причины ольстерской проблемы кроются не в религиозных различиях ирландского населения, а в серьезных социально-экономических и политических процессах.

В работе подробно рассматриваются события, предшествовавшие англо-ирландской войне, и сама война. Причиной войны Полякова считает рост национального самосознания и движение за независимость в Ирландии, с одной стороны, с другой - попытки Великобритании сохранить свое господствующее положение на "Зеленом острове" [4].

В работе отражены деятельность ИРА, ее основные военные акции, позиция рабочего движения, изменения в политической обстановке Англии и Ирландии за 1919-1921 гг.

Подводя итог англо-ирландской войны, Полякова делает вывод, что ее главным результатом стало прекращение "безраздельного британского господства в стране". Однако для Ирландии война, а также договор 1921 г. имели и отрицательную сторону — закрепление раздела страны, который принес огромный экономический, социальный, политический и культурный ущерб обеим частям страны [5].

В целом, для работы "Ольстер: истоки трагедии" характерен глубокий научный подход, сочетание фактического материала с глубоким анализом сложных процессов, происходящих в Ирландии.

Статья В.Н. Истратова и А.Д.Колпакова "Трагедия Ольстера" посвящена анализу ситуации в Северной Ирландии в 1950-1970-х гг. Основной целью работы является изучение ольстерского кризиса, политики Великобритании в 70-е гг. и позиции реакционно настроенной части протестантов. Авторы считают, что в основе кризиса лежит целый комплекс причин, большая часть которых уходит корнями в глубь веков. Чтобы выявить эти причины, Истратов и Колпаков обращаются к истории колонизации Ирландии Англией и к факту раздела страны в 20-е гг. XX в.

Юнионистский режим авторы определяют как "...полицейская диктатура буржуазно — помещичьей верхушки", основой которой был союз буржуазии с протестантскими рабочими, привлекаемыми

с помощью пропаганды религиозного фанатизма и предоставления привилегий по сравнению с католиками [6].

Разразившийся после подавления мирной демонстрации 5 окт. 1968 г. ольстерский кризис усугубил, по мнению авторов, негативные тенденции в экономической и социальной областях жизни провинции. В таких условиях английское правительство сделало ставку на политику репрессий.

Истратов и Колпаков считают, что такой курс властей сделал возможным еще большее усиление активности протестантских военизированных формирований. Ответом на погромы католической общины стали террористические акты "временной" ИРА.

В работе определены основные черты ИРА: "...религиозный фанатизм, антикоммунизм". Отмечается, что ее действия имели кроме некоторых положительных моментов и негативные последствия, прежде всего для демократического движения. Власти использовали деятельность "временных" для оправдания репрессий против католиков [7].

Оценка военизированных протестантских и католических организаций, данная в статье, практически ставит знак равенства между ними, не учитывается вынужденность боевых действий ИРА в сложившейся обстановке.

Основным результатом кризиса авторы признают "крах неокOLONиальной политики Британии в Северной Ирландии" Реальным путем, который привел бы к восстановлению мира и спокойствия в Ольстере, они считают реализацию программы КПИ, принятой в феврале 1978г. [8].

Монография "Рабочее движение Великобритании: национальные и расовая проблемы", опубликованная в 1982 г., представляет собой исследование позиций рабочего движения в Великобритании в национальном и расовом вопросах.

Один из разделов книги посвящен изучению отношений рабочего класса Великобритании к борьбе ирландского народа за независимость и единство страны с конца XIX в. по конец 70-х гг. XX в.

В работе предпринята попытка показать английское рабочее движение в выгодном свете, как силу, поддерживающую стремление ирландцев к национальному самоопределению. Такая позиция может быть связана с тем, что рабочее движение оценивается с точки зрения марксистско-ленинской

методологии как прогрессивно направленное, ориентированное на тесный союз с рабочими других стран, которые ведут борьбу против "империализма".

Однако, в книге признается, что рабочее движение Великобритании не стало "... действенным помощником, союзником борцов за демократию в Северной Ирландии" [9]. Такая оценка соответствует существовавшей позиции как руководства тред-юнионов, так и самих рабочих по ольстерскому вопросу.

Работа М.Е. Орловой "Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа" по содержанию и оценкам отдельных событий и процессов очень схожа с соответствующим разделом книги "Рабочее движение Великобритании: национальные и расовая проблемы" – в ней также исследуется история взаимодействия рабочего движения Великобритании и национально-освободительного движения в Ирландии.

Основное отличие заключается в более детальной и глубокой проработке рассматриваемого вопроса, несколько расширяются хронологические рамки исследования - до начала 80-х гг.

Автор положительно оценивает изменения в позиции лейбористов и английских тред-юнионов, произошедшие в 1981 г.: впервые конференция лейбористов в своей резолюции признала воссоединение Ирландии мирным путем и при согласии всего населения наилучшим выходом из кризиса.

Конференция тред-юнионов в 1981 г. приняла резолюцию о том, что "... раздел Ирландии является коренной причиной насилия и кровопролития на севере Ирландии и что только объединение Ирландии может стать надежным решением конфликта" [10].

Орлова считает, что этот "успех" был подготовлен деятельностью рабочего и коммунистического движения в предшествующие годы, а также изменением в соотношении сил в Англии.

В работе Э.Н. Матюнина "Ольстер - истоки кризиса и современность" основное внимание уделено изучению причин возникновения североирландской проблемы и ольстерского кризиса, подробно рассмотрен сам кризис и развитие ситуации в Ольстере после 1972 г.

Истоки североирландской проблемы автор видит в проводившейся Англией колониальной политике, которая получила наиболее яркое выражение в Акте об управлении Ирландией и в англо-ирландском договоре 1921 г. Особенности социально-экономического развития Ольстера и преобладание в этой провинции протестантского населения также отмечается автором как причина раздела страны.

Основой ольстерского кризиса, по мнению Матюнина, является дискриминационная по отношению к католикам политика юнионистов. Такая оценка причин кризиса признается практически всеми отечественными историками.

При освещении ольстерского кризиса автор часто заостряет внимание на мерах английского правительства по наведению порядка, которые подвергает критике, и видит в них причину активизации деятельности военизированных формирований.

ИРА Матюнин характеризует как "экстремистскую организацию", идеологической платформой которой является мелкобуржуазный анархизм. С таким определением сложно согласиться, т.к. ИРА ставила целью своей борьбы создание единой Ирландии, и наиболее правильно считать ее ультрареспубликанской организацией.

Книга Н.П. Грибина "Трагедия Ольстера" является глубоким и всесторонним исследованием североирландской проблемы. Проблема Северной Ирландии, ольстерский кризис неразрывно связываются со всей историей Ирландии, с многовековой борьбой ирландского народа за национальное освобождение. В работе рассматриваются основные черты антидемократичекой политики английских правящих кругов в Северной Ирландии, которые и явились основной причиной ольстерского кризиса.

Грибин подробно излагает процесс развития кризиса, отмечая, что осложнение ситуации в Ольстере было во многом вызвано нежеланием английского и североирландского правительств удовлетворить требования борцов за гражданские права с одной стороны, с другой — их тактикой поддержки "умеренных" деятелей юнионистской партии [11].

Оценивая политику Великобритании после введения прямого правления, Грибин отмечает отсутствие коренных социально-экономических преобразований в Северной

Ирландии. По его мнению, обещания консерваторов и лейбористов изменить в лучшую сторону положение в Ольстере были лишь политическим маневром, цель которого – ослабить демократическое движение в Северной Ирландии, “ввести в заблуждение общественное мнение страны и сохранить тем самым полный контроль над”... провинцией [12].

Свидетельством отсутствия реальной программы преобразований у английского правительства Грибин считает применение силы в качестве выхода из кризиса.

Автор полностью стоит на позициях поддержки борьбы католиков за свои права и за единство страны. Значительно отличается от остальных исследователей отношение Грибина к ИРА. В работе изучены основные моменты ее истории, однако автор уделяет большее внимание деятельности ИРА в 70-е годы. Он считает, что террор был “импортирован в Ольстер британской армией и ... действия “временной” ИРА являются ответом на этот массовый террор”. Подтверждается такой вывод словами одного из лидеров “временщиков” Шина Кеенона: “Применять оружие, бомбы - это не какое-то национальное развлечение, это – методы, к которым мы были вынуждены обратиться, когда англичане объявили ИРА войну”[13].

Негативный момент в деятельности ИРА автор видит только в том, что акции “временных” являются одним из основных аргументов английских и ольстерских политиков в проведении ими борьбы с демократическим движением в Северной Ирландии.

Подводя итог изучения проблемы, Грибин признает, что невозможно “с большой степенью уверенности ответить на вопрос о том, когда и каким образом...” будет решен североирландский вопрос [14].

В целом работа “Трагедия Ольстера” - одна из немногих, лишенная стереотипности и догматизма при изучении североирландской проблемы. Ее несомненным достоинством является большой объем и широкий диапазон использованных первоисточников.

В книге В.Н. Истратова “Лейбористы и национальные проблемы в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе (конец 60-70-е гг. XX в.)”, вышедшей в 1984 году, исследуется место национальных проблем в идеологии и политике лейбористской

партии, процесс формирования и проведения ее курса в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе, роль в этом процессе различных группировок партии.

Истратов отмечает, что до второй половины 60-х гг. лейбористы не занимались североирландским вопросом, т.к. считалось, что с подписанием договора 1921 г. он больше не существует. Основной подход лейбористов к Северной Ирландии - политика "невмешательства", предоставление свободы действий юнионистскому режиму [15].

Другие отечественные историки высказывают схожее мнение, утверждая, что английские правящие круги, независимо от партийной принадлежности, считали ирландский вопрос решенным (до 1968 г.)

При изучении конкретной политики лейбористов в североирландском вопросе Истратов делает вывод, что она складывалась под влиянием позиции и мнения высшего руководства партии, принадлежавшего к буржуазно-реформистскому течению.

Результатом лейбористского курса стало, по мнению автора, дальнейшее ухудшение положения в провинции, углубление кризиса [16].

Таким образом, автор признает бесперспективность попыток со стороны английского правительства урегулировать вопрос, т.к. основным стремлением Англии остается сохранение своего влияния в Ольстере, что было бы невозможно при проведении коренных социально-экономических и политических преобразований в провинции.

В монографии И.Д. Бирюкова "Ольстер. Кризис британской империалистической политики. (1968 – 1984 г.) анализируется ольстерский кризис 1968 – 1972 гг., политика Великобритании после введения прямого правления, расстановка политических сил в Северной Ирландии.

Автор исходит из того, что сущностью североирландского конфликта является не только борьба католиков за свои права и репрессии против них, но и наличие глубокого противоречия - "...между британским империализмом и ирландским народом в целом" [17].

Жесткой критике подвергается юнионистский режим, основой которого, по мнению автора, были тоталитаризм и дискриминация.

Рассматривая основные партии Северной Ирландии - Национальную парламентскую партию, Лейбористскую партию Северной Ирландии, Шин феин, Бирюков избегает негативных оценок, однако отмечает ограниченность их программных требований. Только КПИ он признает партией, выражающей истинные интересы трудящихся и борющейся за их права.

В работе подробно изучены события и процессы, происходившие в 1968 – 1972 гг.; основное внимание акцентируется на политике английского правительства.

Автор делает вывод о том, что Англия не предполагала ликвидацию коренной причины ольстерского кризиса - раздела страны. Хотя Лондон и предпринимал попытки провести социально – экономические и политические преобразования, они не имели результатов из-за мощного сопротивления протестантов, особенно ультраправых.

Сохранение напряженности делало необходимым присутствие английских войск в Северной Ирландии. С приходом правительства во главе с М. Тэтчер роль армии увеличилась, т.к. была сделана ставка на решение проблемы силовым путем. Бирюков считает, что такая позиция была выгодна монополиям, занятым производством оружия и боеприпасов. Сложившийся союз генералитета и монополий способствовал милитаризации методов решения североирландской проблемы [18].

Подводя общий итог политике английского правительства в 60-80-е гг., Бирюков приходит к выводу, что оно оказалось неспособным "... решить острый социально-экономический и политический кризис, охвативший Северную Ирландию" [19].

В работе О.А.Шахназарова "Ирландия - нерешенные проблемы" изучены особенности социально-экономического развития Ирландской республики, изменения в расстановке политических сил, новые тенденции во внешнеполитическом курсе этой страны в середине 80-х гг. Значительное внимание уделено анализу экономической и политической ситуации в Северной Ирландии, состоянию и перспективам решения североирландской проблемы.

Ирландия 20-60-х гг. в экономическом отношении признается автором сателлитом Великобритании. Лишь к концу 60-х гг. Ирландия превращается в индустриально-аграрное государство, по ряду показателей опережающая некоторые

страны Западной Европы. В подтверждение этого вывода в работе приведены данные экономической статистики [20].

Шахназаров анализирует конституционное устройство Ирландии, ее основные партии. Он считает, что практически все политические партии, за исключением коммунистической и лейбористской образовались в результате постоянного спада национально-освободительного движения, дифференциация которого началась в 1921 г. По его мнению, подлинные интересы трудящихся представляет КПИ, в то время как Фиана фойл и Фине гэл удовлетворяют лишь "узконаправленные интересы" крупной буржуазии [21].

При рассмотрении североирландской проблемы Шахназаров определяет самый простой, на его взгляд, путь ее решения - уход Великобритании из провинции, и, как следствие этого, объединение Ирландии. В то же время он признает маловероятным такой путь, т.к. с этим не согласятся протестантское большинство Ольстера, различные политические силы в Англии и Северной Ирландии; сложные англо-ирландские отношения также не могут способствовать такому решению вопроса.

В статье Х.Загладиной "Ольстер — новая фаза конфликта?" анализируется ситуация в Северной Ирландии после подписания в 1985 г. хиллсборского соглашения. И хотя, как отмечает автор, это соглашение ничего не меняет в статусе Ольстера, юнионисты встретили его очень враждебно, т.к. увидели в нем угрозу своему положению - возникли опасения, что Лондон согласится на воссоединение Ирландии [22].

Как основную тенденцию в политической жизни Северной Ирландии в 1985 — 1986 гг. Загладина определяет переход инициативы от Демократической юнионистской партии к Официальной юнионистской партии и ультраправым военизированным организациям протестантов, которые развернули массовую кампанию террора. Автор пишет, что росту активности протестантов способствовали теракты ИРА, которая через обострение межобщинного конфликта хотела придти к "национальному освобождению Ольстера" [23].

В статье приводятся результаты социологических исследований католиков и протестантов Ольстера по вопросам отношения к террористической деятельности ИРА и протестантов, к будущему устройству Ольстера. Вполне логичным

выглядит осуждение большинством населения терактов, но вызывает удивление тот факт, что многие жители провинции не определили свои позиции относительно будущего Ольстера.

Загладина видит выход из сложившейся ситуации в реализации программы, предложенной КПИ: вывод английских войск из Северной Ирландии, отмена репрессивного законодательства, создание ассамблеи. Конечная цель программы – создание единой Ирландии.

Исследование Е.А. Яковченко "Ирландия, 1919 – 1921 годы: проблемы национально-освободительного движения" по своей тематике отличается от большинства работ историков 80-90-х гг., внимание которых было обращено на ольстерский кризис и его последствия. Яковченко изучает события в Ирландии 1919-1921 гг., англо-ирландские отношения в этот период, анализирует причины, приведшие к подписанию англо-ирландского договора 1921 г.

При написании работы автором использован широкий круг источников: публикации официальных документов, речей и заявлений видных политических деятелей, периодические издания, мемуары; изучена зарубежная историография вопроса.

Содержание фактического материала и оценочные суждения кардинально не отличаются от других работ по этому вопросу.

Несколько особое место среди исследователей занимает С.В. Толстов. В отличие от других, он не поддерживает безоговорочно католическое меньшинство, и считает, что при урегулировании проблемы необходимо учитывать интересы и протестантской общины, как наиболее крупной части ольстерского населения.

В своей работе "Ольстерский кризис: буржуазные модели политического урегулирования" он видит три основных направления в политике по отношению к североирландскому вопросу: правоконсервативное, реформистское, буржуазно-националистическое [24].

Приверженцы правоконсервативного направления считают, что территориальный и политический раскол Ирландии необходим, британское господство в Ольстере незыблемо. Выход из кризиса они видят в подавлении и искоренении всех форм оппозиции.

Реформистское направление рассматривает кризис как следствие межобщинного конфликта, а следовательно решить

проблему можно через деполитизацию общества и примирение враждующих группировок.

Буржуазно- националистическое течение Толстов делит на два этапа: до 80-х гг. и с начала 80-х гг. Для первого этапа характерны требования безоговорочного вывода британских войск, единство страны. В 80-е гг. представители этого направления из-за страха перед республиканским движением демонстрирует готовность к сотрудничеству с Англией по решению Ольстерского вопроса.

Сам автор считает, что Англии нельзя уходить из Ольстера, иначе это спровоцирует гражданскую войну. Одной из активных участниц вооруженной борьбы он признает ИРА, которая проводит "безответственную политику", полностью игнорируя интересы протестантского населения, тем самым нанося серьезный ущерб демократическому движению [25].

При анализе этой работы можно сделать вывод, что автор окончательно не определился с возможным путем решения проблемы. С одной стороны, он считает, что Англия должна участвовать в урегулировании проблемы, с другой стороны - он поддерживает программу КПИ, в которой основной задачей является вывод английских войск из Ольстера.

Статья Е.Ю. Поляковой "Северная Ирландия: истоки конфликта" посвящена анализу ситуации в Ольстере в 60-80-х гг. на основе изучения истоков кризиса.

Автор обозначает несколько проблем, которые возникли в Ольстере в результате раздела страны и отрицательно влияют на обстановку в этой провинции: экономическая депрессия, безработица, низкая продолжительность жизни, высокая детская смертность, высокий уровень эмиграции.

По ее мнению, ольстерский кризис - это результат действия нескольких факторов: национальных, социально-экономических, политических и религиозных, которые "...фокусируются в проблеме двух общин: протестантской и католической" [26].

Автор положительно оценивает соглашение 1985 г., считая его "шагом вперед" в решении проблемы, окончательно, по ее мнению, она может быть решена через демократизацию общества и ликвидацию религиозной дискриминации.

В 1994 г. выходит третья работа М.Е. Орловой, посвященная ольстерской проблеме: "Северная Ирландия: опыт преобразований в расколотом обществе".

Эта работа отличается тем, что при анализе событий, происходящих в Ирландии, автором используются психологический и социологический подходы. В качестве источников часто привлекаются данные психологических и социологических исследований.

Основное содержание работы составляет анализ возможных путей решения проблемы, отношения к ним населения Ольстера, анализ социально-экономического положения различных слоев общества.

При изучении английской политики в отношении Северной Ирландии Орлова акцентирует внимание на мирных средствах урегулирования вопроса, фактически не исследуя попытки Великобритании силовым путем решить проблему. По ее мнению, первым шагом на пути к мирному урегулированию было подписание в 1985 г. хиллсборского соглашения. Она положительно оценивает попытки привлечь к переговорам Шин фейн при условии прекращения огня ИРА и отказа партии от насилия в деле воссоединения страны.

Как считает Орлова, способствует мирному урегулированию и рост в начале 1990 гг. антитеррористических настроений как среди католиков, так и среди протестантов, которые отдают на выборах свои голоса в поддержку "умеренных" партий [27].

Необходимым условием стабилизации ситуации Орлова признает искоренение дискриминации, формирование общества, цель развития которого была бы равенство ирландцев.

В работе рассмотрен процесс переговоров между основными политическими силами, участвующими в конфликте, и именно за этим процессом Орлова видит будущее Ирландии.

В целом, для работы характерно объективное рассмотрение вопроса, автор не поддерживает какой-либо из противоборствующих сторон. Проблему Северной Ирландии Орлова понимает как трагедию для ирландского народа, и для католиков, и для протестантов. Работе присуще некоторое философское осмысление вопроса, что и вполне понятно - проблеме Северной Ирландии не один десяток лет и осмысление опыта преобразований, опыта урегулирования подобной проблемы очень важно.

В своей статье 1998 года "Модернизация и мирный процесс в Северной Ирландии" Орлова продолжает анализировать процесс мирного урегулирования. Автор

выделяет в нем три этапа: конец 80-х гг. – приобщение юнионистов к переговорному процессу; 1992 – 1993 – обсуждение принципов взаимного в будущем объединения страны; с 1993 г. - изоляция экстремизма и терроризма, включение Шин фейн в переговорный процесс [28].

Орлова анализирует изменения, происходящие в католической и протестантских общинах. По ее мнению, католическая община начинает обретать "современные" черты – "... готовность и стремление к участию в гражданских акциях, гибкость в политических взглядах, приверженность к конституционным формам действия". В то же время у протестантов становится ярко выраженными черты нетерпимости и религиозного экстремизма, что связано с "предательством" Лондона, однако автор отмечает и наличие процессов "несектантского сознания" [29].

Орлова считает, что в 90-е гг. и происходят два важных процесса - фрагментация юнионизма и консолидация католической общины, которые являются предпосылками для мирного урегулирования. Основным результатом переговорного процесса в статье признается подписание соглашения 10 апреля 1998 г. по мирному урегулированию проблемы.

* * *

Проведенный историографический анализ работ отечественных исследователей североирландской проблемы позволяет сделать следующие выводы.

Проблема Северной Ирландии вызывала повышенный интерес отечественной исторической науки. Во многом это связано с пониманием проблемы как национально-освободительной борьбы ирландского народа, в которой, исходя из положений марксизма-ленинизма видели еще и борьбу против империализма. В 90-е гг. североирландская проблема привлекает внимание историков возможностью изучения и анализа процессов урегулирования подобных конфликтов.

В условиях советского общества, вплоть до начала 90-х гг. методологической основой изучения вопроса был марксизм-ленинизм. В соответствии с его постулатами рассматривались и оценивались отдельные события и процессы. По отношению к 90-м гг. нельзя говорить о какой-то определенной методологии, можно выделить только появление новых подходов в изучении проблемы – социологического и психологического.

В 1980-1990-е гг. североирландская проблема понимается как сложное социально-экономическое и политическое положение Ольстера, что нашло свое выражение в дискриминации католического меньшинства. Проблема территориальной целостности Ирландии отходит несколько на второй план. Во второй половине 90-х гг. североирландский конфликт оценивается как трагедия для ирландского народа, и для католиков, и для протестантов. Признается право Великобритании на сохранение своего присутствия в Ольстере, хотя и в ограниченной форме.

В конце 80-х гг. наблюдается тенденция к отходу от безусловной поддержки борьбы католического населения; историки признают необходимым учитывать позиции протестантской общины при разрешении проблемы.

В большинстве работ 1980-1990-х гг. делается вывод о том, что политика Великобритании в Северной Ирландии до начала 90-х гг. не принесла положительных результатов. Причины этого историки видят в методах британского правительства по наведению порядка, основой которых была дискриминация католиков, нарушение гражданских прав населения Ольстера.

На юнионистов и ультраправых исследователи возлагают вину за разжигание религиозной вражды и за срыв ряда мирных инициатив. Деятельность ИРА также признается тормозом на пути мирного урегулирования. Хотя ряд исследователей признает ее организацией, которая борется за интересы католического населения и вносит свою лепту в разрешение проблемы.

В 80-е гг. историки продолжают связывать процесс урегулирования с осуществлением на практике программы КПИ. В конце 80-х — 90-е гг. историки видят выход из сложившейся ситуации в демократизации и деполитизации североирландского общества, в установлении совместного контроля Англии и Ирландской республики над Ольстером, в установлении режима разделения власти между католиками и протестантами.

В заключении необходимо отметить, что результаты исследования североирландской проблемы, путей ее решения могут быть использованы при анализе многочисленных в наше время региональных конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Ирландии. М. 1980. С. 290.
2. Там же. С.379-386.
3. Там же. С. 387.
4. Полякова Е.Ю. Ольстер: истоки трагедии. М. 1982. С. 75.
5. Там же. С.144.
6. Истратов. В.Н., Колпаков А.Д. Трагедия Ольстера [документальный очерк]. // Новая и новейшая история 1982, № 2. С. 124.
7. Истратов В.Н., Колпаков А.Д. Трагедия Ольстера[документальный очерк]. // Новая и новейшая история 1982, №3. С. 113.
8. Там же. С. 122.
9. Рабочее движение Великобритании: национальные и расовая проблемы. М. 1982. С.313.
10. Орлова М.Е. Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа. М. 1983. С. 241.
11. Грибин Н.П. Трагедия Ольстера. М. 1983. С. 83.
12. Там же. С. 117.
13. Там же. С. 80-81.
14. Там же. С. 213.
15. Истратов В.Н. Лейбористы и национальные проблемы в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе (Конец 60-х — 70-е гг. XX в.) М. 1984. С. 130.
16. Там же. С. 70.
17. Бирюков И.Д. Ольстер: кризис британской империалистической политики (1968-1984). М. 1985. С. 20.
18. Там же. С.174-175.
19. Там же. С. 249.
20. Шахназаров О.Л. Ирландия: нерешенные проблемы. М. 1986. С. 15-20.
21. Там же. С. 40.
22. Загладина Х. Ольстер — новая фаза конфликта? // Мировая экономика и международные отношения. 1987, № 3. С. 83-87.
23. Там же. С. 84.
24. Толстов С.В. Ольстерский кризис: буржуазные модели политического урегулирования. // Новая и новейшая история. 1988, № 1. С. 33-50.
25. Там же. С. 42-48.
26. Полякова Е.Ю. Северная Ирландия: истоки конфликта. // Новая и новейшая история. 1990, №6. С. 43.
27. Орлова М.Е. Северная Ирландия: опыт преобразований в расколотом обществе. М. 1994. С. 146.
28. Орлова М.Е. Модернизация и мирный процесс в Северной Ирландии. // Полис: политические исследования. 1998, №2. С.176.
29. Там же. С. 174.

Л.В. Алиева

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Наша историография вновь начинает уделять внимание вопросу о крестьянской поземельной общине — одному из острейших вопросов русской общественной мысли второй половины XIX в. Сегодня историков интересуют в первую очередь такие вопросы, как место общины в общественной жизни России, связанные с ней специфические черты развития деревни и страны в целом на разных этапах исторического прошлого. Исследование истории русской поземельной общины сразу же вызвало формирование различных точек зрения как по вопросам ранее не изучавшимся, так и по проблемам, имеющим солидную историографию. Этот факт имеет, бесспорно, положительное значение, так как создает поле для дискуссий. Выявились, в частности, различные взгляды на происхождение поземельной общины и на ее место в аграрной эволюции пореформенной России. Однако и заключительный этап в развитии общины имеет свою обширную историографию.

Необходимо отметить, что в рамках общероссийской истории общины нас прежде всего интересует история общины Северо-Запада, поэтому представленный материал будет в большей степени касаться Северо-Западного региона, нежели всех остальных. Материал по другим регионам будет представлен фрагментарно, с тем, чтобы иметь возможность сравнивать процессы, происходящие в северо-западной деревне с процессами, происходящими по всей стране.

Прежде чем начать разговор о крестьянской общине, необходимо дать определение этому понятию. Существует множество определений общины [1]. Сразу отметим, что под понятиями «община», «сельское общество», «земельное общество» в дальнейшем мы будем иметь в виду исторически сложившуюся форму совместного пользования землей и крестьянского управления, причем применительно как ко времени проведения столыпинской аграрной реформы, так и ко времени ее существования после революции.

Среди проблем, связанных с историей общины на завершающем этапе ее существования, наиболее полно в историографии представлена **проблема влияния стольпинских преобразований на общину**.

Корелин А.П. и Шаццлло К.Ф., рассматривая стольпинскую аграрную реформу как попытку модернизации сельского хозяйства России, признают, что основное значение этого акта — пробудить в крестьянине частнособственнический инстинкт, дать толчок разрушению общины [2]. Они отмечают, что стольпинская реформа была многоцелевым, комплексным предприятием, первоочередной и двуединой задачей которого были разрушение общины [3]. Но, в конце концов, авторы приходят к выводу о том, что в ходе реформы «сколько-нибудь существенно подорвать значение общины в деревне не удалось» [4]. Авторы статьи ссылаются на исследование В.П. Данилова, в котором он приводит данные о том, что если в 1905 г. в Европейской России насчитывалось 135 тыс. общин, то к 1917 г. в пределах современной территории России их было 110 тыс. [5]

Отдельная глава работы А.Я. Авреха «П.А. Столыпин и судьбы реформ в России» посвящена стольпинской реформе. Автор также отмечает антиобщинную направленность стольпинских преобразований, которые не достигли своей цели [6].

С.М. Дубровский признавал прогрессивный характер реформы П.А. Столыпина [7]. Его монография представляет собой, пожалуй, наиболее полное и разностороннее исследование стольпинской аграрной реформы: он определил значение и сущность стольпинской аграрной реформы, обратился к истории законодательства времен реформы, описал мероприятия по проведению законов и указов в жизнь, определил степень влияния реформы на общину, привел огромный фактический материал практически по всем губерниям России того времени, в том числе и по Северо-Западному региону. Автор отмечает, что в «Псковской губернии и других западных губерниях еще до революции 1905 г. крестьяне стали самостоятельно выделяться из общин на хутора и отруба» [8]. Подобная тенденция действительно имела место, что подтверждается данными псковской земской статистики [9]. С.М. Дубровский также отмечает факты противодействия выделам [10]. Автор неоднократно утверждает, что наибольшее количество выделов было связано с сельской буржуазией, причем основывается он при этом на данных, собранных псковскими земскими статистиками в Псковской губернии [11]. Однако материалы,

собранные учеными Новгорода и Калининграда, а также архивные материалы, не подтверждают подобного вывода. А.С. Забоенкова в связи с этим отмечает, что «основная масса личных собственников и владельцев участковых хозяйств на Северо-Западе принадлежала середнякам и бедноте. При этом большая часть сельской буржуазии предпочла остаться в общине и даже тормозила выход из нее [12]. К подобным выводам пришел и Е.К. Розов [13].

Каковы же итоги укрепления наделной земли в личную собственность и создания участковых хозяйств в 1907 – 1915 гг. в Северо-Западных губерниях? Ответ на это вопрос мы находим в работе С.М. Сидельникова «Аграрная политика самодержавия в период империализма», в которой автор отмечает, что «в Северо-Западном районе община еще до реформы существенно разложилась. Правом укрепления наделов в собственность здесь воспользовались почти 23 % дворов, к участковому землевладению перешло 16,6% домохозяев. Укрепивших наделы больше было в Псковской губернии – 35,8% дворов, выделивших участки в Петербургской – 31,6%» [14]. Если сравнить эти цифры с данными по другим районам, то мы увидим, что Северо-Западный регион занимает промежуточное положение между Западным районом и губерниями нечерноземной полосы по степени разложения общины.

Даже вышеназванные цифры говорят о том, что на Северо-Западе и, в частности в Псковской губернии, община не была окончательно ликвидирована в ходе столыпинской реформы. Данные показывают, что столыпинская аграрная реформа привела в определенной мере к буржуазному преобразованию крестьянского наделного землевладения, но общину нельзя было разрушить в столь короткий срок, хотя ее роль в земельных отношениях северо-западных губерний была существенно подорвана.

Сохранение общинной организации в России обуславливалось рядом факторов: влиянием сильных традиций, которые подпитывались низким уровнем социально-экономического развития российской деревни, особенностями географических и природных условий обширной страны, аграрной перенаселенностью, и слабым оттоком населения в неземледельческие сферы народного хозяйства. Необходимо отметить, что и община сумела в какой-то мере приспособиться к новым условиям и даже обеспечить в определенной мере хозяйственный и агрикультурный прогресс. Об этом в свое время писал немецкий профессор Г. Аухаген,

посетивший в 1911 – 1913 гг. ряд российских губерний с целью выяснения хода реформы [15]. Эти наблюдения подтверждаются и исследованием П.Н. Зырянова, которое посвящено анализу жизнедеятельности общины Европейской России в 1907 – 1914 гг. Приведенный автором материал свидетельствует, что крестьянская общинная организация в какой-то мере пыталась реагировать на требования времени [16].

Еще при жизни П.А. Столыпина наметился спад темпов реализации реформы: с 1910 – 1911 гг. пошли на убыль заявления о выходе из общины, упало число переселенцев. Некоторые авторы связывают это с сопротивлением крестьянских масс.

Вопрос о сопротивлении крестьян царскому землеустройству, о влиянии реформы на внутрикрестьянские отношения поставлен в исторической литературе достаточно давно. Первоначально исследователи ограничивались описанием отдельных столкновений общинников с землеустроителями и выделенцами. Заметный сдвиг в исследованиях произошел в 1950-х – 60-х гг., когда в работах, посвященных истории крестьянства периода империализма, авторы выделяют период второй социальной войны, все чаще применяя статистические материалы. А.М. Анфимов в своей монографии «Российская деревня в годы первой мировой войны» признал, что противодействие крестьян земельному переустройству составило главную трудность в осуществлении аграрной политики самодержавия [17]. Автор составил таблицу, отражающую динамику крестьянского движения в годы первой мировой войны, в которую ввел специальный показатель о выступлениях крестьян против землеустройства [18].

Обстоятельно борьбу крестьян изучал П.Н. Першин, который описал наиболее важные формы проявления противоречий, существовавших между различными социальными группами крестьянства [19]. Отдельная глава книги С.М. Сидельникова посвящена противодействию крестьян столыпинскому земельному переустройству [20]. Попытку выяснить причины противодействия крестьян царскому землеустройству, раскрыть наиболее типичные формы и методы борьбы крестьян против столыпинской аграрной реформы с момента начала ее осуществления и до ее провала предпринял Г.А. Герасименко [21]. Он отмечает, что реформа была рассчитана на создание такой обстановки в деревне, при которой формирование сельской буржуазии пошло бы вперед ускоренными темпами [22].

Благодаря целой системе политических, экономических и финансовых мер, осуществленных царским правительством, часть крестьян действительно получила возможность покинуть общину и улучшить свое материальное положение, но это, как отмечают многие исследователи, породило глубокое и повсеместное недовольство подавляющего большинства сельских жителей. С первых же дней осуществления реформы основная масса крестьян выступила против царской аграрной политики. Борьба велась по двум направлениям: борьба крестьян против землеустроителей и тех, кто обеспечивал их деятельность и борьба общинников против выделенцев. Общинники всеми способами стремились удержать своих односельчан от выдела из общины, так как это чаще всего лишало их лучших земель, ограничивало пользование общинными угодьями, реально ухудшало условия их жизни. Д. Конаков в качестве главной причины такого отношения общинников к земельному переустройству называет предстоящий в 1910 – 1912 гг. во многих общинах земельный передел. По его мнению, именно он определял отношение крестьян к столыпинским новациям [23].

А.П. Корелин и К.Ф. Шаццло отмечают, что причины борьбы, как и ее формы, были различными и коренились в экономических и социальных противоречиях, существовавших в деревне на тот период времени [24]. Важную роль в этой борьбе играли и традиционалистские, патриархально-общинные пережитки в сознании и поведении крестьян, взгляд на землю как на «дар божий», как на общенародное достояние, которое нельзя закрепощать в частную собственность.

Не оправдались расчеты П.А. Столыпина на то, что в процессе землеустройства удастся отвлечь крестьян от помещичьих земель. Идея всеобщего передела не покидала крестьянства, подогреваемого деятельностью левых партий, шансы которых в годы войны резко возросли [25].

Характерным для Северо-Запада А.С. Забоенкова называет довольно сильное движение на хутора, разложение общинного землевладения еще до начала реформы, которое было подготовлено всем ходом развития крестьянского хозяйства [26]. Однако все вышеперечисленное не свидетельствует, по мнению автора, о меньшей остроте социальных противоречий на Северо-Западе, хотя крестьянское движение и было здесь менее интенсивно [27]. Причем основная масса выступлений крестьян была направлена против помещиков, а поскольку основную долю в составе

помещичьих земель составляли лесные угодья, сенокосы, то борьба против помещиков происходила, главным образом, в форме лесных порубок, потрав, поджогов и т.д. Эти формы по своей сути чаще всего носили немассовый характер, виновных удавалось обнаружить редко, поэтому их трудно фиксировать количественно.

К вопросу о классовой борьбе в период столыпинских реформ обращался и новгородский историк Е.К. Розов. Равно как и А.С. Забоенкова, автор отмечает, что «значительное место в крестьянской борьбе этого периода времени занимали порубки помещичьих лесов, а также казенных и удельных дач — всего 225 случаев, что составляло 25,6% всех выступлений» [28].

Свежий взгляд на аграрную реформу П.А. Столыпина представляет монография В.Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа» [29]. По мнению автора, реформа не получила своего завершения, так как в условиях Первой мировой войны произошло реальное снижение темпов реформирования, в том числе и по причине ухода в армию большей части землеустроителей. Итоговый концептуальный вывод В.Г. Тюкавкина о том, что начатые П.А. Столыпиным аграрные преобразования не провалились, а были прерваны мировой войной и остались незавершенными, бесспорно имеет право на существование. Такая общая оценка реформы не мешает автору анализировать и неудачи Столыпина, без которых не обходится ни одно большое дело (среди них: масштабы работ, быстрые темпы их проведения, сопротивление крестьян). Главное здесь заключалось в том, что реформа не смогла радикально улучшить тяжелое материальное положение крестьян Центральной России, где была сосредоточена основная масса великорусского крестьянства.

Влияние последствий столыпинской аграрной реформы на события 1917 г. в отечественной историографии раскрыто далеко не полно [30]. Так, в литературе отсутствуют сведения положении отрубщиков и хуторян к сельскому сходу и его выборным органам, месте и роли общины в сельской жизни. С.П. Трапезников полагал, что община после Февральской революции обнаружила «наиболее полнокровную жизнедеятельность»; как правило, конфискованные земельные угодья передавались в распоряжение всего общества для наделения безземельных и малоземельных крестьян» [31]. Многие историки, писавшие о борьбе крестьян летом и осенью 1917 г., приводят примеры того, как крестьяне и их организации брали под свой контроль помещичьи имения [32]. Все это

происходило до принятия II съездом Советов Декрета о земле. По сути дела, разгрома имений не было. Шла планомерная ликвидация остатков помещичьих имений земельными обществами, то есть самая настоящая социализация земли. И эта стихийная социализация земли могла лишь служить для крестьян слабым утешением и относительной компенсацией тех тягот и лишений, которые на них обрушили война и государство.

Вопрос об аграрном движении в северо-западных губерниях в период двоевластия был рассмотрен К.Б. Шустовым [33]. Автор отмечает, что сведения о крестьянском движении в стране в целом и, в частности, на Северо-Западе не отличаются полнотой и достоверностью, что обусловлено источниками их поступления и отсутствием налаженной системы сбора соответствующих данных [34]. По его мнению, неизбежно следует признать, что в рамках региона крестьянское движение было развито неравномерно, формы крестьянской борьбы были разнообразны и, хотя не достигли уровня прямой конфронтации с правительством, все же отличались массовостью и четко выраженной антипомещичьей направленностью [35].

Революция крестьян имела свой, особенный характер (и это давно известно историкам). Но только недавно некоторые исследователи стали называть эту революцию «общинной»: «Крестьянские выступления переросли в войну общины с городом за право не платить налоги и за избавление от вмешательства в свои дела. Сила неостановленной крестьянской стихии была такова, что любое правительство, не санкционировавшее уже проведенного захвата земли, было обречено на неминуемое устранение» [36].

Крестьянский идеал — «свободный труд на свободной земле». Он предполагал возможность осуществления его каждым, кто желал и мог обрабатывать землю своим трудом. Таков нравственный императив социального и физического выживания. Его осуществление и явилось главным двигателем аграрно-крестьянской революции в России, победившей в 1917 — 1922 гг. Общинный механизм земельных переделов легко справился с распределением экспроприированных помещичьих земель среди крестьянских хозяйств. При этом уравнительному переделу подверглись не только помещичьи и вообще частнособственнические земли, но и крестьянские наделы. Таким образом, в революционных аграрных преобразованиях проявилась действенность традиционной ментальности действия крестьянской

массы. Еще одним обстоятельством, ускорившим активизацию системы местного общинного самоуправления, был развал системы государственного управления. Наша нынешняя действительность дает нам пример того, что развал государственной системы оставляет человека один на один со всем внешним миром, он оказывается практически беззащитным. В дореволюционной России управление крестьянским миром осуществлялось через общинное самоуправление, интегрированное в государственную систему. Но самодержавно-бюрократический аппарат рухнул вместе с государством и этот этаж управления обнажился. «Общинное самоуправление, легко принимавшее советскую форму, взяло на себя решение всех «внутренних» и «внешних» проблем деревни. Община стала и организацией самозащиты крестьян в рухнувшем и враждебном мире. Развал государственной системы послужил одним из факторов возрождения общинных институтов» [37].

Вопрос о судьбе общины после революции имеет свою историографию, хотя и менее обширную, чем историография столыпинской реформы. В ходе революции община вновь ожила и окрепла, поглотив основную часть сельскохозяйственных земель (свыше 90%). Это обстоятельство иногда выдвигается основанием для вывода об архаизации социально-экономической структуры послереволюционной деревни. Этот вопрос рассматривал В.П. Данилов, который согласен с тем, что «архаизация социальных форм, особенно в деревне, в ходе революции действительно имела место, но отмечает, что нельзя забывать о том, что революцией из аграрной структуры были удалены помещики — активные носители архаики, а крестьяне, возродившие общинную организацию, были уже далеко не архаичны, о чем свидетельствовали довольно быстрый подъем сельского хозяйства и активный процесс его обновления на кооперативных путях» [38].

Что касается Северо-Запада, то судьба местных участковых хозяйств после революции является одним из показателей устойчивости тенденции индивидуализации наделного землевладения в этом регионе. В северо-западных губерниях в 1920-е гг. число участковых хозяйств возросло. В Псковской губернии на 1 января 1915 г. было 30 тыс. хуторов и отрубов, а в 1924 г. — уже 52 тыс., хотя общинное землевладение преобладало. Поскольку большинство возникших в ходе реформы Столыпина хуторов и отрубов принадлежало бедняцким и середняцким слоям, их не трогали в ходе национализации. При проведении

землеустройства в 1920-х гг. значительную часть земли отводили участковым хозяйствам: в Псковской губернии в 1926 г. на них приходилось 36,6% землеустроенной площади. В отдельных районах Новгородской губернии доля хуторов и отрубов доходила до 30,5 % хозяйств. В дальнейшем с началом курса на сплошную коллективизацию участковое землеустройство было свергнуто [39].

В.П. Даниловым была предпринята попытка установить соотношение форм крестьянского землепользования, сложившееся после аграрной революции на основании данных частичного земельного обследования, проведенного в 1922 г. на территории РСФСР, БССР и УССР [40]. Автор приходит к выводу, что «в основных земледельческих районах страны в общинном землепользовании находилось около 98 – 99 % крестьянских земель. Только в Западном и Северо-Западном районах удельный вес общинного землепользования понижался до 65 – 75%. Смежные с ними губернии Центрально-промышленной области занимали промежуточное положение. Процент крестьянских земель, находившихся в распоряжении общин, определялся здесь в 80-95%» [41]. В.П. Данилов анализирует законодательство советского правительства, регулирующее механизмы функционирования общины, определяет место и роль земельных обществ в жизни России, характеризует последние годы существования общины и приходит к выводу о том, что «постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1931 г., которое устанавливало необходимый для ликвидации земельного общества уровень коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств в 68 – 70%, было признано, что земельные общества, общины должны прекратить свое существование с завершением сплошной коллективизации «в основном». По стране это произошло, как известно, к лету 1932 г.» [42].

Зарубежный историк А. Грациози, рассматривая развитие крестьянства после 1917 г., назвал период 1918 – 1933 гг. крестьянской войной в СССР. На протяжении этого периода, по мнению автора, сельский мир все еще оставался сильным (как показало его быстрое демографическое и социально-экономическое восстановление в период нэпа), однако крестьянство стало гораздо слабее. «В конце концов, сельский мир исчез повсюду», – делает вывод автор [43]. Практически все исследователи сходятся на том, что история общины, в общем и целом, завершилась со сплошной сталинской коллективизацией в

начале 1930-х гг., и Северо-Запад не является в данном случае исключением.

Свое рассмотрение в исторической литературе нашел **вопрос о способности общины стать исходной точкой развития коллективизации в деревне**. Зарождение этого вопроса относится ко второй половине XIX в., когда народники пытались усмотреть в общине исходную ячейку построения социалистического общества. Во второй половине 1960-х гг. С.П. Трапезников утверждал, что община стала исходной формой коллективизации в деревне, что коллективизация означала переход общинных организаций «в высшую форму, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства страны» [44]. В.П. Данилов отрицал это, полагая, что изменения в характере земельных обществ после революции не изменили природы общины, не превратили ее в переходную ступень к сплошной коллективизации, в связи с чем и возникла потребность в их ликвидации [45]. В реальной ситуации конца 1920-х - начала 30-х гг. община как самоуправляющийся соседский союз крестьян действительно прямо противостояла насильственной коллективизации и раскулачиванию. В этом было главное. С началом «сплошной» коллективизации общины в административном порядке ликвидировались — как только 2/3 их членов вступали в колхоз, их имущество передавалось колхозам и сельсоветам. На практике все это делалось форсированно и грубо.

Необходимо отметить, что **вопрос о роли поземельной общины в жизни северо-западной деревни** фактически еще не освещался в исторической литературе. Это отмечал в своей докторской диссертации Е.П. Иванов [46]. Пожалуй, впервые среди работ, посвященных аграрной истории Северо-Запада 1917 — 1945 гг., вопрос о крестьянской общине был рассмотрен Е.П. Ивановым [47]. В частности, им были показаны некоторые аспекты социально-экономической и политической роли общины в жизни деревни накануне коллективизации на примере новгородской деревни, и был сделан вывод о том, что «роль общины в жизни деревни была значительной. В социально-экономическом отношении общинные порядки часто использовались состоятельными слоями деревни в их интересах. Не имея политических прав «де-юре», община имела такие права «де-факто». Тем не менее, преувеличивать роль общины в жизни деревни не следует. Со стратегической точки зрения возможности общины были ограниченными» [48]. Фактически единственной в

историографии вопроса о политической роли общины в жизни деревни до сих пор остается статья Е.П. Иванова, где на конкретно-историческом материале, на основе анализа взаимоотношений сельсоветов с земельными обществами предпринята была попытка показать механизм, классовое содержание и некоторые формы политической деятельности общины в период непосредственной подготовки к массовой коллективизации [49]. Правда в единственной монографии по истории общины 1920-х — начала 30-х гг. В.Я. Осокина довольно подробно рассматривает развитие факторов, постепенно уменьшавших политический вес общины в жизни деревни (в первую очередь-развитие и укрепление Советов), но явно недостаточно внимания уделяет исследованию собственно политической жизни общины [50].

Вопрос о причинах исчезновения общины в историографии разработан, на наш взгляд, недостаточно. Чаще всего среди причин, вызвавших исчезновение общины, называют расслоение деревни на различные имущественные слои и порожденные этим острые социальные противоречия. Разумеется, различные слои деревни всегда находятся в определенном несогласии друг с другом. Но в конце 1920-х гг. их конфронтация не была сколько-нибудь значительной [51].

Интересный взгляд на эту проблему мы находим у С.В. Лурье [52]. Она считает, что причину исчезновения общины, а точнее ее неспособности к сопротивлению в ходе коллективизации надо искать в том, что община постепенно теряет свое значение в качестве церковного прихода. По мнению автора, общинное сознание постепенно, начиная с XVII в., лишается сакральной функции, становится в значительной мере фрагментарным. Оно сохраняет какие-то старые парадигмы «мирской» альтернативы, но не целостную ее структуру. Все в большей степени принимаются чужие названия. Советчиками крестьян порой становятся откровенные безбожники, ведь они знают все советские законы.

Еще целый ряд проблем, связанных с историей общины, в историографии либо не затронут, либо раскрыт крайне недостаточно. Не все из них мы рассмотрели и в данной статье. Но даже такой общий анализ работ, посвященных истории общины на заключительном этапе ее существования, позволяет сделать вывод о том, что вопросы развития общины все больше интересуют историков на современном этапе развития науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алаев Л.Б. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 418-424; Новая иллюстрированная энциклопедия. Т. 13. М., 2001. С. 56; Нечаев В.М. Общинное землевладение // Энциклопедический словарь. Т. 42. СПб., 1894. С. 634-635.
2. Корелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 32.
3. Там же. С. 34.
4. Там же. С. 38.
5. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 97.
6. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 88.
7. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 13.
8. Там же. С. 194.
9. Кисляков Н.М. Раздел общинных земель в Холмском уезде Псковской губернии. Псков, 1909. С. 2.
10. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. С. 197.
11. Там же. С. 198 – 199.
12. Забоенкова А.С. Изменения в землевладении крестьян Северо-Запада в годы столыпинской реформы // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1994. С. 69.
13. Розов Е.К. Крестьяне и крестьянское хозяйство Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Вологда, 1989. С. 71 – 72.
14. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 179 – 180.
15. Аухаген Г. Критика русской поземельной реформы. СПб., 1914.
16. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. М., 1992.
17. Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – 1917). М., 1962. С. 335.
18. Там же. С. 362.
19. Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966.
20. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 273 – 283.
21. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985.
22. Там же. С. 339.
23. Конаков Д. Вот тебе, укрепившийся! // Родина. 2002. № 7. С. 60.
24. Карелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России. С. 42.
25. Подробнее об этом см.: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 366 – 383.

26. Забоенкова А.С. Крестьянское движение в северо-западных губерниях в 1907 — 1914 гг. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 84.
27. Там же. С. 88.
28. Розов Е.К. Крестьяне и крестьянское хозяйство Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. С. 88.
29. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
30. Герасименко Г.А. Влияние последствий столыпинской аграрной реформы на крестьянские организации 1917 года. (По материалам Саратовской губернии) // История СССР. 1981. № 1. С. 40.
31. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т.1. М., 1974. С. 323.
32. Кравчук В.А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971.
33. Шустов К.Б. Аграрное движение в северо-западных губерниях в период двоевластия // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1990. С. 79-85.
34. Там же. С. 79 — 85.
35. Там же. С. 79, 82.
36. Бухарев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция. Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1994. С. 156.
37. Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). М., 1996. С. 31.
38. Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. №№ 4 — 5. С. 48.
39. Забоенкова А.С. Изменения в землевладении крестьян Северо-Запада в годы столыпинской реформы // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1994. С. 71.
40. Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 102-134.
41. Там же. С. 108.
42. Там же. С. 134.
43. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917 — 1933 гг. М., 2001. С. 71.
44. Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959. С. 64, 66.
45. Данилов В.П. Земельные отношения в советской доколхозной деревне // История СССР. 1958. № 3. С. 102 — 108.
46. Иванов Е.П. Социально-экономическое развитие деревни Северо-Запада РСФСР в процессе социалистического преобразования сельского хозяйства (1927 — 1937 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1985. С. 45.

47. Иванов Е.П. Новгородская крестьянская поземельная община накануне коллективизации (1926 – 1929 гг.) // Актуальные проблемы исторической науки. Тезисы докладов. Новгород, 1985. С. 14 – 17; он же. Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926 – 1929 гг.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 115 – 123.
48. Иванов Е.П. Новгородская крестьянская поземельная община ... С.15, 16.
49. Иванов Е.П. Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926 – 1929 гг.). С.115 – 123.
50. Осокина В.Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920 – 1933. М., 1978. С. 49 – 105.
51. Конквист Р. Жатва скорби. Лондон, 1988. С. 160.
52. Лурье С.В. Историческая этнология. С. 368.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Людмила Владимировна — аспирант кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Антипов Владимир Сергеевич — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Дмитриев Владимир Алексеевич — старший преподаватель кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Иванов Олег Алексеевич — аспирант Института США и Канады Российской академии наук (Москва).

Иваняков Роман Игоревич — преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Псковского юридического института (Псков).

Кикоин Исаак Константинович (1908 — 1984) — академик АН СССР, дважды Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и шести Государственных премий СССР, работал заместителем директора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова Российской академии наук (Москва).

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Колпаков Максим Юрьевич — ассистент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Колпакова Юлия Вячеславовна — аспирант кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Королева Нина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Лютов Александр Александрович — младший научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (Москва).

Митин Валерий Владимирович — ассистент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Нечипорук Дмитрий Михайлович — ассистент кафедры всеобщей истории Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (Псков).

Носков Владимир Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Сильнов Александр Васильевич — аспирант Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург).

Фельдт Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Поморского государственного университета (Архангельск).

Хорошкевич Анна Леонидовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва).

Якубовская Ирина Владиславовна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород).

М-54

Метаморфозы истории

Альманах

Выпуск 3

Издательская лицензия **ИД №06024** от 09.10.2001 года.

Подписано в печать г. Формат 60х90/16.

Объем издания в усл.печ.л. 17,75. Тираж 100 экз. Заказ .

Псковский государственный педагогический институт им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, пл. Ленина, 2.

Редакционно-издательский отдел ПГПИ им. С.М.Кирова,
180760, г. Псков, ул. Советская, 21, телефон 2-86-18.